

От переводчика

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-4-133-247.

Предлагаемый читателю перевод «Утешения Философией» — часть планируемой работы большого объема, целью которой является представить «золотую книгу» Бозция на фоне ее рецензии в латинской философии и поэзии XII века. В итоговую работу войдут, в частности, не переведившиеся донныне бозцианские прозиметры первой половины XII в.¹, а также «Элегия» Генриха (Арриго) из Сеттимелло.

«Утешение» принадлежит к тем вечным книгам, которые стоит заново переводить раз в поколение даже на язык, уже располагающий хорошими переводами, чего о нашей ситуации не скажешь. Русских переводов «Утешения» всего два; из них первый (Бозций, Русанов, 1794), строго говоря, не перевод, а парафраз², а второй (Бозций, Уколова и Цейтлин, 1990) обилует ошибками и неточностями. В этих обстоятельствах можно оказаться полезным, располагая и скромными способностями. Как всякий, кому дороги его усилия, я меньше всего хотел бы, чтоб на моей работе сбылось предсказание Горация: *tineas pasces taciturnus inertis*; я надеюсь, что новый перевод Бозция будет встречен замечаниями, которые позволят его улучшить.

¹От XII в. дошло пять латинских прозиметров, подражающих Бозцию. Два из них, самые поздние, теперь доступны русскому читателю: «Космография» Бернарда Сильвестра в переводе О. С. Воскобойникова и «Плач Природы» Алана Лилльского в переводе Р. Л. Шмаракова (Шартрская школа, 2018). Перевод трактата «О тождественном и различном» Аделарда Батского был опубликован нами позже (Аделард Батский, Шмараков, 2018). Остаются непереуведенными «Сегование и столкновение духа и плоти» Хильдеберта Лаварденского и «Утешение о смерти друга» Лаврентия Даремского.

²Например, «quem profanum» (Boet. Cons. I.pr.1.10) преосв. Феофилакт переводит «погруженному въ свѣтскія забавы, и ослѣпленному мирскими суетами челоуѣку», а на месте «Quae tametsi conditoris opera suique distinctione postremae aliquid pulchritudinis trahunt, infra vestram tamen excellentiam collocatae admirationem vestram nullo modo merebantur» (Boet. Cons. II.pr.5.10) читаем: «Камни яко произведеіе строителя чудеснаго, коему угодно было для различія повелѣть возникнуть изъ Хаоса однимъ свѣтѣщимъ, а другимъ прозрачнымъ и темнымъ тѣламъ; хотя одарены красотою совершенною въ своемъ родѣ: но въ отношеніи къ природѣ челоуѣчества очень много упадая въ цѣнь не заслуживаютъ особеннаго вниманія» (Бозций, Русанов, 1809: 56–57), и это не исключения, а систематически проводимый переводчиком метод.

Перевод выполнен по изданию «Утешения», осуществленному К. Морескини в *Bibliotheca Teubneriana* (Boethius, 2005); для сверки использовались английский (Boethius, 2003), итальянский (Boezio, 2014) и немецкий (Boethius, 2002) переводы. В связи с предварительным характером публикации примечания к переводу носят эскизный характер.

Роман Шмараков
д. филол. н., доцент НИУ ВШЭ (Санкт Петербург)

Боэций

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ*

КНИГА ПЕРВАЯ

I

- Песни в былые лета с цветущим усердьем слагавший¹,
 В горе, увы! принужден взять я унылый напев.
 Вот, истерзанные мне писать указуют Камены,
 И орошает лицо истый элегии плач².
- 5 Их, однако, сломить никакая боязнь не умела,
 Чтобы впредь моего не провождали пути.
 Славою некогда быв для младости мирной и бодрой,
 Скорбного старца они днесь утешают судьбу.
 Ибо пришла, торопясь с бедами, неожиданная старость,
- 10 По приказанью скорбей возрастом ставши моим.
 Несвоевременная по власам седина разлилася;
 Члены изнурены; кожа, ослабнув, дрожит.
 Смерть мила для людей, коль в сладостные не вступает
 Лета, коль к скорбным она, званная часто, грядет.
- 15 Но от несчастных, увы! отвращает ухо глухое,
 Плачущи очи она, злая, не хочет сомкнуть.

*© *Философия*. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Р. Л. Шмараков. Оригинал: *Boethius. De consolatione Philosophiae // De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica / Ed. C. Moreschini. — Leipzig, 2005. — P. 3–162.*

¹Размер: элегический дистих.

²Ср. Порфирион в комментарии к Горацию (Ног. Сарт. 1.33.2): «Элегические стихи весьма пригодны для плача»; Isid. Etym. 1.39.14: «Элегиком он назван потому, что ритм этих стихов подходит для несчастных» и т. д. (Gruber, 1978: 52–53).

Благом летучим пока мне неверная льстила Фортуна,
 Чуть головы моей час горестный не потопил.
 Ныне ж, когда она лик изменила лживый, нахмурясь,
 20 Жизнь, ненавистная мне, длит безотрадные дни.
 Что ж вы толькократно мое восхваляли, друзья, благоденство?
 Тот, кто упал, никогда твердой стопой не стоял.

I

1. Пока я сам с собою раздумывал так в молчании и слезную жалобу запечатлевал с помощью стиля, привиделось мне, что стала над моей головой жена³, обличья весьма почтенного, с очами пылающими и пронзительными превыше обычной человеческой силы, со свежим цветом и неисчерпаемой бодростью, хотя в столь глубоких летах, что никак было не счесть ее принадлежащей нашему веку. Роста она была неопределенного. 2. То заключалась она в обычную людскую меру, то казалось, что неба касается теменем, а когда поднимала голову выше, и в самое небо вторгалась, тщетным делая взор смотрящих людей. 3. Одежды ее были созданы из тончайших нитей нерасторжимой материи⁴, с изощренным искусством: как я позже от нее сведал, их соткала она своими руками; на вид, как обыкновенно бывает с закопченными изваяньями, их затянуло, так сказать, мглою заброшенной старины. 4. На нижнем их крае читалась вытканная греческая буква Π, а на верхнем — Θ⁵, и казалось, меж обеими буквами наподобие лестницы начертаны некие ступени, по коим можно восходить от нижней к верхней. 5. Одежду сию, однако, растерзали руки неких неистовых и частицы ее унесли, кто какие мог. 6. В правой руке она держала книги, а в левой — скипетр.

³В описании Философии Бозций заимствуется традиционными чертами; например, ее глаза горят, как у Афины, когда она является Ахиллу (Ном. II. 1.200); ее меняющийся рост (она достигает головой облаков) напоминает о вергилиевской персонификации Молвы, *Fama* (Verg. Aen. IV.176 сл.), при том что *fama* далее у Бозция входит в ряд мнимых благ, отвергаемых Философией (II.pr.6.6–23). Описание одежд Философии — тоже традиционный тоpos, ср. Mart. De nupt. IV.328, V.426, VII.729.

⁴Одеяние Философии нерасторжимо, хотя, как выясняется ниже (§5 и I. pr.3. 7), эпикурейцы и стоки пытались унести его часть. Грубер (Gruber, 1978: 63) отмечает символический смысл одежды, сотканной руками богини, приводя в параллель толкование пеплоса Афины (Ном. II. v.734) у Прокла, Procl. Tim. I.167.22: «„Покров“, который богиня творит и создает своими помыслами, следует понимать как ее умозрительную мудрость» (пер. С. В. Месяц).

⁵Еще одна символическая черта: греческие буквы означают две основные части философии, практическую деятельность (πράξις) и созерцание (θεωρία).

7. Увидев поэтических Муз, стоящих пред моим ложем и подсказывающих моим рыданиям слова, она, взволнованная немного, суровыми вспыхнув очами: — 8. Кто, — говорит, — позволил приблизиться к сему недужному этим театральным потаскушкам, кои не только не унимают его боли никакими лекарствами, но еще сладкой питают его отравой? 9. Они ведь бесплодным тернием страстей убивают богатую плодами жатву разума и души людей приучают к болезни, а не избавляют от нее. 10. Если какого-нибудь неискушенного⁶, как это у вас в обычае, увлекли бы ваши ласкательства, мне, думаю, терпеть такое было бы не столь тягостно, ибо это ничем не вредило бы моим усилиям. Но этого, вскормленного учениями элеатов и академиков?.. 11. Ступайте же прочь, Сирены, на погибель сладкогласные⁷, и моим Музам⁸ оставьте ухаживать за ним и лечить!

12. Такими упреками поражаемый, сонм их печально склонил к земле чело и, румянцем являя стыд, с унынием вышел за порог. 13. Я же, чей взор затуманился, в слезах потопленный, не в силах распознать, кто эта жена столь повелительного достоинства, оцепенел и, глаза потушив в землю, молчаливо ожидал, что теперь будет она делать. 14. Тогда она, приблизившись, села на край одра моего и, глядя мне в лицо, обремененное печалью и к земле от горести склоненное, принялась сетовать на смущение души моей такими стихами.

II

Как, увы! погружен в бездне стремнистой⁹,
 Стынет ум! своего света лишенный,
 Ищет во внешние он двинуться мраки
 Всякий раз, как, от земных вихрей умножась,

5 Паче меры растет злая забота.

Он, несвязанный, встарь в небе открытом

⁶Буквально: «непосвященного» (profanum): философия представлена как некое таинство. Грубер (Gruber, 1978: 69) приводит в параллель Августина, у которого философия «весьма далека от разумения непосвященных» (Aug. С. acad. I.1.1).

⁷Гомеровские Сирены издавна толковались как аллегория телесного наслаждения, вредящего душевному миру и философской невозмутимости; см. напр. Ног. Ер. I.2.23; Sen. Ер. 31.2.

⁸У Философии есть свои, настоящие Музы, наставляющие душу. Ср. Plat. Resp. 548b.

⁹Размер: катаlecticкий дактилический триметр с адонием.

Свычен эфирные был поприща мерить¹⁰,
 Розового созерцал солнца сиянье,
 Светоч морозной луны взором следил он,
 10 И любую звездой, что возвращенья
 По многовидным кругам чертит, скитаясь,
 Он, победитель, владел, в числах замкнувши.
 Ведал он, и почему ветрам гремячим
 Воля дана колебать глади морские,
 15 Мир неподвижный каким кружится духом
 И отчего звезда, в волнах гесперских
 Канув, со рдяного вновь взыдет востока,
 Что смягчает весны кроткую пору,
 Чтобы она убрала розами землю,
 20 Кто причиною, что в тучные лета
 Осень тяжелых полна гроздий бывает:
 Тот, кто всегда наблюдал разны причины
 Скрытой природы, в речах их излагая,
 Ныне лежит, потеряв разума светоч,
 25 И, на шее терпя грузные цепи,
 Лик, под бременем сим сникший¹¹, нести он
 Должен, увы! и глядеть в глупую землю.

II

1. — Но сейчас, — говорит она, — время леченья, а не пеней. — 2. И, впеврив в меня взор, молвит: — Ужели это ты, кто, некогда нашим молоком вскормленный, нашим взращенный яством, достиг крепости мужеского духа? 3. Мы ведь подали тебе такое оружие, что, не отбрось ты его заранее, обороняло бы тебя с неодолимою стойкостью. 4. Узнаешь ли меня? Что молчишь? От стыда или смятенья безмолвствуешь? Я предпочла бы стыд, но вижу, смятенье тебя оковало. — 5. И, приметив, что я не просто молчу, но онемел, совершенно языка лишившись, она нежно приложила руку к моей груди и молвила: — Никакой опасности, он страдает летаргией, обычным недугом обманутого ума. 6. Он ненадолго забыл себя самого, но легко опамятуется, если меня прежде узнает.

¹⁰Отсылка к научным и философским занятиям Боеция до «Утешения»: он написал сочинение по астрономии (не сохранившееся); согласно Кассиодору (Cass. Var. I.45.4), Боеций перевел что-то из сочинений Птолемея; кроме того, он автор «Основ арифметики».

¹¹Бременем материи, ср. Sen. Ep. 65.16; ср. ниже, III.т.9.25.

А чтобы он мог это сделать, отрем немного вежды его, затуманенные облаком смертных вещей¹². — 7. Так она молвила и, собрав ризу складкою, осушила глаза мои, плачем струящиеся.

III

Тут рассеялась ночь, и меня покинули мраки¹³,
 Сила былая в очах водворилась:
 Так, когда стремительный Кор громоздит непогоду,
 Бурными небо исполнено ливнями,
 5 Кроется солнце, звезда ни одна в небеса не выходит,
 С высей на землю ночь изливается, —
 Если ее Борей, из фракийского выслан вертепа¹⁴,
 Хлещет и день отворяется запертый,
 Феб выступает тогда и, внезапным сиянием зыбля,
 10 Очи лучами разит удивленные.

III

1. Так точно и я, как рассеялись тучи печали, начал впивать небесный свет и вернулся в разум, дабы смочь узнать лицо моей целительницы. 2. И, обратив на нее глаза и взор вперив, вижу кормилицу мою, в чьем доме пребывал я с юности, — Философию. — 3. Для чего, — вопрошаю, — в сию пустыню моего изгнания, о всех добродетелей наставница¹⁵, пришла ты, из вышней области спустившись? Для того ли, чтобы, со мною вместе обличаемой, подвергнуться ложным обвинениям?¹⁶ — 4. Ужели, — говорит она, — я тебя, мой питомец, покину и бремени, которое ты несешь из-за ненависти к моему имени, не возьму, разделив твои труды? 5. Не дозволено Философии оставлять невинного идти без сопровождения. Я ли убоюсь обвинений и содрогнусь, словно случилось нечто невиданное? 6. Думаешь, ныне в первый раз при бесчестных нравах на мудрость насаждают опасности? Разве в древности, прежде еще времен нашего Платона, я не сражалась многократно в великом сраженье с дерзостной глупостью, а при его жизни наставник его Сократ не с моей помощью стяжал победу над несправедливой смертью? 7. А когда его наследство

¹²Ср. Cic. Tusc. I.64.

¹³Размер: гекзаметр и акаталектический дактилический тетраметр.

¹⁴Пещера, в которой заточены ветры, — образ, восходящий к Гомеру (Hom. Od. XIV.533) и Вергилию (Verg. Aen. I.52).

¹⁵Ср. напр. Cic. Tusc. II.16, v.5.

¹⁶Еще один тоpos с долгой историей: философия всегда подозрительна и ненавистна порочным людям; ср. Cic. Tusc. II.4; Sen. Ep. 5.2.

силились потом похитить толпы эпикурейские, стоические и прочие, сколько каждый мог, меня же, хотя возражала я и противилась, тащили, словно часть добычи, — одежду, которую своими я ткала руками, разодрали и, отхватив от нее лоскутья, ушли, думая, что я полностью им досталась. 8. И поскольку виделись у них какие-то следы моего одеяния, невежество, сочтя этих людей моими близкими, погубило некоторых из них, последовав сему заблуждению непросвещенной толпы. 9. Если же ни бегство Анаксагорова, ни Сократов яд, ни Зеноновы муки тебе не ведомы, затем что это дела чужестранные, мог ты, однако, знать о Каниях, мог о Сенеках, мог о Соранах¹⁷, память о коих и не ветхая, и не темная. 10. Ничто иное ввергло их в гибель, как то, что, в наших нравах воспитанные, выглядели они в своих занятиях столь несхоже с дурными людьми. 11. Поэтому нечего удивляться, если в житейском море гонят нас веющие отовсюду бури, ибо главное наше намеренье — скверным людям не нравиться. 12. Полчище их, хоть и многочисленно, все же заслуживает презрения, ибо никаким вождем не управляется, но влечется туда и сюда наудачу лишь обезумевшим заблуждением. 13. Если же иной раз кто-нибудь, выстроив против нас воинство, с особою нападет силою, наша военачальница стягивает свои полки в крепость, между тем как враги предаются грабежу никчемной клади. 14. Мы же над ними, хватающими самые убогие из вещей, смеемся сверху, безопасные от всякой бешеной сумятицы и таким валом огражденные, к которому свирепствующей глупости не дано подступиться.

IV

Всякий, кто, обустроив жизнь к покою¹⁸,
 Попирает стоюю рок надменный
 И, на обе смотря Фортуны прямо,
 Сохраняет свой лик неодолимым —
 5 Ни угрозы, ни исступленья моря,
 Что буруны мятет, со дна вздымая,
 Ни струящий из прорванного горна

¹⁷Примеры гонимых мудрецов: *Анаксагор* из Клазомен, изгнанный из Афин ок. 432 г. до н. э. по обвинению в безбожии; *Сократ*, выпивший цикуты по приговору суда, *Зенон* Элейский, замешанный в заговоре против тирана Неварха и претерпевший мучительную кончину; *Юлий Каний* (или Кан), стоик, казненный при Калигуле (Sen. Tranq. 14.4–10), *Барей Соран*, стоик, консул 52 г., осужденный при Нероне (Tac. Ann. xvi.21, 23, 30–33).

¹⁸Размер: фалеков стих. Темы этого стихотворения ср. с Ног. Сагн. I.22.1 слл., II.10.10 слл., III.3.1 слл.

- Огни чадны Везувий ненадежный,
 Ни извив по высоким башням бьющих
- 10 Жарких молний его не поколеблет.
 Что ж несчастные пред тираном лютым
 Цепенеют, ярящимся без силы?
 Коль надежды не будешь знать и страха¹⁹,
 Самовластный ты гнев лишишь оружия.
- 15 Кто ж трепещет в боязни иль желанье,
 Чуждый стойкости, над собой не властен,
 Щит бросает и, строй покинув, цепи
 Сам кует, чтобы в них его тащили.

IV

1. — Разумеешь ли, — говорит она, — и проникает ли это в твою душу — или ты *как осел пред мрой*²⁰? Что плачешь, что проливаешь слезы? *Не скрывайся, поведай*²¹: если ждешь помощи от врача, должно обнажить рану. — 2. Тогда я, собрав все силы духа: — Неужели еще нуждается в упоминании и недостаточно явственна сама по себе жестокость против меня свирепствующей Фортуны? Неужели самый вид этого места тебя не волнует? 3. Это ли та библиотека, которую ты избрала себе надежнейшею в доме моем обителью, в которой часто со мною рассуждала о познании вещей человеческих и божественных²²? 4. Таков ли мой вид, таково ли было мое лицо, когда вместе с тобой я исследовал тайны природы, когда ты циркулем²³ чертила мне стези светил, когда нравы мои и склад всей жизни согласовала с образцом небесного строя²⁴? Таковую-то награду мы получили, тебе повинуюсь? 5. Устами Платона ты утвердила такое суждение: «Счастливо было бы государство, когда бы правили им приверженцы мудрости, или случилось бы так, чтоб его правители прилежали мудрости»²⁵. 6. Того же мужа устами ты внушала мне, что у мудрых есть настоящая причина посвятить себя государству: дабы кормило его, оставленное негодным и бесчестным

¹⁹Стоический совет, ср. Sen. Vit. beat. 5.1.

²⁰Греческая поговорка; осел — символ невежества и умственной косности.

²¹Ном. П. 1.363 (пер. Н. И. Гнедича); слова Фетиды Ахиллу.

²²Отсылка к стоическому определению мудрости, ср. Cic. Tusc. IV.57; Cic. Off. II.5.

²³Radius, металлическая палочка для геометрических измерений. Боэций отсылает к своим астрономическим занятиям.

²⁴Груббер (ibid.: 115–116) видит в этом платонический элемент; ср. Plat. Resp. 592b.

²⁵Ср. Plat. Resp. 473d, 487e.

гражданам, не принесло чумы и пагубы добрым²⁶. 7. Следуя сему вескому мнению, я пожелал перенести в дела публичного управления то, чему научился у тебя среди уединенных досугов. 8. Тебе и Богу, вложившему тебя в души мудрых, ведомо, что я ничего не принес в отправление должностей, кроме равной приязни ко всем добрым людям. 9. Отсюда тяжелые и непримиримые раздоры с людьми негодными и — поскольку совесть моя была свободна — мое постоянное пренебрежение тем, что ради защиты закона я досаждаю могущественным людям. 10. Сколько раз препятствовал я Конигасту²⁷, когда он набрасывался на имение слабого; сколько раз Триггвиллу²⁸, управителя королевского дома, отвращал от начатой и совсем было совершенной несправедливости; сколько раз несчастных, коих бесконечными наветами изнуряла непрестанно безнаказанная алчность варваров, ограждал моей властью от опасностей! Никогда и никто не отклонил меня от закона к беззаконию. 11. О том, что имение провинциалов губили как грабежи частных лиц, так и казенные подати, я скорбел не менее пострадавших. 12. Когда во время жестокого голода предписанная закупка, тяжелая и неисполнимая, грозила, как представлялось, привести в упадок Кампанскую провинцию, я вступил в прения с префектом претория²⁹ из соображений общего блага, спорил в присутствии короля и добился того, чтоб закупка не была произведена. 13. Консуляра Павлина³⁰, чье богатство палатинские псы уже пожрали в своих честолюбивых надеждах, я исторг из зияющих глоток. 14. Дабы консуляра Альбина³¹ не постигла кара по предрешенному обвинению, я обратил на себя ненависть доносчика Киприана³². 15. Не довольно ли, как тебе кажется, разжег я против себя сильной неприязни? Но должны были защитить меня другие, если,

²⁶Ср. Plat. Resp. 347c.

²⁷Могущественный придворный Теодориха, vir illustris (527 г.), упомянут также Кассиодором (Cass. Var. VIII.28); см. PLRE II. Cunigastus.

²⁸Возможно, тождествен некоему Triggua, упоминаемому в переписке Эннодия (Epp. Ep. IX.21.2).

²⁹Вероятно, имеется в виду Флавий Аниций Проб Фауст Нигер, бывший префектом претория в 509–512 (PLRE II. Faustus 9).

³⁰Видимо, Флавий Павлин, консул 498 г. (PLRE II. Paulinus 11).

³¹Консул 493 г., патриций, ок. 522 г. обвиненный Киприаном в предательских сношениях с восточным двором; Бозций, выступивший на защиту Альбина, сам был обвинен в том же (PLRE II. Albinus 9).

³²Брат Опиллиона (см. ниже), референдарий короля Теодориха, обвинитель Альбина (PLRE II. Cyprianus 2).

любя справедливость, я не стяжал себе признательности у придворных ради большей безопасности.

16. Какими же обвинителями я сражен? Одного из них, Василия³³, некогда изгнанного с королевской службы, бремя долгов понудило донести на меня. 17. Опилион и Гауденций³⁴: когда за несчетные и многообразные мошенничества королевский приговор велел им отправляться в изгнание, а они, не желая подчиниться, ограждали себя заступничеством священного крова³⁵, и это дошло до сведения короля, он приказал: буде не покинут города Равенны³⁶ к назначенному дню, будут выдворены с заклеяемыми лбами. 18. Кажется, что можно прибавить к этой суровости? однако в тот же день у этих обвинителей был принят на меня донос. 19. Что же? наши ли занятия такое заслужили или предшествующее осуждение сделало этих людей добросовестными обвинителями? И не устыдилась ли Фортуна, если не обвиняемой невинности, то хотя бы подлости обвинителей?

20. Но ты спрашиваешь, в общих словах, каково против меня обвинение. Я, говорят, хотел спасти сенат. 21. Хочешь знать, каким образом? вменяют в вину, что я препятствовал доносчику представить документы, коими можно было обличить сенат в оскорблении величества. 22. Что теперь, о наставница, думаешь? отрицать ли мне обвинение, чтобы не сделаться для тебя стыдом? Но я хотел того и хотеть никогда не перестану. Сознаться ли? Но мои усилия помешать доносчику кончены. 23. Назову ли преступлением желание благоденствия сему сословию? правда, оно своими обо мне постановлениями сделало все, чтобы это стало преступлением. 24. Но неразумие, часто само себя обманывающее, не может изменить цену заслуг, и я, следуя сократовскому правилу³⁷, не считаю для себя позволительным скрывать истину или уступать лжи. 25. Однако эти дела, какими бы ни были, я оставляю на суд тебе и мудрым; а чтобы их истинное течение не укрылось от потомков, я вверил их стилю и предал памяти³⁸. 26. Ведь о подложных письмах, на основании которых обличают меня в надеждах на восстановление

³³См. PLRE II. Basilius 10.

³⁴Опилион, донесший на Боэция, после смерти Теодориха сделал заметную карьеру, быв комитом священных щедрот в 527–528 гг. (PLRE II. Opilio 4); Гауденций, возможно, тождествен consularis Flaminiae: PLRE II. Gaudentius 11.

³⁵Т. е. искали убежища в церкви.

³⁶В Равенне находился двор Теодориха.

³⁷Plat. Theaet. 151d.

³⁸Боэций говорит о каком-то не дошедшем до нас документе.

римской свободы, что и говорить? Лживость их ясно бы обнаружилась, будь нам позволено воспользоваться признанием самих доносчиков, что во всех разбирательствах величайшую имеет вескость. 27. В самом деле, на какой остаток свободы можно еще надеяться? О, будь возможна хоть какая-то! Я отвечал бы словами Кания³⁹, который, когда Гай Цезарь, сын Германика, назвал его соучастником в предпринятом против него заговоре, молвил: «Если б я том знал, ты бы не знал».

28. В сих обстоятельствах скорбь не так притупила мне рассудок, чтобы сетовать на нечестивцев, затеявших злодействовать против добродетели, однако я удивляюсь, что им удалось исполнить свой замысел. 29. Ведь желать дурного, возможно, наш изъян, но быть в силах учинить против невинности все, что злодей ни замыслит, — это в очах Божьих нечто чудовищное. 30. Потому не без причины один из твоих близких спрашивал⁴⁰: «Если Бог есть, откуда зло? и откуда благо, если Его нет?» 31. Но пусть позволительно было, чтоб нечестивцы, которые жаждут крови всех добрых людей и всего сената, захотели погубить и меня, в ком видели они поборника добрым людям и сенату. 32. Но разве заслужил я то же самое от сенаторов? Ты помнишь, я думаю, так как, неизменно присутствуя, сама направляла мои слова и дела; помнишь, говорю, когда в Вероне король, алчущий общей гибели, замышлял перенести на все сенатское сословие предъявленное Альбину обвинение в оскорблении величества, с каким пренебрежением к своей опасности я защитил невинность всего сената. 33. Ты знаешь, что я говорю правду и что я никогда не хвалился своею славой: ведь некоторым образом умаляет тайну совести, самое себя одобряющей, всякий, кто, выставя напоказ свои дела, принимает награду от молвы. 34. Какова же участь нашей непорочности, ты видишь: вместо награды за истинную добродетель находим мы кару за мнимое злодеяние. 35. Бывало ли когда, чтобы недвусмысленное признание в каком бы то ни было преступлении внушило судьям такую единодушную суровость, что ни единого не смягчила ни склонность человеческого разума к заблуждению, ни общий для смертных неверный жребий? 36. Если бы обвиняли меня, что спалить хотел святые храмы, что священников нечестивым мечом зарезать, что всем добрым людям принести погибель, даже и тогда бы

³⁹См. выше, прим. 18.

⁴⁰Некоторые считают, что речь об Эпикуре, со ссылкой на *Lact. De ira.* 13.21 (Gruber, 1978. 124–125); на это возражают, среди прочего, тем, что Бозций не назвал бы Эпикура другом Философии (Boezio, 2014: 102–103).

приговор должен был покарать меня присутствующего, сознавшегося и избличенного; ныне же меня, на пятьсот миль удаленного, безмолвствующего и лишенного защиты, за чрезмерную приверженность сенату осуждают на смерть и проскрипцию! О люди, заслужившие, чтобы некого было обвинять в подобном преступлении!

37. Цену этому обвинению видели даже те, кто его выставлял; чтобы придать ему черноты, примешав еще какое-нибудь злодеяние, они солгали, что я, домогаясь сана, осквернил совесть святотатством⁴¹. 38. Но ты, привитая мне, изгоняла из дома моей души всякую жажду смертных вещей, и под твоим надзором не нашлось бы места святотатству. Ты ведь каждодневно вливала в уши мои и думы пифагорейское речение *следуй за Богом*⁴², 39. и не приличествовало мне домогаться помощи от презреннейших душ⁴³ — мне, кого ты наставляла в сем совершенстве, дабы Богу уподобить⁴⁴. 40. Сверх того, непорочные недра моего дома, сонм честнейших друзей, наконец, и святой тесть⁴⁵, столько же, как и ты, почтенный, защищают нас от всякого подозрения в сем злодеянии. 41. Но — о нечестие! — именно тебя почитают они доказательством столь великого преступления, и буду я казаться прикосновенным к такому лиходейству, оттого что твоею я вскормлен наукою, в твоих наставлен нравах. 42. Итак, мало того, что почтение к тебе не принесло мне пользы, но и сама ты терпишь урон от обиды, мне наносимой. 43. Довершает же мои бедствия то, что общее мнение ценит не заслуги, но счастливый исход и лишь те дела считает дальновидными, кои награждает успех, вследствие чего доброе мнение всего быстрее покидает злосчастных. 44. Каковы теперь толки среди народа, сколь противоречивы и многообразны суждения, досадно и думать; одно лишь скажу: вот крайняя тягость враждебной Фортуны — едва приписано несчастным какое-нибудь преступление, все верят, что их страдания заслуженны. 45. Так и я, всех благ лишенный, от почестей обнаженный, молвой очерненный, за благодеяние терплю наказание. 46. Видится мне, что

⁴¹Возможно, речь об обвинениях в магии.

⁴²Ср. Apul. De dog. Plat. II.23.

⁴³Возможно, речь о демонах, общение с которыми предполагается магическими занятиями.

⁴⁴Важнейший пункт платонического учения; сводку параллельных мест см. Gruber, 1978: 130.

⁴⁵Квинт Аврелий Меммий Симмах, консул 485 г., патриций; после смерти Боэция арестован, увезен из Рима в Равенну и казнен по обвинению в измене (PLRE II. Symmachus 9).

я вижу непотребные гнездилища злодеев, утопающие в веселье и радости, вижу, как всякий развратник угрожает новою ложью доносов, как честные люди повержены ужасом от моей участи, как каждого порочного подстрекает безнаказанность дерзать на зло, а награда — свершать его, невинные же лишены не только безопасности, но даже защиты. От этого мне хочется воскликнуть:

V

Звездоблещущего окружъя творец!⁴⁶
 На незыблемом ты престоле воссев,
 Коловратно стремишь громаду небес
 И закон твой терпеть светилам велишь,
 5 Да одною порой, полным рогом блеща,
 Всем братним восстав навстречу огням,
 Слабейшие тмит светила луна,
 А порою другой, темным рогом бледна,
 Подле Феба она теряет свой свет;
 10 А тот, что в ночей начальном часу
 Как Геспер вершит свой зябкий восход,
 Привычную вновь переменит стезю,
 Потускнелым заре Люцифером явясь.
 Со стужей зимы, струящей листву,
 15 Укорачиваешь ты дневный нам свет,
 А летний когда воротится зной,
 Быстротечны часы уделеяешь ночам.
 Ты властно ведешь изменчивый год,
 Дабы нежду листву, котору, подув,
 20 Борей унесет, вернул нам Зефир,
 Дабы Сириус жег высоки хлеба,
 Коих семя еще Арктур созерцал:
 Старинный ничто не преступит устав,
 Предназначенного не покинет труда.
 25 К несомнительному все правя концу,
 Людские лишь ты дела небрежешь,
 Правитель, уздой заслуженной сдержать.
 Увертливая нам жребьи зачем
 Фортуна вертит? невинных гнетет
 30 Расправа, что грех должна поражать,
 А развратный нрав на высоком воссел

⁴⁶Размер: акаталектический анапестический диметр.

- Престоле, и мздой неправой попрал
 Главу мужам безупречным злодей.
 В безвестной мгле погребенный, сокрыт
- 35 Добродетели блеск, и на правых донос
 Нечестивцы творят.
 Лжесвидетельство им не бывает во вред
 И в убранстве цветов поддельных обман.
 Но к силе когда прибегнуть решат,
- 40 Веселятся они, покая царей,
 Что несметным боязнь несут племенам.
 Преклони же к земле, обездоленной, взор,
 Кто б ты ни был, вещам предписавший закон!
 Столь великих трудов не ничтожная часть,
- 45 Мы, люди, в зыбях Фортуны кружим.
 Владыка, смири стремительный вал
 И законом тем, что в безмерных царит
 Небесах, наконец ты землю скрепи!

V

1. Когда я простонал это в неослабной скорби, она, со спокойным лицом и нимало моими жалобами не взволнованная: — 2. Как скоро, — говорит, — увидела я тебя унылым и рыдающим, тотчас узнала, что ты несчастный изгнанник; но в какую даль это изгнание⁴⁷, не ведала, пока твои речи не показали. 3. Как же далеко ты от отчизны — не скажу: изгнан, но заблудился! а если предпочитаешь мнить себя изгнанным, скорее сам ты себя изгнал: ведь никогда никому не было позволено так обойтись с тобою. 4. Если вспомнишь, какой ты отчизны сын: не какова была встарь у афинян, управляемая властью толпы, но здесь *единный властитель, царь единный*⁴⁸, многолюдству граждан, а не изгнанию их радующийся, чьим браздам следовать и чьему правосудию повиноваться есть высшая свобода⁴⁹. 5. Ужели неведом тебе древнейший града твоего закон, определяющий, что не дозволено изгонять никого, кто пожелает там обосноваться? Ведь тот, кто валом его и укреплениями огражден, чужд всякой боязни навлечь на себя изгнание, а кто перестанет хотеть жить там, вместе перестает этого и заслуживать. 6. Посему не столько

⁴⁷Важный для неоплатонизма образ «изгнания» и «возвращения в истинное отечество» (ср. Plot. Enn. I.6.8.21, VI.9.9.63); ср. еще у Цицерона: Cic. Tusc. I.24; Cic. Somn. 13.

⁴⁸Ном. II. п.204.

⁴⁹Ср. Sen. Vit. beat. 15.7: «Мы рождены под царской властью: повиноваться богу — наша свобода» (пер. Т. Ю. Бородай).

меня волнует вид этого места, сколько твоей, и я ищу не стен библиотеки, убранных слоновою костью и стеклом, но жилища души твоей, где поместила я не книги, но то, что придает книгам цену, — мысли, некогда начертанные в моих книгах. 7. Хотя о твоих заслугах пред общим благом ты сказал справедливо, но по множеству твоих деяний — еще недостаточно. 8. О почетности или поддельности предъявленных тебе обвинений ты упомянул лишь всем известное. Злодейства и коварства доносчиков ты справедливо решил коснуться вскользь, затем, что они носятся на устах народа, осведомленного обо всем лучше и полнее. 9. Кроме того, ты сильно осуждал деяние несправедливого сената. Об обращенном на нас обвинении ты скорбел, ущерб, нанесенный доброму имени, оплакивал. 10. Наконец воспламенилась скорбь против Фортуны, и, посетовав, что награды воздаются не по заслугам, в последних словах раздраженной Музы ты выразил желание, чтобы на земле царил тот же мир, что на небесах. 11. Но так как тебя отяготило великое смятение страстей и влекут тебя в разные стороны скорбь, гнев и уныние, в нынешнем расположении духа не годятся для тебя крепкие лекарства. 12. Итак, обратимся покамест к тем, что легче: пусть то, что затвердело опухолью под влиянием треволнений, размягчится от мягкого касания, дабы воспринять снадобье более действенное.

VI

В час, как Фебовым жжет лучом⁵⁰
Рака светоч немилостный,
Кто браздам неприязненным
Вверит семя обильное,
5 Тем, Церерой обманутым,
Меж дубами еды искать.
За фиалками в рдяную
Не пускайся ты рощицу
В час, как ветры свирепые,
10 В поле свищут колышливом;
Не ищи жадной дланию
Обрывать лозы вешние,
Коли гроздья милы тебе:
Только осень ущедрена
15 Подарением Вакховым.
Времена наделяет бог

⁵⁰Размер: гликоной.

Подобающей службою,
Не давая расстраивать
Череды, им предписанной.
20 То, что мчит опрометчиво,
Верных троп совращая,
Не кончается счастливо.

VI

1. — Итак, прежде всего позволь мне немногими вопросами испытать и исследовать состояние твоей души, дабы я поняла, какой для тебя потребен способ лечения. — 2. Спрашивай, — говорю я, — что тебе угодно; я отвечу. — 3. Тогда она: — Думаешь ли ты, что мир движется непреднамеренными и случайными причинами, или полагаешь, что присуще ему разумное правление? — 4. Никоем образом, — отвечаю, — я помыслить не мог, чтобы нечто столь точное двигал бессмысленный случай: напротив, я знаю, что Создатель Бог правит своим твореньем, и никогда не наступит день, способный отвратить меня от этого убеждения.

5. — Это так, — говорит она, — ведь немного раньше ты о том же молвил в своей песни, где оплакивал, что люди одни пребывают вне божественного попечения; ибо в том, что все прочее управляется разумом, ты нимало не сомневался. 6. Но вот чудно! я удивляюсь, как это ты, держась такого здравого мнения, мог заболеть. Заглянем-ка глубже; подозреваю, чего-то недостает. 7. Скажи мне, коль скоро ты не сомневаешься, что Бог правит миром, понимаешь ли ты, какими средствами вершится это управление? — 8. Я едва понимаю смысл твоего вопроса, не говоря уже о том, чтобы на него ответить. — 9. Подлинно, — молвит она, — не обманывалась я, думая, что чего-то недостает, посредством чего, как сквозь брешь в крепком валу, в душу твою закрался недуг смятений. 10. Но скажи мне, помнишь ли, какова цель всех вещей, и к чему направлено стремление всей природы? — О сем слышал, — отвечаю, — но скорбь притупила мне память. — 11. Но ты хоть знаешь, откуда все происходит? — Знаю и уже ответил: от Бога. — 12. Могло ли так случиться, что, ведая начало, ты не знаешь, какова цель всех вещей? 13. Но таковы уж свойства смятений, такова их сила: они могут сбить человека с места, но вырвать и искоренить из самого себя не могут. 14. Однако я хотела бы, чтоб ты ответил еще и на это: помнишь ли, что ты человек? — Как же, — говорю, — этого не помнить? — 15. А что есть человек, можешь определить? — Ты о том спрашиваешь, знаю ли,

что я животное разумное и смертное⁵¹? Знаю и признаю, что я таков. — 16. Тогда она: — И ничего больше о своей сущности не знаешь? — Ничего. — 17. Теперь понятна мне, — говорит она, — другая, важнейшая вина твоего недуга: ты забыл, что ты такое. Итак, я вполне раскрыла и болезни твоей причину, и способ вернуть тебе здоровье. 18. Ведь поскольку ты сбит с толку забвением, то скорбишь, что сослан и лишен своего имени. 19. А поскольку ты не знаешь, какова цель всех вещей, то считаешь негодяев и нечестивцев могущественными и счастливыми; и поскольку ты забыл, какими средствами управляется мир, то думаешь, что эти перемены судеб зыблются без правителя: вот важные причины, не только к болезни, но и к самой гибели ведущие. Но, благодарение подателю здоровья, не вовсе покинула тебя природа. 20. У нас есть действеннейшее для твоего выздоровления огниво — верное суждение об управлении мира, ибо ты считаешь его подчиненным не непредвиденности случая, но божественному разуму; итак, ничего не бойся, теперь из сей малейшей искорки засияет для тебя жизненное тепло. 21. Но поскольку еще не наступило время для крепких лекарств, и такова, как известно, природа людских душ, что, отринув истинные мнения, они всякий раз усваивают ложные, а происходящий от оных туман смятений помрачает правильный взор, я попытаюсь мягкими и умеренными снадобьями немного истончить этот туман, дабы, когда расточится мгла обманчивых страстей, ты мог узнать сиянье истинного света.

VII

В облаке черном⁵²
 Скрывшись, не могут
 Сеять на землю
 Звезды сиянье.
 5 Если в пучине
 Буйственный вихорь
 Роет буруны, —
 Прежде кристальны,
 С ясными днями
 10 Сходственны, волны
 Тотчас, смесившись
 С илом, мутнея,

⁵¹Ср. ниже, *v.pr.* 4.35. Это определение было общим для разных философских школ, см. напр. *Epicet. Diss.* II.9.2.

⁵²Размер: адоний; ср. *Mart. De nupt.* II.125.

Взор не пускают.
Льющийся долу
15 С горных кручи
Ток праздnobродный
Часто в препону
Камня, с утесов
Падшего, плещет.
20 Ты же, коль хочешь
В светлости ока
Истину видеть,
Верной тропюю
В путь свой пускаться,
25 Бегай веселья,
Выгони страхи
Купно с надеждой,
Скорби чуждайся⁵³.
Пасмурен разум,
30 Стиснут уздою,
Коль сии правят.

КНИГА ВТОРАЯ

I

1. Затем она помолчала немного и, снискав мое внимание скромным безмолвием, начала так: — 2. Если я вполне поняла причины и свойства твоей болезни, ты изнываешь от желанья и тоски по былой Фортуне; настолько она перевернула твою душу, потому что, как тебе мнится, переменялась. 3. Ведомы мне многообразные этого чудовища притворства и с теми, кого она стремится обмануть, приятельство столь нежное, что неожиданно ею покинутые погружаются в несносной скорби. 4. Если ты вспомнишь ее природу, нравы и заслуги, поймешь, что ничего прекрасного ты в ней не обрел и не потерял; но думаю, мне не много надобно труда, чтобы ты восстановил это в памяти. 5. Ведь и в ту пору, как она еще была с тобою и еще ласкала, ты обыкновенно нападал на нее с мужественными речами и порицал ее доводами, из нашего святилища вынесенными. 6. Однако всякая внезапная перемена в делах сопряжена с неким волнением духа, потому и случилось, что даже ты ненадолго

⁵³Отзвук стоического учения о четырех основных страстях. Ср. Ног. Ер. 1.4.12; Sen. Benef. VII.1.7; Sen. Constant. 9.2.

утратил невозмутимость. 7. Но приспело время почерпнуть и вкусить кое-что мягкое и приятное, что, проникнув внутрь, проложит путь более сильному питью. 8. Пускай же поможет убедительность сладостной риторики, которая лишь тогда движется верной стезей, когда не отступает от наших наставлений и когда музыка, в доме нашем рожденная, ей вторит то легкими, то торжественными ладами.

9. Что же, о человек, в печаль и плач тебя повергло? увидал ты, я думаю, нечто новое и необычное. Ты мнишь, Фортуна к тебе переменялась: ошибаешься. 10. Нрав ее всегда таков, такова природа. Напротив, она соблюла по отношению к тебе в самой своей переменчивости свойственное ей постоянство: такую же была она, когда тебя ласкала, когда прелестями мнимого счастья тебя дурачила. 11. Ты открыл двоякий лик слепого божества: та, что доньше укрывается от других, сделалась тебе вполне ясною. 12. Если ты ее ценишь, применяйся к ее нравам и не жалуйся. Если вероломства ужасаешься, презри и отвергни ее, ведущую пагубные игры: ведь та, что ныне причиняет тебе столь великую скорбь, должна бы быть причиною спокойствия. Ушла от тебя та, от чьего ухода никому и никогда нельзя защититься. 13. Или дорого ты ценишь счастье, имеющее исчезнуть, и любезна тебе Фортуна присущая, но не сулящая верности и уходом своим приносящая печаль? 14. Если же нельзя ее удержать по твоему желанию, а улетающая, она оставляет за собою несчастных, что такое ее легучесть, если не знак грядущего несчастья? 15. Ведь недостаточно видеть то, что пред глазами: благоразумие мерит конец вещей, а одинаковая в том и другом жребьи изменчивость внушает не страшиться угроз Фортуны и не желать ее ласкательств. 16. Наконец, тебе следует равнодушно сносить все, что творится на поле Фортуны, если единожды склонил шею под ее ярмо. 17. А если б ты хотел предписать закон, когда оставаться и когда уходить, той, которую добровольно избрал себе госпожою, разве бы не сделался несправедлив и не отягчил нетерпением жребий, которого изменить не можешь? 18. Если ветрам предаешь паруса, не туда движешься, куда стремится желанье, но куда дуновение гонит; если нивам вверяешь семена, должен соизмерять годы урожайные с бесплодными. Ты отдался правлению Фортуны: надобно приноровляться к обыкновениям госпожи. 19. Ты же, напротив, силишься удержать напор крутящегося колеса?⁵⁴ но,

⁵⁴Здесь и ниже (II. *pr.* 2. 9) — сделавшийся впоследствии знаменитым и имеющий множество иконографических воплощений образ колеса Фортуны.

из всех смертных безрассуднейший, если начнет она останавливаться, случайностью быть перестанет.

I

Когда рукой надменно вратит жребьи⁵⁵,
 Когда, с Эврипом буйственным сходна⁵⁶, реет,
 Крушит, свирепая, царей, досель грозных,
 И побежденным поднимает лик лживо.

- 5 Не внемлет бедным, на слезу глядит холодно,
 Встречает причиненный ею стон смехом.
 Вот игрища ее, вот сил ее проба,
 Великое являет всем она чудо:
 Счастлив и сломлен смертный в час один зрится.

II

1. Но я хотела бы немного побеседовать с тобою словами самой Фортуны; ты же примечай, требует ли она того, что надлежит ей по праву. 2. Почему ты, человек, преследуешь меня каждодневными пенями? какую я тебе нанесла обиду? какие у тебя отняла блага? 3. Пред любым судьей веди со мной тяжбу о владении богатствами и чинами, и если докажешь, что хоть что-нибудь из них принадлежит смертным, я охотно соглашусь, что то, чего ты требуешь вернуть, было твоим. 4. Когда из материнской утробы произвела тебя природа, я прияла тебя, не имеющего никаких средств и беспомощного, тешила моим богатством и — из-за чего я тебе ныне несносна — благосклонная и чуткая, воспитала с великою щедростью, окружив всяким изобилием и блеском, что в моей власти. 5. Теперь мне угодно отвести мою руку: будь мне признателен, ибо пользовался чужим; у тебя нет права пенять, будто ты потерял что-то безусловно свое⁵⁷. 6. Отчего же ты стонешь? Богатства, почести и прочее в этом роде — под моей властью. Служанки знают госпожу: со мною приходят, по удалении моем отступают. 7. Смело утверждаю: будь твоим то, чего потерю ты оплакиваешь, ты бы никак не мог его утратить. 8. Ужели мне одной запретят блюсти мои права? позволено небу являть ясные дни и прятать их в темных ночах, позволено году то увивать лицо земли цветами и плодами, то тучами и стужами туманить;

⁵⁵Размер: холиямб.

⁵⁶Эврип — узкий пролив между Беотией и Эвбеей, в котором четыре раза в день меняется направление течения.

⁵⁷Топос жанра утешений; см. Sen. Ad Marc. 12.1; Sen. Tranq. 11.2–3.

дано морю право то ласкать просторную гладью, то вздыматься бурями и валами: меня же ненасытная людская алчность обяжет к постоянству, моим нравам чуждому? 9. Вот наша сила, вот игра, в которую мы играем мы беспрестанно: вращаем колесо стремительным кружением, радуемся, превращая низшее в высшее, высшее в низшее. 10. Взойди, если угодно, но с тем условием, чтобы не считал ты себе обидою спуститься, когда потребует этого порядок моей игры.

11. Разве ты не знал моих нравов? не ведал, что Крез, царь лидийцев, немногим раньше страшный Киру, а чуть позже — жалкий, был предан пламени костра и спасен ливнем, посланным небесами?⁵⁸ 12. Разве от тебя ускользнуло, как Павел проливал слезы сострадания над бедствиями царя Персея, им плененного?⁵⁹ О чем стонет вопль трагедий, как не о Фортуне, произвольным ударом крушащей счастливые царства?⁶⁰ 13. Неужели ты в юности не выучил, что *две урны, одна со злом, другая же — с благом*, лежали на Юпитеровом пороге?⁶¹ 14. Что если тебе обильней досталось от той, что с благом; что если не вовсе я от тебя отступила; что если сама моя переменчивость дает тебе справедливую причину надеяться на лучшее? Итак, не изнывай душою и, коль скоро пребываешь в общем для всех царстве, не притязай жить по своим законам.

II

Если б, сколько песка бурный вращает понт⁶²
 Под стремительным ветром,
 Сколько блещет светил, на небесах в ночи
 Звездоносной явившись,
 5 Столько лило богатств, не отводя руки,
 Изобилье из рога,
 Все бы не преставал жалобам род людской
 Предаваться плачевным.
 Хоть внимает мольбам с благоволеньем бог,
 10 Расточающий злато,
 Пышной хоть он дарит алчного почестью —

⁵⁸См. Hdt. Hist. 1.86 слл.

⁵⁹Сцену встречи Л. Эмилия Павла с македонским царем Персеем, разбитым при Пидне, см. Plut. Aem. 26.4 сл.

⁶⁰О влиянии этой фразы на осмысление жанра трагедии в Средние века см. Kelly, 1993.

⁶¹Hom. II. XXIV.527 сл.

⁶²Размер: асклепиадов стих и ферекратей.

- Все им мнится ничтожно,
 Но, добычу пожрав, хищность свирепая
 Снова зев разверзает.
- 15 Есть ли в свете узда, чтобы неистовым
 Вождельнем владычить,
 Если, щедрых даров полная, все ж горит
 Обладания жажда?
- Век не будет богат тот, кто, дрожа, стеноя,
 20 Мнит себя неимущим.

III

1. Если бы Фортуна так говорила с тобою в свою защиту, ты, конечно, не нашел бы, чем прекословить, но если есть что-нибудь, чем ты мог бы справедливо обосновать свою жалобу, то объяви: я дам тебе возможность молвить. — 2. На это я отвечал: — Да, прекрасны эти доводы и напитаны медом риторической и музыкальной сладости, но отрадны, лишь пока их слушаешь; у несчастных, однако, ощущение их злополучия обретается глубже, поэтому, едва все это отзвучит в ушах, укоренившаяся печаль отягощает душу.

3. — Да, так, — говорит она: — это ведь еще не лекарства твоему недугу, но как бы средства для облегчения боли, досель противящейся врачевству. 4. Снадобья же, кои проникнут вглубь, я применю, когда придет время. Не следует тебе, однако, считать себя злополучным: разве забыл ты достоинство и меру твоего счастья? 5. Опущу то, что, оставшись без отца, принят был ты под покровительство виднейших мужей и, избранный вступить в родство с первыми гражданами — многоценнейший вид близости — сделался для них дорогим прежде, чем родственником. 6. Кто не провозгласил тебя счастливейшим — как по великой славе тестя твоего и тещи, так и по целомудрию супруги⁶³, и по удаче иметь мужеское потомство⁶⁴? 7. Умолчу (о том, что всем ведомо, лучше умолчать) о достигнутых в юности санах, в каких старцам отказано; хочу

⁶³Дочь Симмаха по имени Рустициана (PLRE II. Rusticiana 1). Прокопий Кесарийский (Просор. Goth. III.20.27–31) рассказывает, что в 546 г., когда готы взяли Рим, Рустициана, прежде славная своей щедростью, вместе другими римскими аристократами была вынуждена просить подаяния, и что Тотила спас ее от готов, обвинявших ее в том, что она, подкупив римских начальников, разрушала статуи Теодориха, дабы отомстить за отца и мужа.

⁶⁴Сыновья Боэция и Рустицианы, Флавий Симмах и Флавий Боэций, вместе бывшие консулами 522 г.

приступить к несравненной вершине твоего счастья. 8. Если какой-нибудь плод смертных дел имеет значение счастья, может ли громада обрушивающихся бедствий, сколь бы ни была велика, изгладить воспоминание того дня, когда ты узрел, как два твоих сына, оба консулы, вышли из дома среди сонмища сенаторов, среди народного ликования; когда пред ними, восседающими в курии на курульных креслах, ты, королевской славы вития, удостоился хвалы за дарование и красноречие; когда в цирке, между двумя консулами, ты утолил ожидание разлившейся кругом толпы триумфальной щедростью? 9. Ты, я думаю, отделялся пустыми словами от Фортуны, пока она тебя ласкала, пока лелеяла тебя, как своего любимца. Ты получил дар, каким она ни одного частного человека не наделяла. Итак, ты хочешь свести с Фортуной счеты? 10. Ныне она впервые задела тебя неприязненным взором. Если бы взвесил ты число и меру веселий и печалей, не мог бы отрицать, что доныне счастлив. 11. Если же не считаешь себя счастливым от того, что прекратилось некогда казавшееся радостным, это не повод считать себя злополучным, ибо то, что ныне мнится печальным, также проходит. 12. Или на сию сцену жизни⁶⁵ ты ныне вышел впервые, чужаком и нечаянно? Или думаешь, людским делам присуще какое-нибудь постоянство, когда самого человека часто стремительный час уносит? 13. Ведь даже если редко блюдут верность, оставаясь с тобою, дары случая, но последний день жизни есть также и смерть Фортуны, пусть даже и хранившей верность. 14. Думаешь, важно, ты ли ее, умирая, покидаешь, или она тебя, уходя?

III

Как по небу Феб рассыпать возьмется⁶⁶

Свет квадригою розовой,

Меркнут звезды все с побледнелым ликом,

Сим огнем угнетенные.

5 Как лесок, омыт теплотой Зефира,

Рдеет вешними розами,

Вдруг жестоко Австр задувает хмурый,

И пропала шипов краса.

Блещут иногда под небесной тишью

10 Моря струи покойные,

⁶⁵Распространенная метафора, см. напр. Cic. Sen. 64, 70; Hor. Ep. 1.17.29; Suet. Aug. 99.1.

⁶⁶Размер: сапфический стих и гликопей.

Иногда же, глубь воздымая, гонит
 Аквилон бури ярые.
 Если мира лик не блюдется долго,
 Если все в нем меняется,
 15 Верь же ты людским преходящим благам,
 Верь же счастьем летучему!
 Вечный то закон утвердил, чтоб прочным
 Не бывало рожденное.

IV

1. Тогда я: — Истину, — говорю, — молвишь, о кормилица всех добродетелей, и я не могу отрицать стремительнейший бег моего благополучия.
 2. Но это-то еще сильнее жжет воспоминания: ведь при всякой превратности Фортуны несчастнейший род злополучия — в том, что ты был счастлив⁶⁷.

3. — Но в том, что ты, — отвечает она, — терпишь кару за ложные мнения, не можешь по справедливости винить обстоятельства. Ведь если волнует тебя пустое имя случайного счастья, тебе следует размыслить со мной, сколь более многочисленные и великие блага у тебя досель в изобилии. 4. Итак, если то, что в общем счете твоей Фортуны было у тебя самого драгоценного, по божественной воле соблюдено тебе целым и невредимым, вправе ли ты, сохранив все лучшее, жаловаться на злополучие? 5. Живет ведь и здравствует драгоценнейшее рода человеческого украшение, Симмах, тесть твой и — что без промедления ты купил бы ценою жизни — муж, мудростью и добродетелями исполненный, и, не заботясь о своих обидах, горюет над твоими. 6. Жива жена, скромная нравом, целомудрием и стыдливостью превосходная и — чтобы все ее достоинства заключить в кратких словах — похожая на отца; жива, повторяю, и для тебя одного, жизнь сию возненавидев, хранит в себе дыханье, и я должна признать, единственное, чем умаляется твое счастье, — то, что от тоски по тебе она чахнет в слезах и печали. 7. Что говорить о детях-консулах, в которых, насколько доступно отрокам в эти лета, уже блещет образ отцовского и дедовского духа?

⁶⁷Эта фраза считается непосредственным источником знаменитой реплики дантовской Франчески (Inf. v.121–123), хотя Боккаччо и другие комментаторы Данте указывают на Verg. Aen. II.1–13 и IV книгу «Энеиды» (и сама Франческа указывает на Вергилия, а не Боэция, как источник этой мысли, говоря: «И это знает твой наставник», e ciò sa 'l tuo dottore).

8. Итак, коль скоро главная забота смертных — жизнь сохранять, о, сколь счастлив ты, если сумеешь постичь свое благоденство, — ты, у кого даже и ныне вдоволь вещей, кои, никто не усомнится, дороже жизни! 9. Посему осуши слезы; еще не возненавидела Фортуна всех твоих близких до одного, не обрушилась на тебя безмерно могучая буря, пока держатся цепкие якоря, не позволяющие потерять ни утешение в настоящем, ни надежду на будущее.

10. — Пусть они держатся, — отвечаю: — я молю о том; будь они крепки, мы выплывем, как бы ни обернулись дела. Но ты видишь, сколь многое из славы нашей исчезло. — 11. На это она: — Продвинулись мы немного, если уже не все в твоей участи тебя удручает. Но нестерпимо мне удовольствие, с каким ты, в печали и тревоге, жалуешься, что недостает чего-то в твоём благоденстве. 12. Кто обладает счастьем столь безупречным, чтобы хоть с какой-нибудь стороны не ссориться со своим положением? ведь состояние человеческих благ — вещь беспокойная: или не сполна они достаются, или остаются не навечно. 13. У этого денег в избытке, но низкий род ему стыден; этот по знатности своей известен, но, скудостью средств стесненный, предпочел бы безвестность. 14. Тот, одним и другим наделенный, оплакивает жизнь безбрачную; иной, осчастливлен супружеством, но детей лишен, блюдет богатство для чуждого наследника; другой, радостный иметь потомство, проливает слезы над преступлениями сына или дочери. 15. Потому никто легко не мирится с состоянием своей фортуны; каждой ведь присуще нечто, чего не испытывавший не знает, а испытывавший трепещет. 16. Прибавь к этому, что у человека более счастливого чувства нежнее, и, если не удастся все по его прихоти, он, ко всякой неудаче непривычный, от малейших приходит в уныние: столь незначительны вещи, способные отнять у счастливого высочайшее его блаженство. 17. Сколь много, как ты думаешь, таких, кто почитал бы себя близкими к небу, достанься им малейшая часть оставшегося у тебя благополучия? Это самое место, которое ты называешь изгнанием, для здешних жителей — отечество. 18. Итак, ничто не будет несчастьем, если ты его таковым не сочтешь, и обратно — всякий жребий блажен для невозмутимо терпеливого. 19. Кто счастлив настолько, чтобы, поддавшись недовольству, не пожелал переменить свое состояние? 20. Сколь великою горечью окроплена сладость человеческого счастья! даже если оно и кажется отрадным наслаждающемуся, однако не помешаешь ему уйти, когда захочет. 21. Итак, ясно, сколь плачевно блаженство смертных дел,

которое ни у безмятежных не остается навечно, ни беспокойных не радуется сполна.

22. Что же, о смертные, снаружи ищите внутри вас обретающееся счастье?⁶⁸ Заблуждение и неведение вас смущают. 23. Опишу тебе вкратце стержень высшего счастья. Есть ли для тебя что-нибудь драгоценнее тебя самого? Нет, скажешь ты. Следственно, став обладателем самого себя, ты овладеешь тем, чего ни сам лишиться вовек не пожелаешь, ни Фортуна отнять не сможет. 24. И чтобы ты уразумел, что блаженство не может заключаться в случайных вещах, прими в соображение вот что. 25. Если блаженство есть высшее благо природы, живущей согласно разуму, и высшее благо не есть то, что можно каким-либо образом похитить — поскольку то, чего нельзя отнять, всего превосходнее — очевидно, что Фортуна с ее непостоянством не может притязать на обретение блаженства. 26. К тому же тот, кого несет непрочное это счастье, или знает, или не знает, что оно переменчиво. Если не знает, может ли какой жребий быть блаженным в слепоте неведения? Если знает, то неизбежно боится, как бы не упустить то, что, без сомнения, можно упустить; посему непрестанный страх не позволяет быть счастливым. 27. Или он думает, что, если упустит, следует этим пренебречь? Тощее это благо, коли его можно потерять со спокойной душой. 28. И так как тебе, я знаю, внушено и обильными доводами привито, что души людские никоим образом не смертны, и поскольку ясно, что случайное счастье прекращается со смертью тела, нельзя усомниться, что если такое счастье может принести блаженство, весь смертный род скатывается на смертном рубеже к злополучию. 29. Если же мы знаем, что многие стяжали плод блаженства не только в смерти, но даже в скорбях и муках, каким образом может делать людей блаженными нынешнее благоденство, которое, миновав, не делает их несчастными?

IV

Кто хочет, осторожный⁶⁹,
 Дом создать долговечный,
 Недвижный под дыханьем
 Многошумного Эвра,
 5 Кто понт, волнами грозный,
 Презирать уповает,

⁶⁸Стоическое учение о благе, ср. Sen. Prov. 6.5; Sen. Constant. 5.4.

⁶⁹Размер: ямбический диметр и ферекратей.

Пусть гор бежит высоких
И песков, томных жаждой:
Тем дерзостного Австра
10 Досаждают насилье,
А эти, расступаясь,
Груз нести избегают.
Беги опасной доли
Обиталищ изящных,
15 Дом утверди надежно
На камнях невысоких.
Хотя грохочет ветер,
Возметая пучину,
Ты, водворясь в покое,
20 За оградюю счастлив,
Живешь без бурь, эфирным
Улыбаяся гневам.

V

1. Но так как припарки моих доказательств уже в тебя проникли, я намерена воспользоваться средствами посильнее. 2. Так вот, если бы не были непрочными и мимолетными дары Фортуны, что в них есть такого, что могло бы когда-нибудь сделаться вашим или по рассмотрении и исследовании не потеряло бы в цене? 3. Богатства ваши ли и по своей ли природе драгоценны? и что предпочтительнее, золото или огромная груда денег? 4. Однако они ярче блещут, когда их расточаешь, а не когда загребаешь, ибо алчность всегда делает людей ненавистными, а славными — щедрость. 5. Если же не может оставаться с человеком то, что передается другому, деньги тогда делаются дороги, когда, по щедрости переданные другим, перестают быть в твоём распоряжении. 6. А если деньги, сколько их ни есть во всех народах, стекутся к одному человеку, все прочие сделаются нищими. Голос весь целиком одновременно наполняет слух многих, а ваши богатства, пока не раздроблены, достаться многим не могут; если же это случается, неизбежно беднеют те, кого деньги покидают. 7. О скудное и нищее богатство, которое целиком иметь многим нельзя и которое ни к кому не приходит, не обедняя других!

8. Сияние ли самоцветов привлекает взоры? Но если и есть что замечательное в этом блеске, это свет камней, не людей, и дивно мне, что люди им дивятся. 9. Что же это такое, что, не имея ни движенья, ни единства, присущих душе, могло бы одушевленной и разумной природе

по праву казаться прекрасным? 10. Хоть по труду своего создателя и по своим переливам эти камни несут след ничтожнейшей красоты, однако, стоя ниже вашего превосходства, отнюдь вашего восхищения не заслуживают.

11. Отрадна ли вам краса полей? Почему же нет? Это ведь прекраснейшего создания прекрасная часть. 12. Так иногда мы наслаждаемся ликом спокойного моря, так удивляемся небу, звездам, луне и солнцу. Разве что-нибудь из этого тебе принадлежит, разве ты дерзаешь хвалиться блеском какой-нибудь из таких вещей? 13. Украшаешься ли ты сам вешними цветами, твое ли в летних плодах наливается изобилье? 14. Что даешь себя увлечь пустым радостям, что обнимаешь внешние блага, словно свои? Никогда не сделает Фортуна твоим того, что природа вещей сделала тебе чуждым. 15. Плоды земли, несомненно, должны служить пищей живым существам, но если желаешь восполнить то, чего недостает (хоть этого и достаточно твоей природе), у тебя нет повода искать обильных даяний Фортуны. 16. Немногим, даже малейшим довольствуется природа, и, если захочешь отяготить ее, уже сытую, излишествами, добавляемое тобою или неприятно будет, или вредно.

17. Далее, ты считаешь прекрасным блистать в разноцветных одеждах, но если их вид любезен очам, я буду дивиться или свойству ткани, или искусству художника. 18. Или длинная вереница рабов делает тебя счастливым? Они, если дурного нрава, — обуза, опасная дому и самому господину весьма враждебная; если же честны, как можно числить средь твоих богатств чужую честность? 19. Из всего этого ясно видно, что средь того, что считаешь ты своими благами, ничто не есть подлинно твое благо. Если ничего им не присуще от вожденной красоты, почему же ты скорбишь, их утратив, или радуешься, сохранив? 20. Если же они по природе прекрасны, как это тебя касается? ведь они и сами по себе, от твоего имени отдельно, были бы приятны. 21. Не потому ведь они драгоценны, что причисл к твоим сокровищам, но поскольку казались драгоценными, ты захотел их к своим богатствам прибавить.

22. Итак, чего же вы добиваетесь, столь шумно хваля Фортуны? вы думаете, я полагаю, отвадить нужду изобилием. 23. Но достигается этим прямо противоположное; надобно ведь много средств, чтобы хранить это разнообразие драгоценной утвари, и справедливо суждение, что многим владеющий во многом нуждается⁷⁰ и, наоборот, весьма

⁷⁰Видимо, пословичное выражение, встречающееся также у Горация (Ног. Сатм. III.16.42).

мало требуется тому, кто измеряет свое богатство природной нуждой, а не излишеством тщеславия. 24. Итак, разве не имеете вы никакого блага, вам принадлежащего и в вас укорененного, что ищете ваших благ в вещах внешних и отделенных? 25. Таково ли положение вещей, чтобы существо, благодаря своему разуму божественное, могло явиться в блеске не иначе, как через обладание неодушевленной утварью? 26. Другие довольны своим, вы же, разумением Богу подобные, ищете украшать превосходную природу низшими вещами и не постигаете, какую обиду наносите вашему создателю. 27. Он пожелал, дабы род человеческий был выше всего земного, вы же низвергли ваше достоинство ниже самого низкого. 28. Ведь если ясно, что всякое благо ценней того, кому принадлежит, вы, презреннейшие из вещей почитая вашими благами, своим суждением ставите самих себя ниже их. 29. И вы это вполне заслужили. Ибо положение человеческой природы таково, что лишь тогда превосходит она прочие вещи, когда познает себя, однако ниже зверей опускается, если перестает себя знать; ведь для прочих животных не знать себя — природное свойство, а для людей — изъян.

30. Сколь широко простирается ваше заблуждение, если вы считаете, что можно украшаться чужими украшениями! 31. Однако этому быть нельзя; ведь если что сияет убранством, убранство и похваляют, то же, что им сокрыто и одето, за всем тем остается в своем безобразии. 32. Далее, я утверждаю, что никакое благо не может вредить владельцу. Может, я ошибаюсь? Ничуть, говоришь ты. 33. И все же много раз вредило владельцам богатство, так как всякий сквернавец, вследствие этого весьма охочий до чужого золота, считает себя одного достойным владеть всем золотом и самоцветами, сколько их ни есть. 34. Ты, ныне боязливо сторонящийся копья и меча, мог бы пред разбойником петь⁷¹, если б на поприще этой жизни ступил неимущим путником. 35. О преславное блаженство смертных богатств, которое обретая, теряешь безопасность!

V

Был начальный век благоденствен⁷²,
 Довольный надежною нивой,
 Не погибший в пышности праздной,

⁷¹Видимо, отсылка к знаменитому стиху Ювенала (Iuv. Sat. x.22); сходный образ, напр., у Сенеки (Sen. Ep. 14.9).

⁷²Размер: каталектический анапестический диметр (паремияк). В стихотворении собраны топосы, описывающие безмятежную жизнь в Золотом веке.

- Привыкший голод неспешный
 5 Без труда утолять желудьями.
 Не умел он Вакхова дара
 С текучим смешивать медом
 И руна лучистые серов
 Тирийским напитоквать зельем⁷³.
- 10 Сон целебный трава подавала,
 Питье — стремительны токи,
 И тень — высокие сосны.
 Не браздил еще глуби морския
 И, товар отовсюду собирая,
- 15 Нова брега не зрел чужеземец.
 Свирепые трубы молчали
 И, горькой пролита враждою,
 Кровь ужасной не красила нивы.
 Для чего враждебная ярость
- 20 Впервые взялась за оружие,
 Коль свирепые зрелися раны
 И за кровь никаких награждений?
 О, когда бы к нравам старинным
 Времена возвратилися наши!
- 25 Но огней лютее этнейских
 Пылает страсть обладанья.
 Кто был, увы нам! Тот первый,
 Кто сокрытого золота груды
 И хотевшие прятаться камни,
- 30 Драгоценную вырыл опасность?

VI

1. Что же мне сказать о честях и могуществе, которые вы, не ведая истинной чести и могущества, возносите до небес? Если достанутся они худшему из людей, какая Этна, пламень изрыгающая, какой потоп произведет столь же великое опустошение? 2. Я уверена, ты помнишь, что консульскую власть, ставшую началом свободы, из-за надменности консулов захотели уничтожить ваши предки, которые из-за той же надменности прежде истребили в городе самое название царской власти. 3. Если же, что весьма редко бывает, сан и власть даются честным

⁷³ *Серами* у греков и римлян назывался некий восточноазиатский народ, производящий шелк (китайцы); см. напр. Verg. Georg. II.121; Sil. Pun. VI.4; Claud. Prob. 179 сл. *Тирийское зелье* — пурпур.

людям, что иное в них отрадно, как не честность владеющих? Вследствие этого не добродетелям по сану, но санам по добродетели воздается уважение. 4. Что же такое это ваше вожделенное и преславное могущество? Неужели, о земные животные, не разумеете, кто вы и над кем, по-видимому, властвуете? Если б ты средь мышей увидел одну, требующую себе права и власти над прочими⁷⁴, каким разразился бы смехом! 5. Но если рассмотришь тело, сможешь ли что найти слабее человека, которого часто убивает мошка, или укусив, или заползя в скрытые части?⁷⁵ 6. И можно ли властвовать над другим человеком, если не над одним его телом и тем, что ниже тела, то есть имуществом? 7. Разве ты сможешь приказывать свободному духу? Разве выведешь душу, основанную на прочном разумении, из присущего ей безмятежного состояния? 8. Когда некоего свободного человека тиран думал предать пыткам, чтобы выдал сообщников учиненного против него заговора, тот откусил себе язык и выплюнул в лицо свирепствующему тирану⁷⁶; так мучения, которые тиран почитал орудием жестокости, мудрый муж сделал орудием доблести.

9. Есть ли что-нибудь, что человек может сделать другому, чего сам бы не мог от другого претерпеть? 10. Бусирид, как мы слышали, имевший обыкновение убивать пришельцев, был умерщвлен пришельцем Геркулесом⁷⁷. 11. Регул многих пунийцев, на войне плененных, заключил в оковы, но вскоре сам протянул руки цепям победителей⁷⁸. 12. Считаешь ли ты, что обладает могуществом человек, не могущий предотвратить по отношению к себе то, что сам может совершать в отношении других?

⁷⁴Возможно, намек на басню о войне мышей и лягушек (батрахомиомахию); см. Gruber, 1978: 207.

⁷⁵Мотив кинико-стоического характера, ср. Sen. Ad Marc. 11.3–4.

⁷⁶Речь идет о Зеноне Элейском (см. выше, 1.пр.3.9); ср. Tert. Apol. 50.8–9; Plut. De garrul. 505d и пр.

⁷⁷Фрасий, прорицатель с Кипра, предсказал египетскому царю Бусириду, что неурожай в его стране прекратится, если египтяне будут каждый год приносить в жертву чужеземца на алтаре Зевса. Бусирид первым заколот Фрасия (подтвердившего таким образом истинность своего прорицания) и убивал чужестранцев, пока в Египте не появился Геракл, тоже схваченный, но разорвавший путы и убивший у алтаря Бусирида с его сыном. См. Hdt. Hist. II.45; Ov. Ars am. 1.647 слл.; Ov. Metam. IX.182; Nug. Fab. 56 и пр.

⁷⁸М. Атилий Регул, осуществивший высадку римского флота в Африке во время I Пунической войны, но разбитый весной 255 г. при Тунете и плененный карфагенянами. Отправленный в Рим для переговоров о мире, он уговорил сенаторов вести войну до победы, а затем, верный своему обещанию, вернулся в Карфаген, где его предали мучительной смерти; см. напр. Hor. Carm. III.5.13 слл.

13. Кроме того, если бы санам и власти было присуще некое природное и собственное благо, никогда бы не доставались они худшим людям. Ведь противоположности обычно не соединяются: природа не терпит, чтобы сочеталось противное. 14. А так как несомненно, что по большей части худшие люди обладают санам, ясно и то, что вещи, допускающие соединение с худшими людьми, по природе своей не суть блага. 15. И так по справедливости можно думать обо всех дарах Фортуны, кои в изобилии достаются самому беспутному. 16. По этому поводу я считаю должным заметить, что никто не сомневается, что храбр тот, в ком видна храбрость, а кому присуща быстрота, тот, несомненно, быстр. 17. Так музыка делает людей музыкантами, медицина — медиками, риторика — риторам: ведь природа каждой вещи совершает то, что ей свойственно, не смешиваясь с действиями противоположных вещей и даже отталкивая то, что ей противно. 18. Но богатство не способно утолить ненасытную алчность, а могущество не даст власти над самим собой тому, кого порочные похоти держат, стиснув нерасторжимыми оковами, и доставленная негодным почесть не только не делает их почтенными, но еще более выдает и обличает их бесчестность. 19. Почему так случается? Вам ведь по нраву называть ложными именами вещи, которые совсем не таковы, так что эти имена легко опровергаются действиями самих вещей; посему ни это богатство, ни это могущество, ни эти почести не могут по праву так называться. 20. Наконец, то же можно заключить обо всяком деле Фортуны, в которой ничего желанного, никакой природной благости очевидным образом нет, ибо она ни с добрыми людьми навсегда не соединяется, ни тех, с кем соединится, добрыми не делает.

VI

Знаем мы, каких был невзгод виною⁷⁹,
 Град огнем, сенат истребля казнью,
 Тот злодей, что, смерть причинивши брату,
 Материнскою орошенный кровью,
 5 Охладелый труп озирал пытливо,
 Не омыв лица ни слезой, способен
 Умерщвленной быть красоте судьбою⁸⁰.
 Скиптр, однако, он простирал народам,

⁷⁹Размер: сапфический стих.

⁸⁰Речь идет о Нероне, убившем своего брата Британника и мать Агрипшину; о легенде, что он осматривал труп матери и дивился ее красоте, см. Suet. Nero. 34.4; Tac. Ann. XIV.9.

Кои видит Феб, под волной скрывая
 10 Луч и с крайнего восходя востока,
 Кои хлад семи тяготит Трионов,
 Кои Нот, в сухом неудержный зное,
 Жжет, горючие пламена пустыни.
 Выспренней ужель не под силу власти
 15 Ярость гнусного обуздать Нерона?
 Жребий злой, увы! коль отраве лютой
 Меч неправедный поспешает в помощь!

VII

1. Тогда я говорю: — Ты знаешь сама, что честолюбивое влечение к тленным вещам надо мною весьма мало господствовало; но я желал поля для деятельности, чтобы добродетель не старилась в безмолвии. — 2. А она: — Да, единственное, что способно привлекать души, выдающиеся от природы, но еще не достигшие последней черточки в совершенстве добродетелей, — это желание славы и молва о превосходных заслугах в публичных делах. 3. Сколь это ничтожно и лишено всякого веса, размысли так. Весь охват земли, как тебе известно из астрономических показаний, сравнительно с пространством небес составляет лишь точку⁸¹, то есть, сравнив ее с величиной небесного шара, решишь, что она вовсе никакого пространства не занимает. 4. Из этой, столь скудной, области мира лишь четвертая часть, как ты знаешь из доказательств Птолемея⁸², населена известными нам живыми существами. 5. Если от этой четверти ты мысленно отнимешь то, что покрыто морями и болотами, и те области, что опустошены жаждой, едва останется самое тесное поле людскому жительству. 6. И в этой-то малейшей точке загражденные и запертые вы помышляете, как распространить свою славу, как разгласить имя? Что блестящего и величественного имеет слава, в столь тесных и жалких пределах зажатая? 7. Сверх того, в ограде сего невеликого жилища многие обитают народы, языком, нравами и образом жизни разнящиеся, которых, как из-за трудности пути, так и несходства языка и редкости в сообщении, достичь не может слава не только отдельных людей, но даже и городов. 8. Во времена Марка Туллия, как сам он где-то замечает⁸³, слава Римской республики еще не перевалила

⁸¹Все нижеследующее рассуждение Философии основано на цицероновском «Сне Сципиона». См. Cic. Somn. 16.

⁸²См. Ptol. Alm. II.1; Macr. Somn. II.5.16 слл.

⁸³Cic. Somn. 22.

за Кавказские горы, хотя та уже возмужала и страшна была парфянам и прочим народам в тех краях. 9. Итак, видишь, как стеснена, как сжата слава, которую вы усердствуете распространить и расширить? туда, где слава римского имени водвориться не может, доберется ли молва об одном римлянине? 10. Говорить ли, что нравы и установления разных племен несходны меж собою, так что считающееся у одних достойным похвалы у других казни достойно? 11. Вот почему, даже если кого-то радует распространение его славы, ему отнюдь не полезно разглашать свое имя среди многих народов. 12. Пусть всякий довольствуется тем, что молва о нем будет странствовать среди своих, и что в рубежах одного народа заключится блистательное бессмертие его славы.

13. Но сколь многих мужей, в свое время именитейших, по недостатку в писателях истребило забвение! хотя чем бы им помогли писания, которые вместе с их сочинителями поглощает древность долгая и темная? 14. Но вы, помышляя о славе в будущих веках, мните, что продлится для вас бессмертие. 15. Если же размыслишь об этом в сравнении с бесконечной протяженностью вечности, найдешь ли повод радоваться долготе твоей славы? 16. Ведь долгота одного мгновенья, если сравнить ее с десятью тысячами лет⁸⁴, поскольку длительность того и другого ограничена, будет с ними, хоть в малейшей степени, но соизмерима; но сие самое число лет, и даже сколь угодно большее, никак не сравнить с беспредельной длительностью. 17. В самом деле, конечные вещи можно так или иначе сравнивать между собой, бесконечное же с конечным — никак нельзя. 18. А посему, сколь бы долговечною ни была слава, если сообразить ее с неисчерпаемой вечностью, представится не только малой, но прямо никакой.

19. Вы же не умеете поступать правильно иначе как ради народных ушей и пустых толков и, пренебрегая превосходством совести и доблести, домогаетесь награды от чужих пересудов. 20. Послушай, как изящно осмеял некто пустоту таких притязаний. Он накинулся с поношениями на человека, который не ради упражнения в прямой добродетели, но ради пышной славы лживо облекся именем философа, и прибавил, что скоро узнает, точно ли он философ, если причиненные ему досады снесет кротко и терпеливо. Тот недолго хранил терпение и, снеся обиды, молвил, как бы насмешливо: «Признаешь наконец во мне философа?» А тот, с еще большей язвительностью: «Признал бы, — отвечает, — если

⁸⁴Речь идет о «великом годе» (annus magnus), см. Cic. Somn. 24; Cic. Nat. d. II.20.51.

б ты смолчал»⁸⁵. 21. Что же выдающимся мужам (речь ведь идет о них), которые ищут славы доблестью, что, повторяю, нужды им в славе после того, как тело дотла разрушится смертью? 22. Ведь если — чему рассудок наш возбраняет верить — люди умирают полностью, нет вовсе никакой славы, ибо тот, кому она воздается, вовсе не существует. 23. Если же душа, самое себя сознающая, от земной избавившись темницы⁸⁶, устремляется, вольная, к небу, не гнушается ли всяким земным занятием та, которая, наслаждаясь небом, радуется свободе от земного?

VII

Кто, духом пылок, реет лишь за славою⁸⁷,
 Верховным благом чтя ее,
 Пускай пространство области эфирныя
 Сравнит с земною скудостью
 5 И устыдится, круг наполнить крохотный
 Своим не в силах именем.
 Почто ж, о гордый, с шеи втуне силишься
 Низринуть иго смертное?
 Хоть меж далеких странствует племен молва,
 10 Всяк о тебе вестит язык,
 Хоть пышно блещет дом великий титлами —
 Высоку славу презрит смерть,
 Смиренну с гордой вместе погребет главу,
 Сравняет с высшим низшее.
 15 Где ныне кости верного Фабриция⁸⁸,
 Где Брут, Катон незыблемый?
 Пустое имя буквами немногими
 Молва чертит посмертная.
 Но нам, прозванья ведающим звучные,
 20 Дано ль самих умерших знать?
 Итак, лежите вы, совсем безвестные,
 И слава не прославит вас.
 А если мните жизнь еще продлить себе
 Молвы ширяньем смертныя,

⁸⁵Ср. Plut. De vit. pud. 532f; Macr. Sat. VII.1.11.

⁸⁶Образ, восходящий к Платону, Plat. Phd. 62b.

⁸⁷Размер: ямбические триметры и диметры.

⁸⁸Г. Фабриций Лусцин, консул 282 и 278 гг., хрестоматийный пример римской доблести; назван «верным» из-за эпизода во время переговоров с Пирром, когда Фабриций отверг предложение царского врача, обещавшего отравить Пирра, и предостерег царя; см. Plut. Pyrrh. 21.

- 25 Когда, хоть поздний, и ее похитит день,
Вторая смерть к вам явится⁸⁹.

VIII

1. Но не думай, что я веду против Фортуны безжалостную войну: случается иногда, что она, ничуть не обманчивая, обретает заслуги перед людьми, а именно, когда она открывается, когда обнажает чело и изъясняет свой нрав. 2. Возможно, ты еще не постигаешь моих речей; дивно то, что я хочу сказать, и потому я едва способна выразить мою мысль словами. 3. По моему мнению, много полезней людям враждебная Фортуна, чем благосклонная: последняя всегда под видом счастья, выглядя ласковой, лжет, первая же всегда правдива, когда в переменах являет свое непостоянство. 4. Та морочит, эта учит; та видом обманчивых благ опутывает умы наслаждающихся, эта, давая познать хрупкость счастья, их освобождает; таким образом, ты видишь, что та — ветреная, текучая, о себе самой в вечном неведении, а эта — трезвая, собранная и — даже когда выказывает свою враждебность — благоразумная. 5. Наконец, счастливая Фортуна своими ласками отклоняет от истинного блага, а враждебная обыкновенно тащит крючком обратно к истинным благам. 6. Или ты считаешь маловажным, что сия ожесточенная, сия ужасная Фортуна открыла тебе души верных приятелей? Она отделила для тебя искренний облик друзей от неверного; уходя, своих забрала, твоих оставила. 7. Сколь дорого заплатил бы ты за это, когда был невредим и, как казалось тебе, благополучен? Ну, сетуй теперь о потерянном добре: ты ведь обрел драгоценнейший род богатства — друзей.

VIII

- Коль с незыблемой верностью⁹⁰
Перемены свершает мир,
Коль стихии враждебные
Непреложный блюдут союз,
5 Коль в золотой колеснице Феб
Выезжает с днем розовым,
Дабы Феба владычила
Над ночами, чей Геспер вождь,
Дабы алчного моря зыбь
10 В твердых гранях держалася,

⁸⁹Т. е. они изглаждаются из памяти живых. Ср. Cic. Somn. 25.

⁹⁰Размер: гликоной.

Чтоб нельзя было свой удел
 Ширить землям кочующим, —
 Всю связует вселенную,
 Морем правя и землями
 15 И царя в небесах, любовь.
 Коль отпустит она узду,
 Все приязни взаимные
 Обернутся тотчас войной,
 И громаду, что движима
 20 В несравненном согласии,
 Растерзать разом ринутся.
 Договором торжественным
 Съединяет людей любовь,
 А святое супружество —
 25 Целомудренной склонностью,
 И надежному дружеству
 Свой дарует она закон.
 О счастливейший род людской,
 Коль владычит душой любовь,
 30 Небосвода владычица!⁹¹

КНИГА ТРЕТЬЯ

I

1. Уже она кончила петь, но меня, жаждущего слушать, застывшего в изумлении со все еще напряженным слухом, приятность песни удерживала. 2. Немного помедлив, я начал: — О высшее утешение изнуренных душ! Столь ободрила ты меня и вескостью суждений, и услadoю пенья, что я после этого уже не считаю себя слабей ударов Фортуны. Итак, я не только не страшусь тех крепких лекарств, о которых ты недавно говорила, но, жаждая тебя слушать, настоятельно их требую. — 3. Тогда она молвит: — Я почувствовала это, когда безмолвно и прилежно впивал ты мои речи; сего расположения души твоей я ждала или, вернее, сама добивалась. В самом деле, средства, еще оставшиеся, таковы, что при приеме горчат, но, внутрь принятые, услаждают. 4. Но ты говоришь, что жаждешь слушать: о, каким жаром пламенел бы, узнай ты, куда я намереваюсь тебя вести! — 5. Куда же? — спрашиваю. — К истинному, —

⁹¹Буквально: «любовь, которая управляет небом» (amor, quo caelum regitur), первоисточник знаменитой дантовской фразы (Par. XXXIII.145).

отвечает, — счастьем, о котором и твоя душа грезит, но узреть его не в силах, ибо взор ее занят призрачными очертаньями⁹². — 6. Тогда я: — Прошу, сделай это и без промедления покажи мне, каково истинное счастье. — 7. Сделаю, — говорит, — ради тебя с охотою; но сперва попытаюсь очертить и изобразить в словах то счастье, которое тебе известней, дабы, когда, рассмотрев его, обратишь глаза в противоположную сторону, ты мог узнать образ истинного блаженства.

I

Если засеять решит кто целину⁹³,
 Пусть от кустов все сперва освободит,
 Терны и плевел серпом пусть иссечет,
 Чтобы Цереру плодом отяготить.

- 5 Сладость пчелиных трудов много милей,
 Ежели горечью рот был уязвлен.
 Звезды отрадней блестят, коль престаёт
 Нот многотумны дожди распространять.
 Мраки погонит когда прочь Люцифер,
 10 Розовых коней день ясный помчит.
 Зритель неподлинных благ, прежде всего
 С шеи ярмо начинай ты совлекать:
 Благо прямое в твой дух впредь потечет.

II

1. Затем, ненадолго потупив взор и как бы удалившись в священную обитель своего разума, она начала так: — 2. Все попеченья смертных, занимаемые трудом многообразных стремлений, разными стезями движутся, однако сияются достичь единой цели, блаженства. Это такое благо, по обретении которого человек ничего более желать не может. 3. Это благо, всех высшее, и все блага в себе заключающее: если бы в нем чего-то недоставало, оно не могло бы быть высшим, ибо вне его оставалось бы нечто, чего можно желать⁹⁴. Итак, очевидно, что блаженство есть состояние совершенное по соединению в нем всех благ⁹⁵.

⁹²По Груберу (Gruber, 1978: 234), отсылка к образу пещеры в «Государстве» Платона (Plat. Resp. 515c).

⁹³Размер: metrum faliscum (каталектический дактилический триметр и каталектический трохаический монометр).

⁹⁴Ср. Plat. Phileb. 60b.

⁹⁵Ср. Ps. Plat. Defin. 412d.

4. Его, как мы сказали, все смертные пытаются достичь разными тропами: ведь от природы укоренено в людских умах желание истинного блага, но заблужденье, сбивая их с пути, уводит к ложным. 5. Одни, полагая, что владеть высшим благом значит ни в чем не нуждаться, вдаются в труды, чтоб утопать в богатстве; другие же, за благо почитая то, что наиболее достойно благоговения, стараются, добываясь почестей, снискать уважение сограждан. 6. Есть такие, кто высшее благо находит в высшем могуществе: эти или желают сами царствовать, или стараются быть подле царей. Кому всего лучше кажется знаменитость, те спешат разгласить свое славное имя искусствами войны или мира. 7. Большинство, однако, измеряет плод блага весельем и отрадою; эти счастливейшим почитают обилие удовольствий. 8. Есть и такие, кто в сих вещах меняет местами цель и причину: кто хочет богатства ради власти и наслаждений, а кто власти ищет для денег или для расширения славы. 9. На эти и подобные вещи направлено рвение людских поступков и желаний: таковы знатность и приязнь народная, которые, мнится, приносят какую-то славу, или жена и дети, коих ищут ради удовольствия; обладание друзьями, священнейший род блага, причисляется к дарам не Фортуны, но добродетели, прочее же приобретается ради власти или наслаждения. 10. Далее, ясно, что и телесные блага следует отнести к вышеупомянутым; ведь крепость и крупность, как кажется, наделяют мощью, красота и проворство — известностью, здоровье — удовольствием. 11. Очевидно, что с помощью всего этого жаждут достичь только блаженства; ведь то, чего всякий домогается паче прочего, он почитает высшим благом. Но мы определили, что высшее благо есть блаженство; вследствие этого любому блаженным кажется то состояние, которое ему желанно больше всякого прочего.

12. Вот представлена твоим глазам, так сказать, картина счастья человеческого: богатство, почести, могущество, слава, наслаждения. Принимая в расчет только эти вещи, Эпикур последовательно заключил, что высшее благо есть наслаждение, поскольку все прочие вещи, как представляется, приносят душе удовольствие⁹⁶. 13. Но обращусь к желаниям людей, чей дух, хотя и в помраченье памяти, все же ищет своего блага, но, как пьяный, не знает, какой дорогой вернуться домой⁹⁷. 14. Не кажется ли тебе, что заблуждаются те, кто стремится ни в чем не

⁹⁶Знаменитое суждение Эпикура; см. напр. Cic. Fin. 1.9.29; Diog. Laert. x.128.

⁹⁷Образ, восходящий к Платону, Plat. Phd. 79c.

нуждаться? Но ведь ничто не способно привести к счастью столь совершенному, как состояние, обилующее всяким благом и не нуждающееся ни в чем ином, но себе довлеющее. 15. Ошибаются ли те, кто считает, что наилучшее есть наипаче достойное уважения и почитания? ничуть; ведь не может быть ничтожным и презренным то, чем обладать стремятся и силятся почти все смертные. 16. Ужель могущество не следует числить среди благ? Отчего ж? Разве бессильным и немощным следует считать то, что, доподлинно, всех вещей превосходнее? 17. Ужель знаменитость следует вменять в ничто? Однако нельзя не принимать в расчет, что всякая превосходнейшая вещь представляется также и знаменитейшей. 18. Стоит ли говорить, что блаженство не тревожно, не печально и не подвержено скорбям и тяготам, если даже в малейших вещах люди ищут того, чем приятно обладать и пользоваться? 19. Да, таковы вещи, коими люди хотят обладать, и они желают богатства, чинов, царств, славы и наслаждений по той причине, что с ними думают обрести довольство, уважение, могущество, известность, веселье. 20. Итак, благо есть то, чего люди ищут, столь различные имея желания; здесь легко видеть, сколь велика сила природы, коль скоро мнения, хотя разные и несогласные, сходятся в любви к одной цели — благу.

II

Какою браздой направляет мир⁹⁸
 Могущая мать, уставом каким
 Безмерную ширь дальновидно блюдет
 И стягивает неразрывным узлом
 15 Все вещи — о том сладкозвучную песнь
 На послушных струнах мне любо начать.
 Хотя несут пунийские львы
 Изящную цепь, приемлют еду
 Из рук людских и, привыкнув к бичу,
 10 Хозяйскую злость боятся узреть,
 Коль кровь оросит косматую пасть,
 Вернется давно усыпленный дух,
 И вспомнят себя, взревав тяжело,
 И с шеи стяхнут разбитую цепь,
 15 И первый, клыком кровавым раздран,
 Хозяин их ярь и гнев утолит.
 Коль ту, что в ветвях высоких звенит,

⁹⁸Размер: акаталектический анапестический диметр.

В решетчатый грот ты птицу запрешь,
Пусть медом ее налито питье
20 И щедрую снедь заботливо ей
Играющая рука подает,
Едва, в тесноте ограды скача,
Завидит дубрав любезную сень,
Разбросанну снедь попирает ногой,
25 К лесам лишь одних стремится в тоске,
О лесах свистит и щебечет своих.
Упорных сил принужденье познав,
Сгибают кусты вершину к земле,
Но лишь отведи клонящую длань —
30 Верхушкой прямой глядят в небеса.
Нисходит Феб в гесперийскую зыбь,
Однако вновь потаенной тропой
Колесницу стремится на привычный восток.
Взыскует все обратных путей,
35 И всем вещам отраден возврат;
Лишь то блюдет предписанный чин,
Что зачин сопрячь умеет с концом,
Начертывая неизменный круг.

III

1. Вам также, о земные животные, хотя и в скудном отображении, все же грезится ваше начало, и истинную цель блаженства вы так или иначе прозреваете размышлением, хоть и не особенно зорким, и поэтому природное стремление ведет вас к истинному благу и от него же уводит многообразное заблуждение. 2. Посмотри, в самом деле, могут ли люди достичь назначенной цели с помощью того, в чем они полагают обрести блаженство. 3. Ведь если бы деньги, почести и прочее доставляли такое состояние, которое, по всей видимости, не лишено ни одного блага, и мне пришлось бы признать, что человек, овладевая всем этим, делается счастливым. 4. Но если они не в силах исполнить того, что сулят, и многих благ лишены, не обнаруживается ли в них ясно лживый образ блаженства?

5. Прежде всего я спрошу тебя самого, еще недавно утопавшего в богатстве: средь оной изобильнейшей роскоши неужели никогда не смущала твоей души порожденная какой-нибудь несправедливостью тревога? — 6. Напротив, — отвечаю, — не могу припомнить, чтобы душа моя когда-нибудь бывала свободной: всегда меня что-то удручало. —

7. Не оттого ли, что отсутствовало то, чего ты не хотел быть лишенным, или наличествовало то, чего ты не желал иметь? — Именно так, — отвечаю. — 8. Итак, ты хотел, чтобы первое присутствовало, а последнее отсутствовало? — Признаю. — 9. Но тот, — говорит она, — кто чего-то желает, лишен этого? — Лишен. — А кто лишен чего-нибудь, не совершенно доволен сам себе. — никоим образом. — 10. Итак, ты, полный богатствами, претерпевал сию недостаточность? — Как же иначе? — 11. Следственно, богатства не могут сделать человека ни в чем не нуждающимся и самодовлеющим — а это, кажется, именно то, что они сулят. 12. И, я считаю, особенно заслуживает примечания, что деньги не заключают в своей природе ничего, что помешало бы отнять их у владельца против его воли. — Признаю. — 13. И как не признать, когда каждодневно тот, кто сильнее, похищает их у другого против воли? Ведь отчего происходят жалобы в судах, если не оттого, что требуют вернуть деньги, насильством или обманом похищенные у не желающего? — Да, так. — 14. Следственно, — говорит, — всякий будет вынужден искать помощи извне, дабы уберечь свои деньги. — 15. Кто бы, — отвечаю, — это отрицал! — Но в этом не было бы нужды, если не владеть деньгами, которых можно лишиться. — Без сомнения. — 16. Итак, дело оборачивается противным образом: ведь богатства, с которыми рассчитывали достичь самодостаточности, заставляют скорее нуждаться в чужой помощи. 17. Каким же образом можно изгнать богатством нужду? разве богатые не могут алкать, разве жаждать они неспособны, разве не чувствуют зимней стужи тела людей состоятельных? 18. Ты скажешь: «Однако у имущих людей есть чем утолить голод, чем отогнать жажду и стужу». Но таким образом богатство может лишь смягчить нужду, а не совершенно устранить; ведь если она, непрестанно разевая пасть и чего-нибудь домогаясь, утоляется богатством, неизбежно остается что-то, что надобно еще утолять. 19. Не говорю, что природа довольствуется малейшим, алчность же ничем не насыщается. Поэтому, если богатство не может устранить нужду, но само ее производит, как вы можете думать, что оно дарует довольство?

III

Казну, струями золота текущую⁹⁹,
Алчный пусть копит богач, чтоб не насытиться ввек,

⁹⁹Размер: ямбический триметр и дактилический пентаметр.

Тягчит пусть шею перлом берега чермного¹⁰⁰,
 Пусть он сотней волов тучную ниву браздит,
 5 Живой — забот он не избудет гложущих,
 С мертвым — изменчивая роскошь не пустится в путь.

IV

1. «Но чины делают почтенным и уважаемым того, кому достаются». Ужели магистратуры наделены силою прививать добродетель душе того, кто их отправляет, и выдвирать оттуда пороки? 2. Обыкновенно они не прогоняют порочность, но делают ее заметной. Вот почему мы негодуем, что они часто достаются негодным людям; поэтому Катулл называет Нонния, хоть и восседающего на курульном кресле, желваком¹⁰¹. 3. Видишь ли, сколько бесславья дурным людям приносят почести? меньше была бы видна их бесчестность, если б они никакими санами не блистали. 4. И разве тебя самого могли какие бы то ни было опасности склонить к мысли отправлять магистратуру вместе с Декоратом, когда ты видел в нем душу беспутного шута и доносчика? 5. Не можем ведь мы в силу одних должностей считать достойными уважения тех, кого считаем недостойными этих должностей. 6. Но если ты видишь человека, мудростью наделенного, можешь ли счесть, что он недостойн уважения или той мудрости, которою он наделен? — Никоим образом. — 7. Присуще ведь добродетели собственное достоинство, которое она прямо изливает на тех, кому придана. 8. А так как народные почести делать этого не могут, ясно, что они не имеют собственной красоты истинного достоинства.

9. Здесь особенно следует заметить вот что: если человек тем отверженной, чем большее число людей его презирает, то чины, не будучи способны сделать уважаемыми людьми тех, кого они выводят на показ многим, делают негодных еще презреннее. 10. Но не безнаказанно: ведь негодные отплачивают за это чинам, пятная их своим касанием.

11. Но чтобы ты уразумел, что прямого уважения не получить от этих призрачных честей: если человек, многократно отправлявший консульство, по случаю придет к варварским народам, сделает ли должность его уважаемым среди варваров? 12. Будь это у почестей природное преимущество, они не теряли бы своей силы ни в одном народе, подобно тому, как огонь нигде не земле не перестает быть горячим. 13. Но поскольку

¹⁰⁰Т. е. берега Красного моря, обилующего жемчугом.

¹⁰¹Cat. Carm. 52.2.

эту способность придает им не собственная их суть, но неосновательное людское мнение, они улетучиваются, едва оказавшись среди тех, кто не считает их почестями.

14. Но это у внешних народов: а среди тех, у кого сии чины возникли, разве вечно они пребывают? 15. Претура, некогда великая власть, ныне пустой звук и тяжкое бремя сенаторскому сословию; если встарь кто заботился о продовольствии народа, в великой бывал чести, ныне же — что этой должности презреннее? 16. Ибо, как мы сказали немного раньше, вещи, лишённые всякой собственной красоты, то получают блеск, то его утрачивают во мнении тех, кто ими пользуется.

17. Итак, если чины не могут сделать никого уважаемым, если, кроме того, их марают прикосновение дурных людей, если с переменами времени они перестают блистать, если они дешевеют от людского мнения — какая в них заключена желанная красота, не говоря уже о способности придать ее другим?

IV

Хоть спесиво тирийской украшался¹⁰²
 Червленью и белоснежным перлом,
 Всем, однако, был людям ненавистен
 Кесарь Нерон в сладострастье лютом,
 5 Но, бесстыдный, отцам он досточтимым
 Саны порой раздавал бесславны.
 Кто блаженными называть решится
 Почести, кои дарит убогий?

V

1. Или, может, царства и дружеское с царями обхождение способны сделать человека могущественным? «Почему нет, коли их благоденствие непрестанно длится». 2. Но полна примеров древность, полон и нынешний век, как цари сменяли благоденствие на злополучие. О преславное могущество, которое и для сохранения самого себя оказывается недостаточно действенным!

3. Если же эта власть над царствами есть источник блаженства, разве она, в каком-нибудь краю отсутствуя, не должна уменьшать счастье, приносить страданье? 4. Но хотя широко простираются людские державы, неизбежно остается куда больше народов, над коими никакой

¹⁰²Размер: фалеков стих и алкеев десятистолжник.

царь не властвует. 5. А где прекращается сия сила, делающая людей блаженными, туда вкрадывается бессилие, делающее их несчастными; таким образом царям неизбежно достается большая доля несчастья, чем благополучия.

6. Тиранин, познавший опасности своего жребия, уподобил страх, причиняемый царством, боязни меча, над головой висящего¹⁰³. 7. Что же это за власть, которая изгнать укусы тревог, спастись от жала боязней не в силах? Конечно, владыки хотели бы жить спокойно, но не могут: и после этого хвалятся властью! 8. Сочтешь ли ты человека могущественным, если видишь, что он желает того, чего не может добиться; сочтешь ли могущественным того, кто окружает себя клеветами, кто страшась его сам сильнее боится, от чьих слуг зависит, чтобы он выглядел могущественным? 9. Нужно ли мне говорить о тех, кто близок царям, если я могу показать, что сами царства исполнены столь великой немощи? Сих приближенных повергает царская власть, часто невредимая, часто пошатнувшаяся. 10. Нерон Сенеку, товарища и наставника своего, принудил избрать себе кончину; Папиниана, долго меж придворными могущественного, предал солдатским мечам Антонин¹⁰⁴. 11. А ведь оба хотели отречься от своего могущества, а Сенека пытался даже имение свое передать Нерону и удалиться на покой¹⁰⁵; но так как обреченных рухнуть увлекает само их величие, ни тот, ни другой не исполнил желаемого. 12. Итак, что это за могущество, которого страшатся им обладающие, которое когда хочешь иметь, не живешь в безопасности, и когда желаешь сложить, никак не можешь? 13. Защищают ли друзья, которых тебе не добродетель, но Фортуна приобрела? Но кого другом делает счастье, того злополучье недругом сделает. 14. А какая чума сильней вредит, чем недруг средь близких?

V

Кто могуществен быть пожелает¹⁰⁶,
 Пусть дух укрошает жестокий
 И, смирив сладострастие, шею
 Не подставит гнусным поводам.

5 Ведь хотя бы индийские земли

¹⁰³Знаменитый анекдот о Дамокловом мече; см. напр. Cic. Tusc. v.61–62.

¹⁰⁴Эмилий Папиниан, выдающийся юрист, влиятельный при Септимию Севере и убитый при его сыне Каракалле (212 г.).

¹⁰⁵См. Tac. Ann. xiv.54; Suet. Nero. 35.5; о Папиниане таких свидетельств нет.

¹⁰⁶Размер: катаlecticкий анапестический диметр.

Твоих трепетали приказов,
 Хоть покорствуем дальняя Фула,
 Коль черные выгнать заботы
 И жалкие пени отвадить
 10 Не можешь — могучим не будешь.

VI

1. И слава сколь часто обманчивою, сколь часто стыдною бывает! Поэтому справедливо восклицает трагик:

*О слава, слава! смертным ты бесчисленным
 Из ничего вздуваешь жизнь великую!*¹⁰⁷

2. Ведь многие часто получали великое имя благодаря ошибочным мнениям народа. Что постыднее можно выдумать? В самом деле, те, кого превозносят без оснований, сами должны были бы устыдиться этих похвал. 3. Если бы оные добыты были заслугами, что они прибавили к совести мудреца, который свое благо измеряет не народной молвой, но истиною совести? 4. Если прекрасным кажется распространять свое имя, следовательно, позорным считается быть в безвестности. 5. Но поскольку, как я сказала раньше, неизбежно будет множество народов, до которых не добраться славе одного человека, выходит, что тот, кого ты считаешь славным, в ближайших частях мира оказывается бесславен. 6. Среди всего этого народную приязнь я считаю недостойной и упоминания, ибо она не происходит от разумного суждения и никогда не бывает долгой и прочной.

7. Далее, кто не видит, сколь пусто, сколь ничтожно имя знатности? Если она обязана собою известности, она чужая; ведь знатность, как представляется, есть некая слава, происходящая от заслуг предков. 8. А если известность порождается молвою, по необходимости должны быть известны те, о ком идет молва, потому тебе блеска не придаст чужая известность, если своей не имеешь. 9. Если же есть в знатности какое-то благо, то, полагаю, лишь одно: наложенная на знатных обязанность не вырождаться из доблести предков.

VI

Роду людскому всему на земле одинаково рождение¹⁰⁸;

¹⁰⁷Евр. Andr. 319 сл.

¹⁰⁸Размер: каталектический дактилический тетраметр, соединенный с каталектическим ионическим диметром.

Ибо отец один у вещей, управитель всем единый,
 Месяцу рог и Фебу его лучезарность даровавший.
 Он даровал и землям людей, и созвездья небосводу.

- 5 В теле дух он замкнул, от жилищ возвышенных приведенный.
 Был росток, всех смертных на свет произведший, благороден.
 Что же о роде, о предках своих вы шумите? В рассмотренье
 Бога-Творца и исток свой прими: не окажется безродных,
 Кроме лишь тех, кто, вдавшись в порок, отдалится от начала.

VII

1. Что же мне говорить об уладах телесных, кои наполняют тебя беспокойством, пока ты их жаждешь, и раскаяньем, когда насытишься?
 2. Сколь тяжкие болезни, сколь несносные скорби, как бы плод беспутства, обыкновенно производят они в теле тех, кто их вкушает! 3. Какую отраду доставляет их движенье¹⁰⁹, не знаю; но что исход удовольствий печален, поймет всякий, кто захочет вспомнить свои наслаждения. 4. Если они могут делать людей блаженными, нет причины, почему бы не назвать блаженными и животных, у которых все стремление к тому, чтоб утолить телесные нужды. 5. Отрада, без сомнения, благороднейшая заключена в жене и детях, но есть высказывание, слишком верно соответствующее природе вещей, что кто-то нашел в сыновьях своих мучителей¹¹⁰. Как гложет душу участь детей, какова бы она ни была, не нужно тебе напоминать, испытавшему это и доньше за них тревожному. 6. В этом предмете я соглашаюсь с суждением моего Еврипида¹¹¹, сказавшего, что лишенный детей счастлив в несчастье.

VII

Так со всяким наслажденьем¹¹²:

Колет тех, кому отрадно,
 И с пчелой летучей сходно,
 Прелюбезный мед изливши,

- 5 Прочь несется и укусом
 Уязвляет долгим сердце.

¹⁰⁹Отсылка к эпикурейскому определению «наслаждение в движении», см. напр. Cic. Fin. I, 37, II, 9 и 16.

¹¹⁰Мысль, засвидетельствованная у греческих авторов; см. напр. Soph. Ant. 645 слл.

¹¹¹Eur. Andr. 418 слл.

¹¹²Размер: акаталектический ионический диметр.

VIII

1. Итак, несомненно, что эти дороги к блаженству суть некое бездорожье и не могут никого привести туда, куда привести сулят. 2. Со сколь же великим злом они спутаны, я покажу вкратце. 3. Итак, пытаешься скопить денег? Отнимешь их у имущего. Хочешь блистать почестями? Будешь умолять дающего их и, желая превзойти прочих честью, унизишься смирением. 4. Могущества ли жаждешь? Подверженный козням подвластных, будешь жить среди опасностей. 5. Славы взыскуешь? Но, влекомый в разные стороны по трудным тропам, лишишься спокойствия. 6. Хотел бы проводить жизнь в удовольствиях? Но кто не презрит и не отвергнет раба подлейшей и непрочнейшей вещи — тела? 7. А те, кто кичится благами тела, — на сколь скудное, сколь непрочное имение вы опираетесь! Разве сможете вы слонов превзойти величиной, быков силой, разве тигров опередите быстротою? 8. Возрите на пространство небес, на прочность их и скорость, и перестаньте наконец дивиться вещам ничтожным. Впрочем, небо дивно не столько всем этим, сколько тем разумом, коим оно управляется. 9. А красота внешности как гороплива, как скоротечна, переменчивости внешних цветов мимолетней! 10. Если бы, как говорит Аристотель, люди обладали очами Линкея, чтобы их взор проникал сквозь преграды, разве, будь возможно заглянуть в утробу, прекраснейшее на поверхности тело Алкивиада не показалось бы гнуснейшим?¹¹³ Итак, казаться прекрасным тебе не природа твоя позволяет, но слабость взирающих глаз. 11. Оцените же, как чрезмерно ваше желание телесных, если вам ведомо, что все, чему вы дивитесь, может истребиться слабым огнем тридневной горячки. 12. Из всего этого можно сделать общий вывод, что вещи, не способные даровать обещанных ими благ и не обладающие совершенством благодаря объединению всех благ, не ведут к блаженству, как некие тропы, и сами не делают людей блаженными.

VIII

Как несчастных, увы! водит неведенье¹¹⁴,
 С дороги верной сбившихся!
 Злата вы на деревьях пышных не ищете,
 К лозе нейдя за перлами,
 5 Ни сетей на крутых скалах не прячете,

¹¹³Arist. Protrept. frg. B 105D. Зоркость аргонавта *Линкея* вошла в поговорку, см. напр. Ar. Plut. 210.

¹¹⁴Размер: малый асклепиадов стих и ямбический диметр.

- Чтоб пир украсить рыбою,
 Коль по нраву гонять серну, в буруны вы
 Не входите тирренские.
 Даже тайны морей людьми узнаны,
 10 В пучине сокровенные:
 Где богаче валы камнями белыми,
 А где — багрянкой рдяною,
 Брег обилен какой нежною рыбою,
 Какой — ежами колкими.
 15 Но предел, где живет благо желанное,
 Слепые, все не ведают,
 Ищут то, что небес звездных за гранию,
 Под землю погрузившись.
 Что достойного мне сим пожелать глущам?
 20 Пусть ищут злата с почестями
 И, скопив ложных благ груды тяжелую,
 Познают благо истое.

IX

1. Теперь достаточно показан образ мнимого счастья; если ты внимательно его рассмотрел, порядок рассуждения требует далее показать, каково счастье истинное. — 2. Конечно, — говорю, — я вижу, что нельзя достичь ни богатством самодостаточности, ни царством — могущества, ни чинами — уважения, ни славою — знаменитости, ни наслаждениями — радости. — А причины, почему это так, ты постиг? — 3. Кажется, я смотрю на них словно через узкую скважину, но желал бы от тебя сведать о том яснее. — 4. Объяснение весьма доступно. То, что по природе просто и неделимо, человеческое заблуждение разделяет и уводит от истинного и совершенного к ложному и несовершенному. Или ты думаешь, что ни в чем не нуждающееся лишено могущества? — Никким образом. — 5. И справедливо: ведь если есть что-то, в некотором отношении недостаточно сильное, по необходимости оно будет нуждаться в чужой помощи. — Да, так. — 6. Таким образом, у самодостаточности и могущества природа одна и та же. — Видимо, так. — 7. И что же, как ты считаешь, такого рода вещь должна быть презираема или, напротив, паче всего достойна уважения? — В этом, — отвечаю, — нельзя усомниться. — 8. Тогда причтем к самодостаточности и могуществу еще и уважение, дабы рассматривать эти три как одно. — Причтем, если хотим признать истину. — 9. Что же, — говорит она, — считаешь ли ты это единство безвестным и ничтожным или славным всяческою знаменитостью? 10. Посмотри, как бы то, что ты признал ни в чем не

нуждающимся, могущественнейшим и достойнейшим всякой почести, не оказалось лишенным славы, которую оно не может доставить себе, и из-за этого не показалось бы в некотором отношении более низким. — 11. Не могу не признать, — говорю я, — что эта вещь, какова она есть, также и славнейшая. — 12. Следственно, мы должны признать, что слава ничем не отличается от трех вышеупомянутых. — Должны. — 13. Итак, то, что не нуждается ни в чем чужом, что может все совершить своими силами, что славно и достопочтенно, — не явствует ли, что оно, кроме того, исполнено радости? — 14. Не могу помыслить, — отвечаю, — откуда бы в него вкрасться какой-нибудь печали; поэтому необходимо признать, что оно полно радости, если держаться сказанного раньше. — 15. Кроме того, в силу вышесказанного необходимо, что хотя названия самодостаточности, могущества, славы, уважения, радости разные, однако сущность их никоим образом не различается. — Это необходимо, — отвечаю.

16. — Итак, то, что едино и просто по природе, человеческая ущербность расчленяет и, силясь стяжать часть вещи, частей не имеющей, не обретает ни доли, которой не существует, ни целого, которого отнюдь не жаждет. — 17. Каким же, — говорю, — образом? — Кто, — отвечает она, — ищет богатств, избегая скудости, не заботится о могуществе, но предпочитает оставаться ничтожным и безвестным и даже отказывается от многих естественных удовольствий, лишь бы не потерять накопленных денег. 18. Однако таким способом не достается самодостаточность тому, кого силы покидают, кого тяготы жалят, кого ничтожество унижает, кого скрывает безвестность. 19. Кто же вожделеет лишь могущества, расточает казну, брезгает наслажденьями и почестью, могущества лишенной, и самое славу не ценит. 20. Но ты видишь, сколь многого ему недостает; ведь иной раз он нуждается в необходимом, снедаемый тревогами, а поскольку не может их разогнать, теряет даже то, к чему больше всего стремился, — могущество. 21. Подобным же образом можно рассудить о почестях, славе, удовольствиях; ведь поскольку всякое из них есть то же, что прочие, любой, кто добивается какого-нибудь из них без прочих, не овладевает и тем, чего жаждет. — 22. А что, — говорю, — если бы кто-нибудь желал получить все разом? — Значит, он желал бы высшего блаженства; но разве обретет он его в тех благах, кои, как нами показано, не могут дать того, что сулят? — 23. Никоим образом. — Итак, в этих вещах, кои, взятые по отдельности, считаются способными доставить тот или иной предмет желания, никак не

следует искать блаженства. — Согласен, — говорю, — и нельзя сказать ничего справедливой.

24. — Таким образом, — молвит она, — ты теперь знаешь образ и причины мнимого счастья. Обрати же взор разума в противоположную сторону; там тотчас увидишь счастье истинное, которое мы обещали. — 25. Подлинно, — говорю, — это ясно и слепому, и ты показала это счастье немногим раньше, когда усердствовала открыть мне причины мнимого. 26. Ведь, если не обманываюсь, истинное и совершенное счастье есть то, которое делает человека самодостаточным, могущественным, достойным уважения, знаменитым и радостным. 27. Но чтобы ты видела, что я уразумел предмет глубже: если какая вещь способна в самом деле доставить лишь одну из этих вещей (поскольку все они суть одно и то же), то не колеблясь признаю ее за полное блаженство. — 28. Счастливы ты, о мой питомец, в сем мнении, — молвит она, — однако прибавить бы к нему еще одно! — Что именно? — спрашиваю. — 29. Думаешь ли ты, что среди этих смертных и тленных вещей есть что-то, способное вызвать состояние такого рода? — Вовсе нет, — отвечаю, — и это тобою показано так, что большего желать нельзя. — 30. Итак, эти вещи, как представляется, приносят смертным лишь образы истинного блага или некоторые несовершенные блага, истинное же и совершенное благо даровать не могут. — Согласен. — 31. Далее, поскольку ты постиг, что есть истинное счастье, а что лишь прикидывается блаженством, остается теперь научить тебя, где искать истинного. — Этого, — говорю, — я жду уже давно с нетерпением. — 32. Но коль скоро, как угодно было нашему Платону в «Тимее»¹¹⁵, даже в малейших делах должно испрашивать божественной помощи, что, по-твоему, надлежит нам ныне сделать, чтобы удостоиться найти обитель высшего блага? — 33. Надобно призвать, — отвечаю я, — отца всего сущего; если пренебречь этим, никакое начало не будет положено подобающим образом. — Ты прав, — отвечает она и тотчас начинает такую песнь:

IX

Ты, Кто законом мир направляешь непреложным¹¹⁶,
 Неба творец и земли¹¹⁷, идти от века велящий
 Времени, Ты, Кто даешь движенье всему, неподвижный,

¹¹⁵Plat. Tim. 27c.

¹¹⁶Размер: дактилический гекзаметр. Эта стихотворная молитва — композиционный центр и важнейшая часть «Утешения».

¹¹⁷Terrarum caelique sator; ср. Verg. Aen. 1.254; XI.725.

- Кто не внешнею был понужден причиной к созданию
 5 Зыбкой материи¹¹⁸, но Тебе присущей идеей
 Высшего блага, отнюдь не имущей зависти¹¹⁹; строишь
 Все по вышнему Ты образцу¹²⁰; прекраснейший, держишь
 Мир прекрасный в уме, выводишь образ похожий
 И совершенству велишь довершиться в частях совершенных¹²¹.
 10 Ты связуешь числом стихии¹²², чтоб с пламенем стужа,
 Сухость со влагой была в равновесье, да пламень чистейший
 Ввысь не уйдет и вес не разрушит просевшую землю.
 Распространяешь Ты по ей подобающим членам
 Душу природы тройной¹²³, что всем движет, став посредине;
 15 Та, разделенная, в два заключает круга движенье¹²⁴,
 Идет, чтобы в себя вернуться, обходит глубокий
 Ум и небо она вращает образом сходным¹²⁵.
 С равной причиной творишь Ты души и меньшие жизни
 И, с колесницею их в высоте сопрягаючи легкой¹²⁶,
 20 Сеешь их на земле и на небе, законом любви
 С огнем вернувшимся вновь им к Тебе прийти позволяя.
 Дай подняться, отец, уму в чертог веледешный,
 Блага источник узреть и свет обретшему снова
 Дай впериться в Тебя прозрачным разума взором.
 25 Тяготы и облака разгони земныя громады
 И востийя блистаньем Твоим: ибо Ты безмятежность,
 Ты нерушимый покой благочестным; Твое созерцанье —
 Цель нам, начало и вождь, и стезя, и конечная вежа.

X

1. И поскольку ты увидел, каков образ несовершенного и совершенного блага, теперь, я полагаю, следует показать, в чем состоит это совершенство счастья. 2. Здесь, я думаю, прежде всего надлежит исследовать, может ли в природе вещей существовать какое-нибудь сего рода

¹¹⁸Ср. Plat. Tim. 30a.

¹¹⁹Ср. Plat. Tim. 29e; Plat. Phdr. 247a.

¹²⁰Ср. Plat. Tim. 31ab.

¹²¹Ср. Plat. Tim. 32d.

¹²²Ср. Plat. Tim. 31c; Procl. Tim. II.25.1 слл.

¹²³Намек на сотворение космической души; ср. Plat. Tim. 35a.

¹²⁴Ср. Plat. Tim. 36bc.

¹²⁵Космическая душа, вращаясь вокруг божественного разума (*глубокий ум*), является причиной движения небес, движущегося таким же образом. Ср. Plot. Enn. II.2.1.1; Procl. Tim. II.282.27.

¹²⁶Ср. Plat. Tim. 41e; Procl. Tim. I.236.28.

благо, которому ты немногим раньше дал определение, дабы нас не обманул пустой призрак нашей мысли, противный истине обсуждаемого предмета. 3. Но нельзя отрицать, что оно существует и представляет собой как бы некий источник всех благ¹²⁷; ведь все, что называют несовершенным, считается таковым по умалению совершенства. 4. Поэтому если в каком-либо роде вещей что-то кажется несовершенным, необходимо, чтобы в нем было и нечто совершенное; ведь если устранить совершенство, нельзя вообразить, откуда возьмется вещь, представляющаяся несовершенной. 5. Ибо природа вещей берет начало не от умаленного и незавершенного, но, выходя от безукоризненного и совершенного, скатывается к сим вещам, последним и скудным. 6. Если же, как мы показали немногим раньше, существует некое несовершенное счастье тленного блага, нельзя усомниться, что есть счастье прочное и совершенное. — Основательнейшее, — говорю, — и справедливейшее заключение.

7. — А где, — говорит, — оно обитает, рассуди так. Что Бог, начало всего сущего, есть благо, свидетельствует всеобщее убеждение человеческих душ; ведь если нельзя помыслить ничего лучше Бога, кто усомнится, что Тот, лучше Кого ничего нет, есть благо? 8. Разум же показывает, что Бог есть благо, так, что убеждает, что в Нем заключено благо совершенное. 9. Будь это не так, Он не мог бы быть началом всего сущего, ибо было бы нечто превосходней Его, нечто, обладающее совершенным благом, что оказалось бы предшествующим и более древним, чем Он; ведь все совершенное, очевидно, предшествует менее совершенному. 10. Посему, чтобы рассуждение не вдалось в бесконечность, надобно признать, что высший Бог преисполнен высшего и совершенного блага; но мы установили, что совершенное благо есть истинное блаженство; следовательно, необходимо, чтобы истинное блаженство находилось в высшем Боге. — Согласен, — отвечаю: — этому никоим образом нельзя возразить. — 11. Но прошу тебя, — говорит она, — посмотри, можешь ли твердым и нерушимым образом доказать нами сказанное, а именно, что высший Бог преисполнен высшего блага. — Каким же, — говорю, — образом? — 12. Не думай, что Отец всего сущего получил извне оное высшее благо, коим, как сказано, Он исполнен, или же по природе обладает им так, чтобы сущности обладающего Бога и обладаемого блаженства мыслились различными. 13. Ведь если ты сочтешь это благо полученным извне, то можешь считать, что давшее его превосходней

¹²⁷Выражение, только что прозвучавшее в стихах (III. m. 9. 23).

получившего; однако мы весьма основательно утверждаем, что Бог превосходнее всех вещей. 14. Если же благо по природе Ему присуще, но по понятию от Него отлично, то когда мы говорим о Боге как начале сущего, пусть тот, кто способен, вообразит, кто мог бы соединить эти различные вещи. 15. Наконец, то, что отлично от какой-то вещи, не есть то, от чего оно мыслится отличным; следственно, то, что отлично по своей природе от высшего блага, не есть высшее благо; но нечестиво так мыслить о Том, над Кем, очевидно, нет ничего превосходнее. 16. Ведь бесспорно, что никакая вещь по природе не может быть лучше своего начала, вследствие чего я справедливейшим рассуждением заключу, что то, что есть начало всего, есть также по своей сущности высшее благо. — Весьма справедливо, — говорю я. — 17. Но мы приняли, что высшее благо есть блаженство. — Да, так. — Значит, необходимо признать, что Бог есть сие самое блаженство. — Предыдущим положениям, — говорю, — возражать не могу и вижу, что нынешний вывод из них следует.

18. — Посмотри же, — молвит она, — нельзя ли то же самое основательней доказать из того, что два высших блага, кои между собой различны, не могут существовать. 19. В самом деле, ясно, что из двух разнящихся благ одно не есть то, что есть другое; следственно, ни одно из них не может быть совершенным, коль скоро одному недостает другого. Но несовершенное, очевидно, не может быть высшим; итак, никоим образом не может быть различия меж высшими благами. 20. Однако мы сделали вывод, что блаженство и Бог суть высшее благо, из чего необходимо вытекает, что существует высшее блаженство и что оно есть высшее Божество. — 21. Нельзя, — говорю, — вывести заключения ни по сути дела истиннее, ни по рассуждению основательнее, ни Богу приличнее.

22. — А сверх сего, — молвит она, — как геометры обыкновенно выводят из доказанных положений то, что они называют *порисмами*, так и я предложу тебе своего рода королларий. 23. Поскольку, стяжав блаженство, люди делаются блаженными, блаженство же есть само Божество, очевидно, что блаженными люди делаются, стяжав Божество. 24. Но как по стяжанию справедливости становятся справедливыми, по стяжанию мудрости — мудрыми, так из сходного соображения с необходимостью вытекает, что стяжавшие Божество становятся богами. 25. Итак, всякий блаженный — Бог. По природе Бог один, но по сопричастию ничто не мешает быть многим. — 26. И прекрасна и драгоценна, — говорю, — эта порисма, или королларий, как ты предпочитаешь ее называть. — 27. Но ничего нет прекрасней того, что разум увещевает прибавить к предыдущему. — Что же? — спрашиваю. — 28. Коль скоро блаженство, — говорит

она, — по-видимому, содержит в себе многое, все это образует как бы единое тело блаженства, хотя и с некоторым различием частей, или же есть среди них что-то, в чем заключается сущность блаженства, а все прочее лишь стоит в некотором отношении к этой сущности? — 29. Я хотел бы, — говорю, — чтобы ты это объяснила, взяв в рассмотрение сами эти вещи. — Не считаем ли мы, — говорит она, — блаженство благом? — Да, и даже высшим. — 30. Можешь это прибавить к каждой из этих вещей. Ведь то же самое есть высшая самодостаточность, то же — высшее могущество, и уважение, знаменитость и удовольствие также почитаются блаженством. 31. Так что же, все это — самодостаточность, могущество и прочее — суть как бы некие члены блаженства или все относятся к благу, как к своему верху? — 32. Понимаю, что ты предлагаешь исследовать, но хочу услышать, что ты сама утверждаешь. — 33. Слушай, каково решение. Если бы все эти вещи были членами блаженства, то между собою бы различествовали; такова ведь природа частей, что они, будучи разными, составляют единое тело. 34. Но уже показано было, что все они суть одно и то же. Итак, они никоим образом не члены; в противном случае блаженство, по-видимому, состояло бы из одной части, а это невозможно. — 35. Это несомненно, — говорю, — но я хотел бы услышать остальное. — 36. Ясно, что все прочие вещи соотносятся с благом. Потому ведь ищут самодостаточности, что считают ее благом; потому ищут могущества, что и в нем благо видят; то же можно заключить об уважении, знаменитости и наслаждении. 37. Таким образом, благо есть совокупность и причина всех желанных вещей; ведь никак не будет желанным то, что ни по существу, ни по схожести не заключает в себе блага. 38. И напротив, те вещи, кои по природе не суть благо, если, однако, кажутся таковым, делаются желанными, как будто они в самом деле благо. Отсюда следует, что справедливо считается, что совокупность, основа и причина всех вожделенных вещей есть благодать. 39. Но причина, по которой чего-либо домогаются, представляется особенно желанной, например, если кто ради здоровья хочет ездить верхом, он желает не столько движения, производимого ездой, сколько ее воздействия, а именно здоровья. 40. Итак, если всякой вещи доискиваются ради блага, всем желательна не столько она, сколько само благо. 41. Но то, чего ради желанны все прочие вещи, по нашему утверждению, есть блаженство; таким образом, единственное, чего люди ищут, — блаженство. 42. Из сего явствует, что сущность блага и блаженства одна и та же. — Не вижу, почему бы можно было с этим не согласиться. — 43. Но мы показали, что Бог и истинное блаженство —

одно и то же. — Да. — Итак, можно с уверенностью заключить, что и сущность Бога находится в самом благе, а не в чем-либо ином.

X

- Все сюда вы, о пленники, придите¹²⁸,
 Коих лживая вяжет гнусной цепью
 Похоть, коей в земных умах обитель:
 Здесь вам от трудов отдохнуть возможно,
 5 Пристань здесь, что в тиши почиет ясной¹²⁹,
 Сирым всем открыт здесь приют единый.
 Сколь ни будут пески золотые Тага
 Щедры, Герма брег что ни даст нам рдяный¹³⁰
 Или Инд, рубежам горячим близкий,
 10 Чей мешает ток со смарагдом перлы, —
 Просветлить не сумеют взор: лишь глубже
 Дух слепой в своем погрузится мраке.
 Все, что тешит умы и возбуждает,
 Пестует земля в глубине пещерной;
 15 Блеск, который живет и движет небо,
 Близ руин души не витает темных.
 Кто сумеет сие узреть сиянье,
 Фебовых лучей не похвалит ясность.

XI

1. — Согласен, — говорю я: — ведь все скреплено прочнейшими доводами. — 2. Тогда она говорит: — Дорого ли ты оценишь возможность узнать, что есть само благо? — 3. Бесконечно, — отвечаю, — если бы я обрел также познание Бога, Который есть благо. — 4. Да, я открою тебе это, — говорит она, — в основательнейшем рассуждении, лишь бы оставались прочными заключения, недавно сделанные. — Останутся. — 5. Не показали ли мы, — говорит, — что вещи, возделенные большинству людей, не суть истинные и совершенные блага по той причине, что друг с другом разнятся и, так как одному недостает другого, не могут принести полного и совершенного блага? и что истинное благо тогда

¹²⁸Размер: фалеков (ст. 1–3, 5 и далее все нечетные) и сапфический (ст. 4 и далее все четные) одиннадцатисложники.

¹²⁹Образ, частый в философской литературе, применительно к философии или Боже-ству, см. напр. Cic. Tusc. V.5; Apul. Met. XI.15.1.

¹³⁰Золотоносные реки, Таг в Испании и Герм в Лидии.

возникает, когда они совокупаются как бы в единый вид и действительность, так что самодостаточность совпадает с могуществом, уважением, знаменитостью и удовольствием, а не будь все они одним и тем же, не было бы у них никакого основания считаться среди вещей вожделенных? — 6. Это показано, — говорю, — и сомневаться в том никак нельзя. — 7. Итак, вещи, кои, разнясь между собой, никак не суть блага, а начиная быть единым, делаются благом, не оттого ли делаются благом, что обретают единство? — Кажется, так. — 8. Но все благое является таковым по причастности к благу: согласен ты с этим или нет? — Да. — 9. Итак, на сходном основании тебе следует согласиться и с тем, что единое и благо — одно и то же; ведь тождественна сущность тех вещей, чье действие по природе одинаково. — Не могу отрицать. — 10. Известно ли тебе, — говорит она, — что все сущее дотоле длится и существует, доколе оно едино, но гибнет и разрушается, как только перестает быть единым? — Каким образом? — 11. Например, у живых существ, — отвечает она, — когда душа и тело становятся единым и так пребывают, это называется одушевленным существом, когда же с их разлучением это единство уничтожается, сие существо гибнет и, очевидно, уже не может зваться одушевленным. 12. И само тело, пока пребывает в едином образе благодаря сопряжению членов, являет человеческий облик, но если его части, разделившись и разобщившись, расторгнут единство, тело перестает быть, чем было. 13. Если таким же образом осмотреть прочее, без сомнения, будет ясно, что всякая вещь существует, пока она едина, и гибнет, когда теряет единство. — Если рассматривать разные случаи, — отвечаю я, — кажется, что иначе быть не может.

14. — А есть ли какая-то вещь, — говорит она, — которая, действуя сообразно своей природе, теряла бы желание существовать и влеклась бы к гибели и разрушению? — 15. Если посмотреть на животных, — говорю, — кои обладают природной способностью желать и отвращаться, я не нахожу ни одного, которое в отсутствие внешних понуждений отбросило бы стремление жить и по своей воле поспешило бы к гибели. 16. Ведь всякое животное старается защитить свое благополучие, а смерти и разрушения избегает. 17. Что же до трав и деревьев, до неодушевленных созданий, я совсем не уверен, как о них следует думать. — 18. Однако ты не находишь повода сомневаться насчет этого, когда видишь, что травы и деревья, прежде всего, вырастают на подходящем для них месте, где они, насколько позволяет им природа, не могли бы быстро засохнуть и погибнуть. 19. Одни в полях, другие

на горах всходят, иные рождаются на болоте, иные к камням прилепляются, иными богаты бесплодные пески, а попробуй пересадить их в другое место — засохнут. 20. Но природа дает каждому, что ему подходит, и старается, чтоб они не погибли, пока могут сохранять жизнь. 21. И что сказать о том, что все они, как бы погрузив уста в землю, втягивают пищу корнями и распространяют ее по сердцевине, стволу и коре? 22. О том, что нежнейшая их часть, какова сердцевина, всегда скрывается внутри, меж тем как извне — твердое дерево, а напоследок кора противоположена суровостям погоды, как выносливый защитник от невзгод? 23. А сколь велико усердие природы к тому, чтобы все распространялось благодаря умножению семени! 24. Кто не знает, что это — как бы некий механизм, служащий не только на время, пока длится бытие вещи, но и на непрестанное пребывание, поскольку это касается бытия рода? 25. И те вещи, что почитаются неодушевленными, разве не желают сходным образом каждая своего? 26. Ведь почему легкость устремляет пламень вверх, а вес тянет землю вниз, если не потому, что каждой из сих вещей подобает свое место и движение? 27. Далее, то, что всякой вещи сродно, сохраняет ее, как то, что враждебно, ее разрушает. 28. В самом деле, твердые вещи, каковы камни, скреплены в своих частях с величайшей цепкостью и противятся раскалыванию, 29. в то время как вещи текучие, каковы воздух и вода, легко уступают разделяющим силам, но быстро приливают вновь к тем частям, от коих были отсечены, огонь же от всякого расчленения уклоняется.

30. Мы сейчас рассуждаем не о произвольных движениях сознающей души, но о естественном побуждении, как например, что мы неосознанно перевариваем съеденную пищу, что дышим во сне, не ведая о том. 31. Ведь и у животных любовь к бытию происходит не из желания души, но из природных первоначал. 32. Ибо воля под давлением некоторых причин часто избирает смерть, которой страшится природа, — и наоборот, то единственное, чем держится долговечность смертных вещей, дело продления рода: природа его непрестанно требует, но воля иной раз ограничивает. 33. Итак, эта любовь к себе происходит не из душевного движения, но из природного стремления: ведь провидение дало вещам, им сотворенным, эту, и сильнейшую, причину длить свое существование — природное желание жить, куда могут. 34. Поэтому нет никакого повода сомневаться, что все сущее по природе желает постоянного бытия и избегает гибели. — 35. Признаюсь, — говорю, — теперь я без всякого сомнения вижу то, что прежде казалось неясным. — 36. Но то, — говорит она, — что хочет существовать и длиться, желает быть

единым; ведь устрани единство, и ни у какой вещи бытие не продлится. — Верно. — 37. Итак, все стремится к единству. — Согласен. — Но мы показали, что единое есть то же, что благо. — Так. — 38. Следственно, все стремится к благу, и ты можешь дать ему такое определение: благо есть то, что всем вождено. — 39. Ничего, — говорю, — нельзя вообразить справедливее сего; ведь или всякая вещь ни к какому единству не обращена и, покинутая единым, словно главою, носится без кормчего, или, если существует нечто такое, к чему все поспешают, это будет высшее из всех благ. — 40. И она в ответ: — Я безмерно радуюсь, о мой питомец, ибо ты угодил мыслью в самое средоточие истины. Но тут открылось тебе то, чего немного раньше ты, по твоим словам, не ведал. — Что же? — 41. Какова, — говорит, — цель всех вещей. Ведь она, очевидно, есть то, что всем вождено; и так как мы заключили, что это — благо, надлежит признать, что благо есть цель всех вещей.

XI

Чей ум глубокий истины следов ищет¹³¹,
 Блуждать кто не желает на стезях ложных,
 В себя вперит пусть внутреннего свет зора
 И в круг сведет движения своей мысли,
 5 Душе сказавши: то, что вне себя ищет,
 Глубоким меж богатств ее лежит кладом;
 И то, что заблужденья тмил туман черный,
 Днесь воссияет ярче самого Феба.
 Ведь свет не вовсе выгнан из ума телом,
 10 Забвение несущим со своим грузом,
 Но истины еще почиет в нас семя,
 Что оживает, тронута наук ветром.
 Ведь мог ли к мысли привести вопрос верной,
 Коль погруженной искры нет в глуби сердца?
 15 Коль истину Платонова гласит Муза,
 Ученье ваше — безотчетный труд вспомнить¹³².

XII

1. Тогда я говорю: — С Платоном соглашаюсь без колебаний: ведь уже второй раз ты мне напоминаешь об этом, в первый — потому что

¹³¹Размер: холиямб.

¹³²Отсылка к платоновскому учению о знании как припоминании, воплощенному в диалогах «Менон» и «Федон».

я о том забыл под влиянием тела, второй — потому что подавлен был громадою скорби. — 2. Тогда она: — Если оглянешься на предыдущие допущения, скоро вспомнишь то, в незнании чего недавно признавался. — Что же это? — спрашиваю. — 3. Какими средствами, — говорит она, — управляется мир. — Помню, что я признавался в своем невежестве, но хотя уже предвижу ответ, который ты предложишь, однако желаю для большей ясности услышать о том от тебя.

4. — Немного раньше, — начинает она, — ты считал совершенно несомненным, что этот мир управляется Богом. — И ныне я так думаю, — говорю, — и никогда не усомнюсь, а какие доводы меня к тому привели, изложу вкратце. 5. Мир сей никак не сложился бы из столь различных и противных частей в единый образ, если б не было единого, кто сопрягал бы столь различные части; 6. и обратно, сопряженное разобщалось бы и разрывалось из-за различия природ, не будь того единого, кто удерживал бы все, что связал. Не совершался бы столь твердый порядок природы и не развертывались бы столь стройные движения в различных местах, временах, действиях, пространствах, качествах, не будь единого, кто, сам оставаясь недвижим, распорядил бы эти различия перемен. 8. То — каково бы оно ни было — благодаря чему все сотворенное пребывает и движется, я называю употребительным у всех словом: Бог.

9. Тогда она: — Коль скоро таковы твои мысли, немного, думаю, осталось мне труда, чтобы, блаженству причастен, мог ты цел и невредим вновь узреть отечество¹³³. 10. Но рассмотрим предложенный нами предмет. Не включили ли мы в блаженство самодостаточность¹³⁴ и не согласились ли, что Бог есть само блаженство?¹³⁵ — Так. — 11. Следовательно, в правлении миром ему не надобна будет никакая внешняя помощь; иначе, если б он в чем нуждался, не обладал бы полной самодостаточностью. — Да, — говорю, — это необходимый вывод. — 12. Итак, он распоряжает все сам собою? — Неоспоримо. — 13. Но было показано, что Бог есть само благо¹³⁶. — Помню. — 14. Итак, Бог распоряжает все посредством блага, если направляет все посредством Самого Себя, Которого мы отождествили с благом и Который есть как бы некое кормило, блюдущее мировую громаду прочной и неразрушимой. — 15. Совершенно согласен, — говорю, — и предвидел, что ты скажешь, хотя и неясно

¹³³Ср. выше, I.pr.5.2.

¹³⁴III.pr.2.19.

¹³⁵III.pr.10.17.

¹³⁶III.pr.10.20.

о том догадываясь. — 16. Верю, — отвечает: — ведь теперь уже, я думаю, с большею готовностью возводишь ты очи к узрению истины, но то, что я скажу, не менее очевидно для созерцания. — Что такое? — 17. Если Бог, — говорит она, — как мы основательно полагаем, направляет все кормилом благодати и все, как я показала, спешит к благу в силу природного устремления, можно ли сомневаться, что все сущее управляется в согласии с его волей и добровольно обращается к своему правителю, словно сообразуясь и приноравливаясь к манию того, кто все устроит? — 18. Да, — говорю, — это необходимо; и не казалось бы блаженным правление, будь оно ярмом для противящихся, а не спасением для подчиняющихся. — 19. Итак, нет ничего, что, сохраняя свою природу, силилось бы противиться Богу? — Ничего. — 20. А если б силилось, — говорит, — можно ли в чем преуспеть против Того, Кого мы основательно признали могущественнейшим в блаженстве? — Несомненно, ни в чем нельзя. — 21. Итак, нет ничего, что хотело бы или могло противиться сему высшему благу? — Думаю, нет. — 22. Итак, — молвит она, — высшее благо есть то, что правит всем крепко и устроит сладко. — 23. Тогда я: — Столь отрадны мне не только выведенные тобой заключения из рассуждений, но также, и много больше, сии самые слова, тобой сказанные, что наконец я стыжусь глупости, терзающей великое!

24. — Ты читал в баснях, — говорит она, — о Гигантах, бросающих вызов небу; но и с ними, как подобало, управлялась благодатная сила. 25. Не хочешь ли, однако, чтоб мы противопоставили эти доводы один другому? Возможно, из такого столкновения вылетит прекрасная искра истины. — По твоему усмотрению. — 26. Что Бог всемогущ, — говорит она, — никто не усомнится. — Во всяком случае, тот, кто в своем уме, этого не оспорит. — 27. А для всемогущего нет ничего невозможного. — Ничего. — 28. Тогда может ли Бог сотворить зло? — никоим образом. — 29. Следственно, — говорит она, — зло есть ничто, коли сотворить его не может тот, для кого нет ничего невозможного. — 30. Не шутишь ли ты надо мной, — говорю, — сплетая из своих рассуждений безвыходный лабиринт, в который тоходишь там, где вышла, то выходишь, где вошла, или же свиваешь дивный круг простоты божественной? 31. Ведь немного раньше, начав с блаженства, ты называла его высшим благом, прибавляя, что обретается оно в высшем Боге. 32. Ты также доказывала, что Бог есть высшее благо и полное блаженство, вследствие чего никто не делается блаженным, не делаясь равно и Богом: это ты мне преподнесла в подарок. 33. Кроме того, ты говорила, что самый образ блага составляет сущность Бога и блаженства, и научала, что единое

есть то самое благо, коего по своей природе ищут все вещи. 34. Затем ты утверждала, что Бог кормилом благодати направляет вселенную, что все подчиняется Ему добровольно и что не существует никакой природы зла. 35. И все это ты развивала не в доводах, заимствованных извне, но во внутренних и близких доказательствах, получающих одно от другого свою достоверность. — 36. На это она: — Я вовсе не шучу над тобою, но по даянию Бога, к Которому недавно мы обращали мольбу, свершили мы величайшее дело. 37. Такова ведь форма божественной сущности, что ни наружу не изливается, ни в себя ничего извне не приемлет, но, как говорит о ней Парменид,

*словно сферы объем, со всех сторон округленный*¹³⁷,

она вращает подвижный шар сущего, сама сохраняя неподвижность. 38. А если мы обсуждали вопросы, не извне взятые, но находящиеся внутри обсуждаемого предмета, тут нечему удивиться, если ты усвоил Платоном утвержденную мысль, что речи должны быть сродны вещам, о которых говорится¹³⁸.

XII

Счастлив тот, кто умел узреть¹³⁹

Блага кладезь сияющий¹⁴⁰,

Счастлив тот, кто умел сорвать

Цепь, которой тягчит земля.

5 Над кончиной жены своей
Встарь фракийский стенал певец¹⁴¹,

Прежде песнию скорбною

Заставлявший бежать леса,

Замирать реки быстрые.

10 Шла бок о бок бестрепетно

Лань со львами свирепыми,

Заяц не утрашался зреть

Пса, от песен утихшего.

Но когда тяжким пламенем

15 Глубь зажглася сердечная

¹³⁷См. ФРГФ. 28 В8 43.

¹³⁸Ср. Plat. Tim. 29b.

¹³⁹Размер: гликоной.

¹⁴⁰Ср. выше, III. т. 9. 23.

¹⁴¹Боэций дает аллегорическое толкование мифа об Орфее как пути души, поднимающейся из материального мрака к свету истинной реальности и к высшему благу (см. ст. 52 слл.).

И лады, все смирявшие,
Не могли умирить певца,
Он, жестокость небес кляня,
В преисподний пришел чертог.
20 На струнах сладкозвучных он
Там умильную начал песнь.
Все, что в кладезях матери
Почерпал он божественной¹⁴²,
Что могущая скорбь дала
25 И любовь, что сугубит скорбь,
В плач вложив, взволновав Тенар,
Сладкой просит мольбою он
Милосердья царя теней.
Застывает трехглавый страж,
30 Песнью чудной захваченный,
И злодеев страшившие
Преступлений отместницы¹⁴³,
Опечалась, струят слезу;
Иксионову голову
35 Не вращает колесный бег;
Томен жаждою вечною,
Забывает волну Тантал;
Коршун, песнью насытившись,
Уж не рвет печень Тития.
40 Наконец судия теней,
Сжалась, молвит: «Побеждены!
Отдаем ему в спутницы
Деву, песнию купленну,
Но условьем сей связан дар:
45 Не покинувши Тартара,
Взор не смей обратить назад».
Кто влюбленным законы даст?
Нет, любовь — для себя закон.
Близ границ темноты, увы!
50 Евридику свою Орфей
Увидал, потерял, погиб.
Вас касается баснь сия,
Вас, которы на вышний свет
Ум пытаетесь вывести:

¹⁴²Мать Орфея — Муза Каллиопа.

¹⁴³Т. е. Фурии.

- 55 Кто в расселину Таргара,
Побежденный, направит взор,
Все добро, что влечет с собой,
Потеряет, увидев ад.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I

1. Когда Философия пропела это нежно и сладостно, храня важность в обличии и выражении, я, еще не вполне забывший проникшую в меня скорбь, прервал ее сосредоточенность, тогда как она готова была молвить еще: — 2. О предтеча истинного света! все, донныне излитое твоей речью, представляется мне, будучи прилежно рассматриваемо, божественным, а по силе твоих доводов — неодолимым; и сказанное тобою, хотя из-за скорби от претерпленных обид недавно было у меня в забвении, однако не вовсе было мне доселе неведомо. 3. Но в том состоит важнейшая моего уныния причина, что, несмотря на существование благого правителя вещей, зло может быть вообще и даже избегать наказания; ты, конечно, видишь, сколь одно это удивления достойно. 4. Но к сему прибавляется кое-что хуже: когда цветет и владычит порочность, доблесть не только наград не обретает, но даже лежит, попираема ногами злодеев, и терпит кару, подобающую преступлению. 5. Что совершается это в царстве знающего все, могущего все, но лишь блага желающего Бога, никто ни надивиться тому, ни пожаловаться на то довольно не может. — 6. На это она: — Было бы бесконечного изумления достойно и ужасней всех чудовищ, если бы, как ты полагаешь, в доме, отменно устроенном¹⁴⁴, у столь великого, так сказать, отца семейства дешевая утварь была бы в чести, а драгоценная — в небрежении. 7. Но это не так: ведь если наши прежние заключения остаются незыблемыми, благодаря Тому, о Чьем царстве мы теперь говорим, ты познаешь, что добрые всегда могучи, дурные же всегда отвержены и бессильны, и пороки не остаются без наказания, а добродетели — без награды; добрым всегда достается счастье, а дурным — несчастье, и еще многое в этом роде, что, усypив твои сетования, даст тебе крепость и стойкость. 8. И так как ты уже узрел образ истинного блаженства, показанный мною недавно, и узнал также, где оно обретается, то, пробежав по всему, что я считаю

¹⁴⁴Образ, восходящий к Платону, Plat. Gorg. 504a; ср. Cic. Nat. d. п.15.

необходимым предпослать, я покажу тебе дорогу, которая вернет тебя домой. 9. Кроме того, я придам крылья твоему разуму, дабы он мог подняться ввысь, так чтоб ты, изгнав смятение, невредим вернулся в отчизну под моим водительством, моею стезею и в моей колеснице.

I

Крылья есть у меня быстролетные¹⁴⁵,
 Что взыдут в высь небесную;
 Ими облекшись, ум стремительный
 На землю зрит с презрением;
 5 Воздуха шар миновав безбрежного,
 Он тучи видит позади
 И над вершиной огня, раскаленную
 Эфиром скорым¹⁴⁶, всходит он,
 В дома пока не войдет звездоносные
 10 И с Фебом не разделит путь,
 Иль вслед старцу пойдет морозному¹⁴⁷
 Звезды блескучей ратником¹⁴⁸,
 Иль, где б ни красилась ночь сиянием,
 Начертит за светилом круг.
 15 Только ж насытится сим путешествием,
 То, край небес покинувши,
 Всходит эфира поверх быстротечного¹⁴⁹,
 Причастен свету чтимому.
 Здесь скиптродержец, властью владычащий,
 20 Бразды прияв вселенная,
 Правит, незыблем, стезю колесничную,
 Над миром лучезарный царь.
 Коли вернешься сюда дорогою,
 Котору ищешь, позабыв:
 25 «Помню, — речешь, — здесь мое отечество;
 Отсюда я; здесь кончу путь».
 Если ж тебе увидеть захочется
 Покинутую ночь земли,

¹⁴⁵Размер: акаталектический дактилический тетраметр и ямбический диметр.

¹⁴⁶Эфир, по аристотелевскому представлению, есть чистейший огонь, находящийся в самой высокой точке мира; душа поднимается даже выше эфира.

¹⁴⁷Сатурн, названный «холодным» (gelidus), поскольку его звезда движется в наиболее высокой и удаленной от солнца области неба. Ср. Verg. Georg. 1.336.

¹⁴⁸Марс.

¹⁴⁹Ср. Plat. Phdr. 247b.

Узришь страшщих народ жестокостью
30 Тиранов ты в изгнании.

II

1. Тогда я: — Вот как! — говорю, — какие великие вещи обещаешь! И я не сомневаюсь, что сможешь это исполнить, только не заставляй меня ждать, к таким вещам призвавши. — 2. Итак, — молвит она, — прежде всего надобно тебе знать, что с добрыми всегда могущество, дурные же всех сил лишены; из сих двух положений одно доказывается посредством другого. 3. Ведь так как благо и зло противоположны, то если благо, как мы установили, могущественно, очевидно, что зло бессильно, если же ясна хрупкость зла, очевидна прочность блага. 4. Но чтобы наше суждение было достоверней, я пойду двумя тропами, подтверждая свои положения то с одной, то с другой стороны.

5. Есть две вещи, от которых зависит вся действенность людских деяний, а именно, воля и могущество; если одной из них не обретается, ничего совершить нельзя. 6. Ведь если отсутствует воля, человек даже не приступает к тому, чего не желает исполнить; если же могущества нет, воля тщетна. 7. Посему, если видишь человека, желающего достичь того, чего ему достичь никак не удастся, можешь не сомневаться, что он лишен силы добиться желаемого. — Это ясно, — говорю, — и со всех сторон неоспоримо. — 8. Если же видишь человека, который достиг желаемого, усомнишься ли в его могуществе? — Никоим образом. — 9. Но всякий в том, что в состоянии сделать, должен считаться сильным, а в том, чего не может, бессильным. — Признаю. — 10. Помнишь ли, — говорит, — что из предыдущих рассуждений выведено, что всякое намерение воли человеческой, хотя и движимое различными побуждениями, имеет целью блаженство? — Помню, что это тоже было доказано. — 11. Припоминаешь ли, что блаженство есть само благо и таким образом, когда ищут блаженства, все желают блага? — Не припоминаю, а крепко держу это в памяти. — 12. Итак, все люди, добрые и дурные равно, в едином для всех устремлении стараются достичь блага? — Да, вывод таков. — 13. Но несомненно, что добрыми делаются через достижение блага? — Несомненно. — Итак, добрые достигают желаемого? — Похоже, что так. — 14. Дурные же, если бы достигали желаемого, то есть блага, дурными бы быть не могли. — Да. — 15. Итак, коль скоро и те и другие ищут блага, но одни его достигают, а другие ничуть, можно ли сомневаться, что добрые могучи, а дурные бессильны? — 16. Кто

в этом сомневается, — отвечаю, — не в состоянии разуметь ни природу вещей, ни последовательность рассуждений.

17. — Далее, — говорит она, — если есть два человека, коим предложено одно и то же и сообразное природе, и из них один делал бы это средствами, согласными природе, и исполнил, а другой, не в состоянии справиться с этой природной задачей, воспользовался способом, отличным от того, что подобает природе, и не исполнил предложенного дела, но подражал исполнившему, кого из них ты сочтешь сильнее? — 18. Хоть я и догадываюсь, к чему ты ведешь, но хочу услышать это с большей ясностью. — 19. Будешь ли отрицать, — говорит, — что ходьба сообразна человеческой природе? — Никоим образом. — 20. Не сомневался ли в том, что это природная работа ног? — Нимало. — 21. Итак, если кто-нибудь, могущий ступать ногами, ходит, а другой, у которого ноги эту природную работу совершать не способны, силится ходить, опираясь на руки, кто из них может по праву считаться сильнее? — 22. Сплетай доводы дальше: никто не усомнится, что человек, способный исполнить природную работу, сильнее того, кто этого не может. — 23. Но высшего блага, которое равно предложено дурным и добрым, добрые ищут посредством природной работы, то есть добродетелей, а дурные силятся получить разными вожделениями, в чем нет природной работы, служащей достижению блага; или ты мыслишь иначе? — 24. Нимало; ведь ясно и то, что отсюда следует. Из того, с чем я уже согласился, необходимо вытекает, что добрые могучи, а дурные бессильны. — 25. Хорошо, — говорит, — ты меня обгоняешь; это признак, как обычно надеются врачи, природы уже воспрянувшей и противящейся недугу. 26. Но так как я вижу, что ты весьма скор на разумение, то насыплю груды доводов; посмотри, сколь велика слабость порочных людей, которые не могут достичь того, к чему их ведет и почти нудит природная склонность. 27. А что бы случилось, если б они лишились столь великой и почти неодолимой помощи от путеводной природы? 28. Подумай, какое бессилие владеет злонравными людьми. Они ведь ищут не маловажных и смехотворных наград¹⁵⁰, коих достигнуть и получить не могут, но изнывают там, где обретается вершина и итог всего сущего, и не находят, злосчастные, успеха в том, над чем одним денно и ночью трудятся, в то время как силы добрых людей в сем отменно видны. 29. Ведь как того, кто, ступая ногами, смог бы достичь до места, за которым уже нет удобопроходимых путей, ты счел бы сильнее

¹⁵⁰Ср. Verg. Aen. XII.764.

в ходьбе, так того, кто достигает предела всех вожделенных вещей, за которым ничего нет, ты по необходимости сочтешь могущественнейшим. 30. Отсюда следует противоположное, а именно, что люди злонравные, как представляется, лишены всякой силы. 31. Ведь отчего они, добродетель оставив, предаются порокам? От неведения блага? Но что бессильней слепоты невежества? Или они знают, чего должно искать, но страсти сбивают их с прямой дороги? Но и в таком случае они бессильны — от неводержности, если не могут пороку противиться. 32. Или же они сознательно и добровольно покидают благо и уклоняются к порокам? но в сем случае они не только быть могучими, но вовсе быть перестают; ведь те, кто оставляет общую всему существу цель, одновременно перестают и существовать.

33. Иному может показаться удивительным, что дурных людей, коих в свете большинство, мы называем несуществующими; дело обстоит именно так. 34. Я ведь не отрицаю, что дурные люди дурны, но не допускаю, что они существуют в чистом и простом смысле. 35. Как труп назовешь ты мертвым человеком, но назвать просто человеком не можешь, так я допущу, что порочные люди суть дурные, но что они существуют в безотносительном смысле, признать не могу. 36. Ибо существует то, что держится порядка и природе следует, а что от нее отлагается, теряет и бытие, которое укоренено в его природе. 37. Но ты скажешь, дурные кое-что могут; не стану отрицать, но это их могущество не от сил происходит, а от бессилия. 38. Они способны к злу, в котором не преуспели бы, если б могли утвердиться в действительности блага. 39. Эта их возможность яснее всего показывает, что они ничего не могут; ибо, если, как мы немного раньше заключили, зло есть ничто, очевидно, порочные ни на что не способны, коли способны лишь на зло. — Это ясно. — 40. И чтобы ты понимал, какова действительность этого могущества, смотри: ничего нет могущественней высшего блага, как мы определили немного раньше¹⁵¹. — Да, так. — Но оно не может творить зла. — Нимало. — 41. Есть ли кто-нибудь, кто считает людей всемогущими? — Нет, если он не безумен. — Однако те же люди могут творить зло. — О если бы не могли! — 42. Итак, коль скоро тот, кто могуществен только в благих делах, может все, в то время как тот, кто могуществен также и во зле, не способен творить все, очевидно, что те, кто может зло, могут меньше. 43. Кроме того, мы показали, что всякое

¹⁵¹III. *пр.* 12.21.

могущество следует относить к числу желанных вещей, а все желанное относится к благу, как к некоей вершине своей природы¹⁵². 44. Но возможность совершить преступление не может относиться к благу; следственно, ее желать не должно. Однако всякое могущество желанно: отсюда явствует, что способность к злу не есть могущество. 45. Из всего этого несомненно явствует могущество добрых и немощь злонравных, и ясна истина Платонова суждения¹⁵³, что одни мудрые могут делать то, чего желают, порочные же могут усердствовать в том, что им по нраву, но не могут достичь желаемого. 46. Ведь они делают, что угодно, рассчитывая посредством того, чем наслаждаются, достичь блага, которого вожделеют, ни не достигают его нисколько, ибо стыдные дела не ведут к блаженству.

II

- Те владыки, коих видишь в высоте на престоле¹⁵⁴,
 В багреце лучистом, стражей огражденных угрюмой,
 Грозных взором мрачным, в сердце с бушеваньем давящим, —
 Если с сих совлечь надменных славы тщетной покровы,
 5 Узришь цепи властелинов, что внутри их стеснили:
 Здесь сердца тревожит похоть ненасытной отравой,
 Там бичует ярость душу, мутны волны вздымая,
 Скорбь снедает или мучит вероломна надежда.
 Над одним коль мужем столько собралось тиранов,
 10 Злых владык терпя, своих он не исполнит желаний.

III

1. Итак, видишь ли, в какой грязи вращаются стыдные дела, каким сияет светом честность? Из сего ясно, что никогда не обходят добрых награды, никогда злодеяний — кары. 2. Ведь, как можно справедливо заметить, во всех совершающихся делах то, ради чего всякое дело делается, есть его награда, как, например, наградой за бег на ристалище лежит венец, ради которого и трудятся бегуны. 3. Но мы показали, что блаженство тождественно благу, ради которого все дела совершаются; таким образом, само благо предложено как общая награда всем человеческим деяниям. 4. Притом благо сие неотделимо от добрых людей: ведь несправедливо будет называть добрым того, кто лишен блага; по

¹⁵²III. *pr.* 10. 31.

¹⁵³Plat. *Gorg.* 466de.

¹⁵⁴Размер: акаталектический трохаический диметр и ионический диметр.

этой причине добрые нравы не остаются без своей награды. 5. Сколько бы ни свирепствовали дурные, у мудрого с головы венец не спадет, не увянет¹⁵⁵; ведь у непорочных душ не отъемлет присущей им славы чужая порочность. 6. Если бы он увеселялся славой, извне взятой, мог бы ее отнять или другой кто, или сам ее давший; но поскольку каждому это достояние приносится его честностью, он тогда лишится своей награды, когда перестанет быть честным. 7. Наконец, если всякой награды потому домогаются, что почитают ее благом, кто сочтет лишенным награды человека, причастного благу? 8. И какой награды? Прекраснейшей и величайшей из всех: вспомни тот королларий, который я недавно сообщила тебе как основной, и сделай такое заключение: 9. если само благо есть блаженство, очевидно, что все добрые люди в силу того, что добры, делаются блаженными. 10. Но мы согласились, что те, кто блажен, суть боги. Итак, вот награда добрых людей, которой никакое время не истребит, ничья власть не умалит, ничье не очернит злонравие, — сделаться богами. 11. Если это так, мудрец не может сомневаться и относительно неизбежной кары дурным: ведь если добро и зло, равно как кара и награда, противны меж собой, награде, достающейся, как мы видим, доброму, по необходимости соответствует с противоположной стороны кара дурного. 12. Таким образом, как честным сама честность делается наградой, так порочным карою само злонравие. Ведь всякий, кого поражает кара, не сомневается, что он поражен злом. 13. Итак, если б они хотели судить о самих себе, могли бы они думать, что свободны от кары, если худшее из зол, злонравие, их не только поражает, но прямо заражает?

14. Посмотри теперь с противоположной от добрых стороны, какая кара сопровождает порочных: ты ведь немного раньше научился тому¹⁵⁶, что все сущее едино и что само единство есть благо; из сего следует, что все сущее также есть благо. 15. Таким образом, все, что отпадает от блага, перестает существовать. Посему дурные перестают быть тем, чем были прежде (что они были людьми, показывает еще сохранившийся облик человеческого тела), вследствие чего, вдавшись в злонравие, теряют и человеческую природу. 16. Но коль скоро лишь добронравие может поднять кого-нибудь выше людского предела, необходимо следует, что злонравие по заслугам погружает ниже людской меры тех, кого

¹⁵⁵Победный венец; ср. Cic. Resp. vi.8.8.

¹⁵⁶ш.10.40; 12.33.

извергает из человеческого состояния, так что, видя кого-нибудь искаженного пороками, не можешь почитать его человеком¹⁵⁷. 17. Горит от жадности жестокий хищник чужого богатства? Скажешь, что с волком он схож. Наглый и беспокойный упражняет язык в спорах? С собакой сравнишь. 18. Тайно строящий козни рад коварной краже? Презренным лисам уподобится. 19. Гремит, безудержный, в гневе? Подумать можно, в нем львиная душа. 20. Пугливый и бежать готовый, боится того, в чем нет страха? Сочтут на оленя похожим. Коснеет в лености и глупости? Живет, как осел. 21. Легкий и непостоянный, намерения свои перемениает? Ничем от птиц не отличается. В нечистых и гнусных похотях погружен? Пленен наслаждением, свойственным грязной свинье. 22. Так тот, кто, добронравием покинут, перестает быть человеком, поскольку неспособен перейти в божественное состояние, обращается в зверя.

III

Ратоводца неритского¹⁵⁸
 Паруса и скитальный струг
 Эвром к острову пригнаны,
 Где богиня насельница,
 5 Солнца дочь прекрасная,
 Замешав, подает гостям
 Кубок, чарами тронутый.
 Образ их прменяется
 Дланью, в злаках искусною¹⁵⁹:
 10 Тот в обличье кабаньем скрыт,
 Когтем тот и кльком силен,
 Мармарикским явившись львом;
 Тот, волкам сопричисленный,
 Воеет, плакать собравшись;
 15 Тот тигрицей индийскою
 Кротко бродит вокруг палат.
 И хотя пожалел вождя,
 Стольким злом обступленного,
 Окрыленный аркадский бог¹⁶⁰,

¹⁵⁷Ср. платоновское учение о мегемпсихозе, Plat. Phd. 81e.

¹⁵⁸Размер: гликоной. *Ратоводец неритский*, т. е. итакийский (от горы Нерит на Итаке), — Одиссей. Боэций иллюстрирует свою мысль о превращении человека в зверя мифом о волшебнице Кирке (Hom. Od. x.133 сл.).

¹⁵⁹Ср. Verg. Aen. VII.19 сл.

¹⁶⁰Гермес, родившийся в Аркадии, на горе Киллене.

- 20 От чумы оградивши сей,
Но уста уж гребцов его
К чаше злой приложилися;
Уж свинья от Цереры яств
Обращается к желуду;
- 25 Ничего в них былого нет,
Потерялись и речь, и вид.
Цел лишь разум, чтоб сетовать
Над чудовищной участью.
Сколь бессильна рука сия,
- 30 Сколь и злаки бездейственны,
Если тело подвластно им,
Но сердца превратить невмочь!
Вся внутри человека мощь,
В тайной крепости скрытая.
- 35 Той отравой могучею
Сам себя человек лишен,
Что, ужасная, льется вглубь
И, для тела безвредная,
Уязвляет свирепо ум.

IV

1. Тут я: — Признаю и вижу, что не без оснований говорится, что порочные, даже если сохраняют вид человеческого тела, за всем тем по качествам души превращаются в зверей; но хотел бы, чтоб не было позволено их жестокому и преступному уму свирепствовать на погибель добрым людям. — 2. Им и не позволено, — говорит она, — как будет показано в подходящем месте, однако если отнять у них то, что, по-твоему, им позволяется, наказание преступных людей весьма умалится. 3. Ибо — что, возможно, покажется иному невероятным — дурные люди неизбежно делаются несчастней, когда исполняются их желания, чем если они не могут достичь желаемого. 4. Ведь если несчастье — желать дурного, еще несчастней — способность его совершить, без которой действие злосчастной воли было бы тщетным. 5. Итак, коль скоро всякому дурному выпадает свое несчастье, необходимо следует, что тройное злосчастье отягощает тех, кои, как ты видишь, желают, могут и совершают зло. — 6. Согласен, — говорю, — но всячески желаю, чтоб они скорей избавились от этого злосчастья, лишившись возможности совершать преступления. — 7. Избавятся, — отвечает, — быстрее, возможно, чем ты хочешь

или чем сами они думают от него избавиться; ведь в столь тесных пределах жизни нет ничего столь запоздалого, ожидание чего дух, особливо бессмертный, счел бы долгим. 8. Великие их упования и высокая машина злодеяний часто сокрушается внезапным и неожиданным концом, и это ставит предел их несчастью: ведь если порочность делает людей несчастными, необходимо следует, что человек тем несчастней, чем дольше порочен. 9. Я сочла бы их злополучнейшими, если бы злости их не прекращала, напоследок приходя, смерть: ведь если мы сделали справедливое заключение относительно злополучья порочности, очевидно, что злосчастье бесконечно, если оно вечно. 10. — На это я говорю: — Удивительный, право же, вывод, и трудно с ним согласиться, но я вижу, что он в полном согласии с тем, что мы признали раньше. — 11. Верно ты мыслишь, — говорит она, — а кто считает трудным согласиться с этим заключением, тому надобно доказать, что в предыдущих рассуждениях заключалась ложь, или выявить, что последовательность положений не обеспечивает необходимого заключения; иначе, коли согласиться с предшествующим, нет оснований оспаривать вывод. 12. Ведь то, что я намерена еще сказать, покажется не менее удивительным, но оно необходимо следует из допущенного. — 13. Что же это? — Счастливей, — отвечает, — порочные, если несут наказание, чем если никакою не постигает их карою правосудие. 14. И я не собираюсь отстаивать, как кому-нибудь может прийти на ум, что дурные нравы исправляет возмездие и выводит на прямую стезю страх наказания и что другим дается пример, как надобно избегать всего предосудительного: нет, я думаю, что ненаказанные злодеи несчастней в ином смысле, безотносительно к их исправлению и наставлению других. — 15. И каков же будет, — говорю, — этот иной смысл? — Мы ведь согласились, — молвит она, — что добрые счастливы, а дурные несчастны? — Да. — 16. Следственно, если к чьему-нибудь злополучию приложится некое благо, не будет ли он счастливей того, чье злополучие — чистое и простое, без всякой примеси блага? — Кажется, так. — 17. А если тому несчастному, что всякого блага лишен, прибавится еще какое-то зло, кроме тех, из-за которых он несчастен, разве не следует считать его много злополучней того, чье злополучие облегчается причастностью некоему благу? — Как же нет? — 18. Но очевидно, что наказывать злодеев справедливо, а чтобы они уходили безнаказанными — несправедливо. — Кто бы это отрицал? — 19. И никто не будет отрицать, что все справедливое — благо и, напротив, все несправедливое — зло. — 20. Это ясно, — отвечаю. — Следственно,

у порочных, по крайней мере когда они наказываются, есть некое приданное им благо, а именно само наказание, которое есть благо в силу справедливости, — если же избегают кары, присуще им зло большее, именно сама ненаказуемость, которая, как ты признал, есть зло в силу ее порочности. — 21. Не могу отрицать. — Итак, много несчастней порочные, пользующиеся несправедливой ненаказуемостью, чем наказанные справедливым возмездием. — 22. Тогда я: — Это, определенно, следует из выводов, сделанных раньше; но скажи, прошу, разве ты не оставляешь никаких наказаний душам по смерти тела? — 23. Оставляю, и великие, — отвечает она: — одни из них, полагаю, совершаются с карательной суровостью, другие же — с очистительным милосердием; но обсуждать это сейчас я не намерена.

24. Для того разбирали мы это, дабы ты уразумел, что могущество дурных, казавшееся тебе весьма недостойным, в действительности есть ничто; дабы увидел, что те, на чью безнаказанность ты сетовал, никогда не бывают избавлены от кар, причиняемых их порочностью; дабы узнал, что их своеволие, коему молил ты быстрее прекращения, и не длится долго, и тем злополучнее будет, чем длительнее, и всего было бы злополучнее, будь оно вечным; а после этого — дабы постиг, что порочные несчастнее, когда мирволит им несправедливая ненаказуемость, чем когда карает справедливое воздаяние. 25. Из сего утверждения следует, что тогда именно угнетены они карами тяжелейшими, когда кажется, что они безнаказанны.

26. Тогда я говорю: — Рассматривая твои доводы, я думаю, что ничего справедливее не скажешь; но если обращаюсь к людским мнениям — есть ли кто-нибудь, кому все это покажется заслуживающим не то что веры, но хотя бы внимания? — 27. Да, это так, — отвечает она, — ибо люди не могут возвести глаза, привычные к темноте, на свет явной истины и подобятся птицам, чьи взоры ночь просвещает, день ослепляет; ведь они не на порядок вещей взирают, но на свои страсти, своеволие или безнаказанность в преступлениях почитая счастьем.

28. Посмотри же, что предписывает вечный закон. Если душу твою сообразуешь с лучшими вещами, нет тебе нужды в судии, награду определяющем: ты сам себя приобщил к наилучшему. 29. Если устремления твои склонишь к худшему, не ищи вне себя мстителя: ты сам себя вытолкнул в худшее, как, если смотришь поочередно на грязную землю и на небо, в то время как все прочие внешние вещи не вмешиваются, силою взора то среди нечистот, то средь звезд водворяешься. 30. Но толпа на то не смотрит. Так что же, разве должны мы соглашаться с теми, кто,

как мы показали, зверям подобен? 31. А если бы иной, полностью потеряв зрение, даже забыл, что некогда обладал им, и думал, что не лишен ничего для человеческого совершенства, неужели мы, зрячие, думали бы так же, как этот слепой? 32. Ведь люди не согласятся и с тем, что зиждется на столь же прочном основании доводов, — что совершающие несправедливость несчастней тех, кто ее претерпевает. — 33. Я хотел бы, — говорю, — слышать эти доводы. — Ты же не отрицаешь, что порочный достоин наказания? — Никоим образом. — 34. А что порочные несчастны, явствует из многих соображений. — Конечно. — Итак, ты не сомневаешься, что достойные наказания несчастны. — Согласен с этим. — 35. Итак, если б ты заседал в качестве судьи, на кого бы ты счел нужным возложить наказание — на совершившего или на претерпевшего несправедливость? — Не сомневаюсь, что пострадавшего удовольствовал бы я мучением преступника. — 36. Значит, несчастнее казался бы тебе обидевший, нежели обидимый. — Следовательно, так. — 37. Из этого и других соображений, зиждущихся на том основании, что порочность по своей природе делает людей несчастными, явствует, что причиненная кому-нибудь обида делает несчастным не пострадавшего, но причинившего. 38. Но ныне ораторы поступают наоборот: они силятся возбудить в судьях сострадание к тем, кто тяжело и горько обижен, в то время как справедливей было бы сострадать нанесшим обиду. Их не разгневанные обвинители, но скорее благосклонные и сострадательные должны бы приводить в судилище, как к врачу, дабы недуг вины устранить наказанием. 39. При этих условиях занятия защитников вовсе бы замерли, или, если те предпочитают помогать людям, обратились бы к занятиям обвинителя. 40. И сами порочные, будь им позволено в какую-то щелку увидеть добродетель, ими оставленную, поняли бы, что могут избавиться от нечистот порока благодаря мукам наказания, не почитали бы их вовсе за муки, поскольку те вознаграждаются достигаемой благодаря им честностью, отвергли бы хлопоты своих защитников и всецело бы предали себя обвинителям и судьям. 41. Отсюда то, что у мудрых не остается места для ненависти: ведь кто, исключая самого бессмысленного, будет ненавидеть добрых? — а с другой стороны, ненавидеть дурных нет оснований. 42. Ведь если, подобно немощи тел, порочность есть как бы некая болезнь душ, коль скоро больных телом мы считаем заслуживающими не ненависти, но сострадания, тем более не преследовать, но жалеть должно тех, чьи души свирепей любого недуга мучит злонравие.

IV

Возбуждать для чего мятеж великий¹⁶¹

И рукою судьбу собственною торопить?

Смерти ищешь? — она по доброй воле

Близится, скорых своих не замедляя коней.

5 Те, кому змий, медведь, и львы, и вепри

Зубом грозят, клинком сами друг другу грозят.

Оттого ли, что нравы их несходны,

Движут неправую рать, лютые войны ведут,

От взаимных горят погибнуть дровов?

10 Повода праведного здесь для свирепости нет.

По заслугам воздать ты всем желаешь?

Добрых, как должно, люби, жалость дурным оказуй.

V

1. Тогда я говорю: — Вижу, каковы счастье и злосчастье, заключенные в самих заслугах людей честных и бесчестных. 2. Но в этой самой общенародной фортуны, на мой взгляд, все же есть кое-какое добро или зло; ведь ни один мудрец не изберет скорее быть изгнанником, нищим, бесславным, чем обиловать богатствами, внушать уважение санями, быть сильным властью, процветать, пребывая в своем городе. 3. Ведь задача мудрости исполняется яснее и нагляднее, когда на подвластные народы, так сказать, изливается блаженство правящих, особенно когда темница, казнь и прочие муки наказаний, законом налагаемых, причитаются пагубным гражданам, для коих они и учреждены. 4. Но если происходит обратное и кары, должные злодеянию, теснят добрых, а награду, подобающую добродетели, похищают дурные, я безмерно удивляюсь и желаю узнать от тебя, какова причина столь несправедливого смешения. 5. Я дивился бы меньше, если бы думал, что все вещи перемешивает случай; но изумление мое увеличивает Бог, мира правитель. 6. Если Он часто наделяет радостью добрых и тягостью дурных, и наоборот — добрым дает невзгоды, а дурным — желаемое, если этому не находится причины, в чем здесь можно увидеть отличие от случайности? — 7. Неудивительно, — говорит она, — если вещь, устройство которой неизвестно, кажется случайной и беспорядочной; но

¹⁶¹Размер: фалеков стих и дактилический пентаметр.

ты, хоть и не ведаешь причину столь великого распорядка, не сомневайся, что все совершается справедливо, коль скоро благой правитель устроит вселенную.

V

Коль не знаешь, что светоч Арктура¹⁶²
 Течет вблизи от полюса неба,
 Как Возком Ботт медленный правит
 И поздний пламень топит в пучине,
 5 Хоть восход его столь быстролетен,
 Небес уставам ты поразишься.
 Полной коль луны рог побледнеет,
 Затмься чергою ночи тенистой,
 Звезды явит коль мглистая Феба,
 10 Которы прятал блеск ее лика:
 Общее страшит всех заблужденье,
 Ударом частым медь изнуряют¹⁶³.
 Но не дивно, что Кора дыханье
 Разит гремучим берег буруном,
 15 Или что снегов стьлую толщу
 Кипучий Фебов зной растопляет.
 Ведь причины здесь видеть нетрудно,
 А там неясность сердце смущает:
 Все, что редко нам время приносит,
 20 Толщу внезапным видом волнует.
 Расточится пусть мгла заблужденья,
 И все престанет дивным казаться!

VI

1. — Это так, — говорю, — но поскольку твоя задача — открывать причины потаенных вещей и объяснять смыслы, покровенные мраком, я прошу, растолкуй, какие заключения ты из этого выводешь, ибо эти странности приводят меня в великое замешательство. — 2. На это она с легкой улыбкой: — Призываешь меня, — говорит, — к предмету, из всех труднейшему для исследования, который едва ли возможно исчерпывающе объяснить. 3. Он ведь такого свойства, что отсеки одно

¹⁶²Размер: первая половина стиха, до цезуры после 5 слога, — трохей в нечетных стихах и ямб в четных, вторая половина — адоний.

¹⁶³По поверью, воплями и звоном меди можно было одолеть ту силу, которая не пускает луцу на небо. Ср. Iuv. Sat. VI.442 сл.; Tac. Ann. 1.28; Plut. Aem. 17; Claud. Poll. 234.

сомнение, и вырастают, как головы гидры, другие несметные, и не будет этому предела, разве что смирить их живейшим огнем разума. 4. Здесь ведь обычно трактуют о простоте провидения, о сцепленье судьбы, о внезапных случаях, о божественном знании и предопределении, о свободе воли: суди сам, сколь весомые это вопросы. 5. Но так как знание этих вещей — в некотором смысле часть твоего лечения, мы, хоть и стеснены ограниченным временем, постараемся все же кое-что обдумать. 6. Но если утехи мусического стихотворенья тебя услаждают, надлежит тебе отложить ненадолго эту отраду, пока я сопрягаю цепь доводов. — Как тебе угодно, — говорю.

7. Тогда, словно с другого начала зайдя, так она рассуждает: — Происхождение всех вещей, всякое продвижение переменчивых природ и все, что движется каким-либо образом, наделяется причинами, порядком, формами от неизменного божественного ума. 8. Он, утвердившийся в цитадели своей простоты, установил многообразные способы, какими все совершается. Эти способы, будучи созерцаемы в самой чистоте божественного разума, именуются провидением; в отношении же к тем вещам, которые этот ум движет и распоряжает, они нарицаются у древних судьбой¹⁶⁴. 9. Что эти две вещи различны, легко заметить, размыслив над сущностью обеих: ведь провидение есть сам божественный разум, утвержденный в высшем владыке всего, распоряжающийся всеми вещами, в то время как судьба есть распорядок, неотъемлемый от подвижных вещей, посредством которого провидение связует все вещи в их устроении. 10. Ведь провидение охватывает равным образом все сущее, хотя и различное, хотя и бесконечное, судьба же приводит в движение каждую из вещей, распределенных по месту, форме и времени, так что развертывание временного порядка, объединенное в предвидении божественного ума, есть провидение, а та же объединенность, будучи распределена и развернута во времени, называется судьбой.

11. Хоть они и различны, однако одно зависит от другого, ибо порядок судьбы происходит из простоты провидения. 12. Ведь как художник начертывает в уме образ вещи, которую намерен сделать, и затем приступает к работе, проводя через последовательность времени то, что было предусмотрено простым и непосредственным образом, так Бог в Своем провидении располагает, одну за другой и неизменяемо, вещи,

¹⁶⁴Различение провидения и судьбы, выдвинутое неоплатонизмом, см. Plot. Enn. III.3.5; Calc. In Tim. 204, 208, 226.

кои намерен создать, посредством же судьбы многообразно и во времени управляет всем, что расположил. 13. Итак, осуществляется ли судьба при помощи неких божественных духов, служащих провидению, или с помощью души¹⁶⁵, или службою всей природы, или небесными звезд движеньями, или ангельской силой, или демонов разнообразным хитроумием, или чем-нибудь из этих вещей, или всеми вместе ткется сцепление судьбы — одно несомненно ясно: провидение есть простой и неподвижный образ вещей, должных совершиться, судьба же есть подвижная связь и временной порядок того, что божественная простота расположила совершить. 14. Вследствие этого все, что покорено судьбе, подчинено также и провидению, которому и сама судьба подчинена, однако некоторые вещи, поставленные под провидением, выше сцепления судьбы; это те, которые, будучи близки первому Божеству, недвижно утвержденные, избегают порядка подвижности, принадлежащего судьбе. 15. Ведь как из кругов, вращающихся вокруг одной оси, тот, что внутри, приближается к простоте середины и служит для прочих, расположенных снаружи, как бы некоей осью, вокруг которой они обращаются, в то время как внешний круг, вращающийся по наибольшему обходу, чем больше отстоит от неделимости средней точки, в тем более широком пространстве проворачивается, если же что-то соединено и сопряжено с этим средоточием, оно делается простым и перестает распространяться и растекаться: сходным образом то, что дальше отстоит от первого ума, больше спутано узами судьбы, и тем от судьбы свободней, чем ближе к оси всего сущего. 16. А если такая вещь соединится с незыблемостью высшего ума, то, лишенная движения, окажется выше и необходимости судьбы. 17. Таким образом, как рассуждение относится к разуму, как то, что возникает, — к тому, что есть, как время — к вечности, как круг — к средоточию, так подвижное сцепление судьбы относится к незыблемой простоте провидения. 18. Это сцепление движет небо и звезды, уравнивает стихии и преобразует их во взаимном изменении, все рождающееся и гибнущее оно возобновляет ростом плодов и семян, сходных меж собою. 19. Оно также стягивает дела и жребии людей нерасторжимой связью причин, и так как сии последние происходят от начал в незыблемом провидении, они по необходимости также незыблемы. 20. Ведь вещи управляются наилучшим образом, если пребывающая в божественном разуме простота производит нерушимый порядок причин, а этот порядок собственной

¹⁶⁵Речь о космической душе.

непреложностью удерживает изменчивые вещи, которые иначе текли бы случайным образом.

21. Вследствие сего, хотя вам, не способным постичь этот порядок, все кажется спутанным и неустроенным, присущее вещам правило их устроит, направляя все к благу. 22. Нет ведь ничего такого, что учинялось бы ради зла, даже самими порочными людьми, которых, как мы исчерпывающе показали, заблуждение сбивает с пути, когда они ищут блага, и уж никак не может отклонить их от собственного начала порядок, происходящий от средоточия высшего блага. 23. Но ты спросишь: может ли быть неустройство более несправедливое, чем когда добрым достаются то невзгоды, то отрады, а дурным — то желанное, то ненавистное? 24. Да разве люди наделены столь безупречным умом, что те, кого почитают честными и бесчестными, непременно таковы, какими слывут? 25. Но в этом противоречат одно другому суждения людские, и кого одни — достойным награды, другие считают заслуживающим наказания. 26. Допустим, однако, что иной в силах различать добрых и дурных: сможет ли он увидеть внутреннюю соразмерность¹⁶⁶ душ, как говорят обычно о соразмерности в телах? 27. Подобная же диковина для невежды, почему одним здоровым телам на пользу сладкое, а другим — горькое, почему иным больным помогают мягкие, а другим — сильные снадобья. 28. Но врач, различающий меру и состав здоровья и болезни, этому нимало не удивляется. 29. Что же иное представляется здоровьем душ, как не добродетельность, что недугом, как не порок? и кто хранитель блага и от зла оберегатель, как не правитель и врачеватель умов, Бог? 30. Он, взирая с высокой дозорной башни провидения, узнает, что всякому подобает, и наделяет его тем, что приличествует. 31. Отсюда и происходит то замечательное чудо порядка судьбы, когда знающий совершает то, чему изумляются не знающие.

32. Ибо (соразмерно силам ума человеческого затрону немногое, что касается божественной глубины) тот, кого ты считаешь честнейшим и в высочайшей степени блюдущим справедливость¹⁶⁷, представляется иным всеведущему провидению. 33. Что победившая сторона любезна была богам, а побежденная — Катону, напомнил наш Лукан¹⁶⁸.

¹⁶⁶В оригинале — *temperies*, медицинский термин, прилагаемый здесь к душе: как телесное здоровье зависит от правильного смешения гуморов, так и должное состояние души можно определить как некую *temperies*, «смешение».

¹⁶⁷Ср. Verg. Aen. II.426 сл.

¹⁶⁸Luc. Phars. I.128.

34. Поэтому все, что совершается, на твой взгляд, вопреки ожиданиям, в действительности есть справедливый порядок и лишь в твоём мнении — превратная путаница. 35. Но предположим, есть человек столь добродетельной жизни, что божественное и человеческое суждения о нём сходятся: однако он некрепок духом, и если выпадут ему какие невзгоды, возможно, перестанет блюсти безукоризненность, которая не помогает ему сохранить благополучие. 36. Итак, мудрая распорядительность щадит того, кого невзгоды могут сделать хуже, дабы он не подвергался тому, чего ему терпеть не следует. 37. Иной исполнен всеми добродетелями, свят и к Богу приближен: провидение считает нечестивым, чтоб коснулось его какое-нибудь несчастье, так что и телесным недугам не даёт его угнетать. 38. Ведь как сказал некто, даже меня превосходнейший:

*Вышний создал эфир все тело мужа святого*¹⁶⁹.

39. Но часто случается, что добрым вверяется высшая власть, дабы сдерживать разливающуюся порочность. 40. Иным провидение даёт, согласно качеству их душ, смешанную участь: некоторых уязвляет, чтобы не заносились от долгого благополучия, иных угнетает бедами, чтобы доблести духа укреплялись привычкой и упражнением в терпении. 41. Одни больше, чем следует, страшатся того, что могут снести, другие больше, чем следует, презирают то, что снести не могут; таковых провидение горестями ведёт к испытанию себя. 42. Иные имя, веками чтимое, покупают ценой славной смерти; другие, в попытках непреклонные, явили прочим пример, что бедствиям не одолеть добродетели; что совершается все это весьма справедливо и упорядоченно и на благо тех, кому выпадает, в том нет никакого сомнения. 43. А что с дурными людьми случается то тягостное, то желанное, происходит от тех же причин. 44. Что до тягостей, они никого не удивляют, ибо все считают этих людей заслуживающими худа — во всяком случае, налагаемые на них наказания отвращают прочих от преступлений и очищают тех, кто им подвергается, — благополучие же их даёт добрым людям важное свидетельство, как следует судить о такого рода счастье, которое часто видят на службе у негодных. 45. Здесь, я думаю, обустроено ещё и вот что: если у иного такая порывистая и опрометчивая природа, что скудость имущества скорее ожесточит его на злодейство, провидение исцеляет его недуг, наделяя его деньгами. 46. Этот, видя свою совесть,

¹⁶⁹Греческий гекзаметр неизвестного авторства; см. Gruber, 1978: 361.

постыдными делами оскверненную, и сравнивая себя самого со своим благополучием, может быть, устрашится прискорбным образом потерять то, чем обладать ему отрадно; вследствие этого он изменит свой нрав и, страшась лишиться благополучия, бросит беспутство. 47. Иных низвергло в заслуженную гибель недостойно употребляемое счастье; некоторым предоставлено право карать, чтобы это было для добрых причиною упражнения, а для дурных — причиною наказания. 48. Ведь как меж добродетельными и порочными не бывает союза, так и сами порочные не могут меж собой согласиться. 49. И как же иначе, если из-за пороков, раздирающих его совесть¹⁷⁰, всякий с самим собою не согласен и часто делает то, о чем, уже совершив, думает, что совершать того не следовало?

50. Из этого высшее провидение часто производило достопримечательное чудо: дурные делают дурных добрыми. 51. Ведь некоторые, видя, что терпят несправедливости от наихудших людей, в пылу ненависти к обидчикам возвращались к плодам добродетели, стараясь быть непохожими на тех, кого возненавидели. 52. Для одной лишь божественной силы дурное тоже есть доброе, ибо она, используя его надлежащим образом, извлекает некий добрый плод. 53. Ведь все вещи так объемлются неким порядком, что если какая вещь отдалится от назначенного ей в этом порядке места, втекает в хоть и иной, но порядок, чтобы в царстве провидения ничего не было оставлено случайности.

Трудно мне оное все, как бессмертному богу, поведать¹⁷¹.

54. Ведь не позволено человеку ни постичь разумением, ни изъяснить речью все орудия божьего дела¹⁷². 55. Довольно ему видеть лишь то, что Бог, производящий всякую природу, все сущее устроит, направляя к благу, и, стремясь сохранить то, что произвел по Своему подобию, удаляет всякое зло из пределов Своего царства сцеплением необходимости, присущим судьбе. 56. Вследствие этого, если ты исследуешь распоряжающее всем провидение, увидишь, что никакого зла нигде нет, хоть и представляется, что оно на земле в изобилии. 57. Но я вижу, ты уже давно, и тяжестью вопроса обремененный, и длительностью иссле-

¹⁷⁰Выражение платоновского происхождения (Plat. Lys. 214cd), встречающееся также у Апулея (Apul. De dog. Plat. п.16).

¹⁷¹Ном. II. XII.176 (пер. Н. И. Гнедича).

¹⁷²Ср. Plat. Tim. 28c.

дования утомленный, ждешь от меня сладостной песни; итак, сделай
глоток, чтобы, освежившись, усердней обратиться к дальнейшему.

VI

Коль высокого ты Громовержца закон¹⁷³
 В чистоте ума желаешь узреть,
 На вершину взгляни высочайших небес:
 Там по праведному соглашению вещей
 5 Старинный мир созвездья блюдут.
 Ни, рдяным огнем¹⁷⁴ понукаемый, Феб
 У сестры возок не запнет ледяной,
 Ни Медведица, ход стремительный свой
 Обращающая на вершине небес,
 10 Не омывшаяся средь западных волн¹⁷⁵,
 Где прочих звезд ей зрится заход,
 Не желает омыть в Океане свой огонь;
 Всегда чередой равномерной времен
 Нам Веспер вестит вечернюю тень,
 15 Возвращается с днем благим Люцифер.
 Вековечные так обновляет стези
 Взаимна любовь¹⁷⁶, из звездных краев
 Так изгнаны брань и распря навек.
 Согласье сие справедливый предел
 20 Стихиям дает, чтобы влага и сушь,
 Неуживчивые, уступали врагу;
 Чтобы с пламенем хлад в союзе пребыл,
 Чтоб висячий огонь взмывал в вышину
 И тяжелая чтоб оседала земля.
 25 Оттого же льет в весеннем тепле
 Ароматы свои цветущий год
 И летний палит Цереру зной,
 Вновь осень грядет, тяжка от плодов,
 И спадающий дождь заливае́т зиму.
 30 Равновесье сие питает, ведет
 Любую вещь, в коей дышит жизнь;

¹⁷³Размер: анапестический диметр.

¹⁷⁴Речь идет о Марсе, орбита которого выше орбиты Солнца; движение Марса не заставяет Солнце мешать движению Луны.

¹⁷⁵Медведица не заходит за горизонт, то есть не омывается в волнах Океана; см. Ном. II. XVIII.489; Verg. Georg. I.246.

¹⁷⁶Космическая любовь, см. II.т.8.17 и 29.

- И уносит ее и прячет, схватив,
 Все родившееся погружая в смерть.
 Между тем сидит Творец в высоте,
 35 Вселенныя всей держа бразды,
 Владыка и царь, начало и ключ¹⁷⁷,
 Закон и судья, что премудр и прав¹⁷⁸.
 И все вещи, идти понужденные Им,
 Возвращает, сдержав блуждания их;
 40 Если б их не склонил Он к правой стезе,
 Не принудил бы их по кругу пойти,
 Все то, что хранит незаблемый строй,
 Слабело б, отпав от истоков своих.
 Вот общая всем созданьям любовь:
 45 Держаться хотят в рубежах добра,
 Затем что быть долговечным нельзя,
 Если силой любви, обращающей вспять,
 К даровавшей жизнь причине не течь.

VII

1. — Видишь ли теперь, что следует из всего нами сказанного? — Что же? — 2. Что всякая Фортуна — вполне благая. — И как же это возможно? — 3. Послушай, — говорит она. — Если всякая Фортуна, будь то приятная или тягостная, посылается как ради награждения и упражнения добрых, так и ради наказания или исправления дурных, всякая Фортуна — благая, коль скоро она оказывается или справедливой, или полезной. — 4. Это рассуждение, — говорю, — более чем справедливое, и если я рассматриваю провидение, о котором ты недавно меня поучала, или судьбу, то вижу, что это мнение, крепко и прочно обоснованное. 5. Но, если тебе угодно, причислим его к тем, которые ты немного раньше определила как невероятные¹⁷⁹. — Почему же? — 6. Потому что в обычной меж людьми речи, и часто, говорится, что у такого-то худая Фортуна. — 7. Итак, — говорит, — ты хочешь, чтоб мы немного применялись к народным речам, дабы не казалось, что мы, так сказать, слишком отделились от человеческих обыкновений? — Как тебе угодно. — 8. Разве ты не считаешь благом то, что полезно? — Да, считаю. — 9. А то, что упражняет или исправляет, полезно? — Согласен. — Следственно, это

¹⁷⁷Ср. Plat. Phdr. 245c, а также выше, III. m. 9. 23.

¹⁷⁸Ср. Sen. Herc. fur. 730.

¹⁷⁹См. IV. pr. 4. 3

участь благая? — Как же нет? — 10. Но это участь тех, кто или, укрепившись в добродетели, ведет войну против невзгод, или, уклоняясь от пороков, встает на стезю добродетели. — Это неоспоримо. — 11. Что же до приятной участи, которая дается добрым в награду, — разве народ считает ее дурной? — Нимало: считают ее наилучшей, как оно и есть. — 12. А что до другого жребия, сурового, который обуздывает дурных людей справедливым наказанием, — считает ли его народ добрым? — 13. Нет, он считает его хуже всего, что можно помыслить. — 14. Итак, смотри: следуя за уверенностью народной, мы пришли к невероятному выводу. — Какому же? — 15. Из допущенного нами следует, что у тех, кто владеет добродетелью, или усвершеняется в ней, или достигает ее, всякая фортуна, какою бы они ни была, — благая, у тех же, кто пребывает в злонаравии, всякая фортуна — наихудшая. — 16. Это, — отвечаю, — правда, хоть никто не осмелится с этим согласиться. — 17. Поэтому, — молвит она, — мудрый муж не должен досадовать, когда бы ни привелось ему сражаться с Фортуной, как храброму мужу не пристало негодовать, когда бы ни раздавался бранный гул. 18. Ведь для них обоих самая трудность есть средство: одному — расширить свою славу, другому — укрепить мудрость. 19. Добродетель потому так зовется, что, опираясь на свои силы, неодолима в бедствиях¹⁸⁰; ведь и вы, ставшие на поприще добродетели, пришли сюда не для того, чтобы утопать в забавах или изнывать в сладострастии. 20. Душа ваша вступает в жестокую битву со всякой Фортуной, дабы не угнетала вас враждебная и не развращала отрадная. 21. Крепко держитесь середины: все, что остается ниже ее или выдается выше, презирует счастье, но не пожинает награды за труд. 22. Ибо вашей руке предоставлено стяжать фортуны, какая вам предпочтительней; ведь всякая участь, что кажется вам суровой, если не упражняет и не исправляет, наказывает.

VII

- Пятилетия два не кончавший браней¹⁸¹,
 Фригию казнив, сын Атревев, мститель,
 Братниной позор искупил ложницы.
 Чтобы греческой поднялся армады
 5 Парус, ветры он покупает кровью,
 Совлекшись отца, над несчастным горлом,

¹⁸⁰Этимология *virtus*, «доблесть, добродетель» от *vires*, «силы».

¹⁸¹Размер: сапфический одиннадцатисложник.

- Жрец унылый, он договор свершает.
Итакийца плач проводил собратьев,
Коих, разлегшись средь вертепа, дикий
10 В чреве Полифем погрузил огромном;
Но, неистовый, с ослепленным ликом,
За веселье он заплатил слезами.
Тяжкие труды Геркулеса славят:
Горделивых он усмирил кентавров,
15 Бранную корысть взял на скимне лютот,
Верною пронзил он стрелой пернатых,
Яблоко унес у дракона-стража,
Шуйцу отягчив драгоценным златом,
Цербера повлек на цепи тройчатой,
20 Снедью, говорят, он квадригам лютым
Бросил, одолев, их владыку злого;
Гидра умерла со спаленным ядом;
Ахелоя лоб обесславлен зрится:
Пристыженный лик меж берегов погрузнул;
25 На песках Антей распростерт ливийских,
Гнев Эвандра Как утолил погибший,
Плечи, что несли бремена небесны,
Пеною кабан испятнал щетинный.
Труд последний был — не склонивши шеи,
30 Небеса держать, и себе наградой
За последний труд небеса стяжал он.
Смелые, вперед; вас пример великий
В горний путь ведет. Что вас, косных, нудит
Время сбросить с плеч? Одолевшим землю
35 Небо наградой.

КНИГА ПЯТАЯ

I

1. Окончив говорить, она поворачивала стезю своей речи к обсуждению и изъяснению иных предметов. 2. Тогда я: — Справедливо, — говорю, — и весьма веско твое увещевание, но сказанное только что тобою о провидении — что это вопрос, связанный с множеством иных, — я испытал на деле. 3. Я хочу спросить, считаешь ли ты, что случай подлинно существует, и что он такое. — 4. На это она: — Спешу исполнить свое обещание и открыть тебе дорогу, которой ты сможешь вернуться

в отечество. 5. А то, о чем ты спрашиваешь, хотя и весьма полезно знать, однако несколько в стороне от тропы нашего намерения, и нам должно опасаться, как бы ты, утомленный отступлениями, не лишился силы пройти прямой путь. — 6. Отбрось это опасение, — говорю я, — ибо отдыхом мне послужит познание того, чем я особенно наслаждаюсь. 7. И вместе с тем, когда всякую сторону твоего рассуждения укрепит несомнительная достоверность, не останется никакой неясности относительно последующего.

8. На это она молвит: — Я тебе угрожу, — и непромедлительно начинает так: — Если определять случай как событие, произведенное непреднамеренным движением без всякого сцепления причин, я утверждаю, что случай не существует вовсе, и считаю, что это совершенно пустое слово, не обозначающее никакого предмета: ведь если Бог удерживает всякую вещь в порядке, какое место может быть отведено непреднамеренности? 9. Справедливо утверждение, что из ничего ничто не бывает, и никто из древних никогда оно не оспаривал, хотя они прилагали его не к творящему началу, но к материальному подлежащему, как бы подводя некую основу под все исследования природы. 10. Но если бы что-то возникало без всякой причины, это, по-видимому, было бы возникновением из ничего; если же это невозможно, то невозможен и случай в том смысле, как мы его определили. — 11. Так что же, — говорю я, — нет ничего, что по справедливости можно было бы назвать случаем или произвольностью? или есть что-то, чему это название подходит, хотя толпе это неведомо? — 12. Мой Аристотель, — отвечает она, — в «Физике» дал этому определение краткое и близкое к истине. — И какое же? — 13. Когда, — говорит, — что-то делается с неким намерением, но по некоторым причинам получается нечто отличное от того, что замышлялось, это называется случаем: например, если кто-то, копая землю ради возделывания нивы, находит груды зарытого золота¹⁸². 14. Считают, что это произошло по случайности, однако это вышло не из ничего; здесь ведь есть собственные причины, непредвиденное и неожиданное стечение коих, как кажется, породило случай. 15. Ведь если бы земледelec не вскапывал ниву, если бы затеявший спрятать свои деньги не зарыл их в этом месте, золото не было бы найдено. 16. Итак, вот причины случайной прибыли, которая происходит из столкновения и стечения причин, а не из намерений деятеля. 17. Ведь ни зарывший золото, ни

¹⁸²См. Arist. Phys. II.4–5; Arist. Metaph. 1025a 14 слл.

возделывавший поле не стремились к тому, чтоб эти деньги обнаружались, но, как я сказала, так совпало и сошлось, чтобы один копал там, где другой зарыл. 18. Итак, можно определить случай как неожиданное событие, производимое стечением причин в делах, которые совершаются для некоей цели¹⁸³. 19. А сойтись и стечься причины заставляет тот порядок, происходящий из неизбежного сцепления, который, нисходя из своего истока в провидении, всякую вещь располагает на своем месте и в своем времени.

I

Средь ахемениских скал, где вспячь обращенные стрелы¹⁸⁴
 В грудь нагоняющим шлет реющий в бегство боец¹⁸⁵,
 Тигр и Евфрат из единого путь начинают истока,
 Чтоб, разлучившись, потом розно струи устремить.

- 5 Если б сошлись и вновь нераздельной пустились стезею,
 Все бы сплылось, что досель током влеклося двойным.
 Челны встречались бы тут и стволы, снесенны стремниной;
 Волны смешавшиеся случай сплетал бы один.
 Правит, однако же, их скитаньем наклонное ложе
 10 И ниспадающий путь водоворота сего.
 Так и случай, что мнишь бродящим под слабой браздою,
 Чует узду на себе и по закону течет.

II

1. — Понимаю, — говорю, — и согласен, что дело обстоит так, как ты говоришь. 2. Но в этой чреде сплетающихся причин есть ли какая-нибудь свобода нашего выбора или цепь судеб облегает и сами движения человеческих душ? — 3. Есть, — говорит: — ведь не может быть никакой разумной природы, у которой бы отсутствовала свобода выбора. 4. Ибо то, что по природе может пользоваться разумом, располагает способностью суждения, которой распознает всякую вещь; следственно, само по себе знает, чего избегать и чего желать. 5. Кто считает какую вещь желанной, ее добивается, а от того, что считает должным избегать, удаляется. 6. Таким образом, кому присущ разум, тому присуща и свобода

¹⁸³Определение, распространенное в платонической литературе, см. напр. Calc. In Tim. 159.

¹⁸⁴Размер: эгегический дистих. *Средь ахемениских скал* означает «в персидских (или парфянских) горах».

¹⁸⁵Обычная тактика парфян, см. напр. Verg. Georg. III.31; Hor. Carm. I.19 11 сл.; Sen. Oed. 118 сл.

желать и не желать, но, утверждаю я, не у всех равная. 7. Ибо высшие и божественные сущности обладают и пронизательным суждением, и безукоризненной волей, и могуществом совершить желаемое. 8. Что же до душ человеческих, им, конечно, надлежит быть более свободными, когда они пребывают в созерцании божественного ума, менее — когда соскальзывают в тела, еще менее — когда сопрягаются с земными членами; 9. крайнее же рабство — когда они, предавшись грехам, отпадают от обладания собственным разумом. 10. Ведь, переведя очи от света высшей истины к низшим и мрачным вещам, души тотчас затуманиваются облаком неведения и возмущаются пагубными страстями, сближаясь и соглашаясь с которыми, они укрепляют рабство, ими на себя навлеченное, и некоторым образом делаются пленницами благодаря собственной свободе. 11. Однако взор провидения, от века все проникающий, видит это и располагает predetermined каждому по его заслугам.

II

*Все созерцает и внемлет всему он*¹⁸⁶ —
 Так о Фебе, сияющем ясно,
 Молвят уста медвяны Гомера¹⁸⁷;
 Все же в утробу проникнуть земную
 5 Он не в силах и в глуби морские
 Слабым луча блистаньем пробиться.
 Зодчий великого мира иначе:
 Зрящему все с высоты наднебесной
 Не помешают громады земные,
 10 С тучами черными ночь не преграда;
 Все, что есть, что было и будет,
 Зрит Он ума единым ударом¹⁸⁸;
 Он, затем что единый все видит,
 Истинным солнцем может назваться¹⁸⁹.

III

1. Тогда я: — Вот я и снова смущен, и неясностью еще более трудной. — 2. Какою же? — спрашивает. — Впрочем, я уже догадываюсь, в чем

¹⁸⁶Размер: каталектический дактилический тетраметр.

¹⁸⁷Ср. *Hom. II. III.277*; *Hom. Od. XI.109*.

¹⁸⁸*Ictus mentis* — способ, каким видит Бог; ср. ниже, *v.pr.4. 33*; *pr.6.40*.

¹⁸⁹Этимология *sol*, «солнце», от *solus*, «только один, единственный»; ср. *Cic. Nat. d. II.68*; *Macr. Somn. I.20.4*; *Mart. De nupt. II.188* и пр.

твое замешательство. — 3. Кажутся мне, — говорю, — совершенно несовместимыми и друг другу противоречащими Божье предзнание всего и существование какой бы то ни было свободы выбора. 4. Ведь если Бог все предусматривает и никоим образом не может обмануться, то по необходимости должно произойти тому, что Он Своим провидением предведает как имущее произойти. 5. Следственно, если Он от века предзнает не только дела людские, но также помыслы и желания, не будет никакой свободы выбора; ведь не может существовать никакое деяние и никакое желание, которого бы неспособное обманываться провидение Божие не предвидело. 6. Ибо если они могут уклониться в иную сторону, нежели было предвидено, это будет уже не твердое предведение будущего, но скорее неточное мнение — вещь, которую приписывать Богу я считаю нечестивым.

7. Я ведь не одобряю того объяснения, коим некоторые думают разрешить узел этого вопроса. 8. Ибо они говорят: не потому некая вещь имеет произойти, что провидение предвидело ее будущее бытие, но скорее наоборот — поскольку некая вещь имеет произойти, ей не укрыться от божественного провидения, и таким образом эта необходимость смещается на противоположную сторону. 9. Ведь, говорят они, не необходимо, чтобы случилось то, что предвидено, но необходимо, чтоб было предвидено то, что случится: как будто все затруднение в том, что чему причиною, предзнание ли — необходимости будущих вещей или необходимость будущих вещей — провидению, и как будто мы не стараемся показать, что, как бы ни осуществлялся порядок причин, предузнанным вещам необходимо сбываться, даже если предзнание, по-видимому, не придает будущим вещам необходимости сбыться.

10. Ведь если кто-то сидит, мнение считающего, что тот сидит, по необходимости истинно; и обратно, если истинно мнение о ком-либо, что он сидит, необходимо, чтобы он сидел. 11. Итак, в обоих случаях есть необходимость: в одном — сидения, в другом — истины. 12. Но кто-либо сидит не потому, что истинно мнение, но скорее оно истинно, поскольку ему предшествовало, что кто-то сидит. 13. Таким образом, хотя причина истинности происходит только с одной из двух сторон, однако в обеих заключена общая необходимость.

14. Подобным же образом, очевидно, следует рассуждать о провидении и будущих вещах. Ведь даже если они предвидены, поскольку имеют произойти, однако происходят не потому, что предвидены, но тем не менее необходимо, или чтобы имущее произойти было предвидено Богом, или чтобы предвиденное произошло, чего одного довольно

для уничтожения свободы выбора. 15. Но сколь нелепо говорить, что осуществление временных вещей есть причина вечного предзнания! 16. И думать, что Бог провидит будущие вещи, поскольку они имеют произойти, не значит ли считать, что вещи, давно совершившиеся, суть причина сего самого высшего провидения? 17. К тому же, как то, о существовании чего я знаю, по необходимости должно существовать, так, когда я знаю, что какая-то вещь произойдет, она по необходимости должна произойти; следственно, осуществление предузнанной вещи неизбежно. 18. Наконец, если кто-то представляет себе вещь не такую, какова она в действительности, тот имеет не знание, но ошибочное мнение, весьма далекое от истинного знания. 19. Поэтому, если нечто имеет сбыться таким образом, что его осуществление не несомненно и не необходимо, кто может предузнать, что оно произойдет? 20. Ведь как само знание не смешано с ошибочностью, так и то, что этим знанием постигается, не может существовать одним образом, а постигаться — другим. 21. Ведь причина, почему знание избавлено от заблуждения, состоит в том, что всякая вещь по необходимости такова, какою ее мыслит знание.

22. Итак, каким же образом Бог предзнает это неопределенное будущее? 23. Ведь если Он считает неизбежным будущее осуществление тех вещей, которые могут и не осуществиться, Он обманывается, а такое нечестиво не только думать, но даже произносить. 24. Но если Он видит, что вещи, как они существуют, так и имеют существовать, а именно, что они равно могут сбыться и не сбыться, — что же это за предзнание, которое в себе не заключает ничего верного, ничего прочного? 25. Чем оно отличается от смехотворного прорицания Тиресия: «Что скажу, то будет или не будет»¹⁹⁰? 26. И в чем божественное провидение было бы выше человеческого мнения, если бы Он, подобно людям, считал сомнительными те вещи, осуществление коих сомнительно? 27. А если у одного несомнительного источника всех вещей ничего сомнительного быть не может, тогда несомнительно осуществление тех вещей, коих будущее бытие Он твердо предзнает. 28. В таком случае нет никакой свободы человеческим замыслам и поступкам, которые божественный ум, прозревающий все без заблуждения и без ошибки, вяжет и нудит к единому осуществлению¹⁹¹. 29. Стоит единожды допустить это, и по-

¹⁹⁰Нор. Sat. II.5.59 (пер. А. А. Фета).

¹⁹¹Общее место антидетерминистической полемики, обращенной против стоиков; см. напр. Cic. Div. II.7.18 слл.

нятно, какое крушение в человеческих делах за этим последует. 30. Ведь тогда бесполезно сулить награды добрым и кары дурным, коль скоро их заслуживало свободное и непринужденное движение души, 31. и покажется всего беззаконней то, что ныне почитают справедливейшим, а именно, наказание злонравных и награждение благонравных, если к тому или другому не собственная влечет их воля, но гонит непреклонная необходимость будущего. 32. Таким образом, ни пороков, ни добродетелей не стало бы вовсе, но скорее неразличимое смешение всех заслуг, и — вещь, греховней которой ничего не придумать, — поскольку весь порядок вещей происходит из провидения и ничего не остается на долю человеческих решений, из этого вытекает, что и наши пороки тоже приписывались бы творцу всех благ. 33. Итак, ни надеяться на что-либо, ни молиться о предотвращении чего бы то ни было нет основания; на что ведь можно надеяться, что отвести мольбами, когда все вожделенное связано незыблемой цепью?

34. Пресечется, таким образом, единственное сообщение между людьми и Богом — надежда и молитва¹⁹², если, конечно, ценой подобающего смирения мы удостоиваемся неоценимого воздаяния божественной милости; сей способ — единственный, коим, по-видимому, можно людям беседовать с Богом и благодаря молитве соединяться с сим неприсутственным светом прежде, нежели они его достигнут. 35. Если же, приняв необходимость будущих событий, полагать, что все это не имеет никакой силы, что тогда поможет нам соединиться и сопрячься с верховным владыкою мира? 36. Из сего неизбежно выйдет, что род человеческий, как ты немного раньше пела¹⁹³, ослабеет, отпав и отделившись от истоков своих.

III

Какого виной несогласья союз¹⁹⁴
 Вещей прекращен? Какой из богов
 Меж истин двух войну поселил,
 Так что, розно ведя свое бытие,

- 5 Сопрячься они и сплестись не хотят?
 Или истинам чужд любой раздор

¹⁹²Затрагивается важнейший вопрос языческой религиозной мысли о силе и значении молитвы: можно ли с ее помощью отвратить или ускорить будущие события. Ср. Verg. Aen. VI.376; Sen. QNat. II.35.1.

¹⁹³IV. m.4.43.

¹⁹⁴Размер: анапестический диметр, в последнем стихе — адоний.

И в прочном живут единенье они,
 Но ум, погребен в сем теле слепом,
 Угашенным своим не в силах огнем
 10 Тончайшую связь вещей различить?
 Но почто же таким желаньем горит
 Сокрытый обрести он истины знак?
 Может, ведает он, что печется узреть?
 Но тщится ли кто известное знать?
 15 А не ведая — что ищет он в слепоте?
 Неведомое желанно ль кому?
 Кто сможет идти за безвестным ему
 И где обретет? И признает ли кто
 Неведомый лик, коль сумеет найти?
 20 Когда созерцал он высокий ум,
 Все купно и врозь ужели не зрел?
 Телесным теперь туманом укрыт,
 Не полностью он себя позабыл,
 Целокупность хранит, лишившись частей.
 25 Так любой, кто пойдет за истиной в путь,
 Меж двух жребьев стоит: ведь не ведает он
 И все ж не вполне познания лишен:
 На целое то, что в себе хранит,
 Он глядит, вспомянув, что узрел в высоте,
 30 Чтоб забытые смог к сохраненному он
 Части добавить.

IV

1. На это она отвечает: — Старинная это жалоба на провидение, живо изложенная Марком Туллием¹⁹⁵, когда он подразделял прорицания на виды, и вопрос, коим сам ты долго и много занимался¹⁹⁶, однако доньше никто из вас не разобрал его с достаточным вниманием и определительностью. 2. Причина этой неясности в том, что движение человеческого рассуждения не может приблизиться к простоте божественного предзна- ния; если бы сие последнее возможно было каким-то образом помыслить, не осталось бы никакого сомнения. 3. Я попытаюсь это напоследок объ- яснить и разрешить, сперва рассмотрев то, что тебя волнует.

¹⁹⁵Отсылка ко второй книге «De divinatione» Цицерона.

¹⁹⁶Отсылка к комментарию Бозция на аристотелевский трактат «De interpretatione».

4. Так вот, я спрашиваю, почему ты считаешь неудовлетворительным рассуждение тех, кто при разрешении этого вопроса, не считая предзнание причиной необходимости будущих дел, полагает, что предзнание никак не препятствует свободе выбора. 5. Разве ты извлекаешь довод о необходимости будущих вещей из чего-нибудь другого, а не из того, что предузнанное не может не произойти? 6. Итак, если предведение не придает будущим вещам никакой необходимости, что ты сам недавно признавал, какова причина, по которой то, что происходит по свободному произволению, должно осуществиться неизбежным образом? 7. Примем в качестве предположения — чтобы ты мог увидеть, что из этого вытекает, — что нет никакого предзнания. 8. Разве в таком случае то, что происходит из свободного выбора, будет связано необходимостью? — Никким образом. — 9. Предположим теперь, что предзнание существует, но не придает вещам никакой необходимости; тогда останется, я думаю, невредимой и целостной свобода воли. 10. Но предзнание, скажешь ты, хотя и не есть необходимость осуществления будущих вещей, однако знак того, что они необходимо осуществляются. 11. Таким образом, даже если бы предзнание не существовало, было бы ясно, что совершение будущих вещей необходимо; ведь всякий знак лишь показывает, какова вещь, а не создает того, что обозначает. 12. Поэтому следует сначала показать, что все происходит по необходимости, дабы явствовало, что предведение есть знак этой необходимости; иначе, если такой необходимости нет, предзнание не сможет быть знаком вещи, которая не существует. 13. Ясно, что доказательство, основанное на прочном рассуждении, должно выводиться не из знаков и не из доводов, заимствованных извне, но из подходящих и необходимых причин.

14. Но как может быть, чтобы не произошло то, чего осуществление предвидено? Это как если бы мы думали, что вещи, коих осуществление предузнано провидением, не произойдут, а не считали бы, что хотя они осуществляются, однако необходимость этого осуществления не заключается в их природе. 15. Ты можешь это легко вывести вот из чего. Мы видим много вещей, совершающихся у нас перед глазами; например, то, что делают возницы, правя квадригами и поворачивая их, и прочее в том же роде. 16. Разве есть какая-то необходимость, понуждающая эти вещи совершаться так, а не иначе? Ничуть; ведь бесполезны были бы усилия искусства, будь все движимо принуждением. 17. Таким образом, вещи, осуществляясь, не имеют необходимости быть, а прежде чем осуществиться, имеют произойти без необходимости. 18. Поэтому есть некоторые вещи, имеющие произойти, но их осуществление свободно от

всякой необходимости. 19. Ведь я полагаю, никто не скажет, что вещи, ныне происходящие, прежде, чем произойти, не должны были совершиться. И так, даже у предузнанных вещей осуществление свободное. 20. Ведь как знание настоящих вещей не придает необходимости тому, что происходит, так предзнание будущих не делает необходимым то, что настанет. 21. Но это-то, говоришь ты, именно сомнительно, может ли быть какое-то предведение вещей, не имеющих необходимого осуществления. 22. Тебе ведь это кажется противоречием, и ты думаешь, что если вещи предвидены, из этого следует их необходимость, если же необходимости нет, они никак не могут быть предвидены, и что знание не может постигать ничего, кроме твердо определенного. 23. А если вещи, коих осуществление неопределенно, предузнаются, как будто бы они были определенными, это туман мнения, а не истина знания; ты ведь думаешь, что представлять вещь иною, нежели она есть, противоречит совершенству знания. 24. Причина этого заблуждения в том, что всякий считает, что все, ему ведомое, познается только исходя из собственной силы и природы познаваемого. 25. Но дело обстоит прямо наоборот: все познаваемое постигается не сообразно своей собственной силе, но скорее сообразно способности познающих. 26. Поясним это кратким примером: одну и ту же округлость тела зрение и осязание познают по-разному; первое, оставаясь вдали, наблюдает ее всю разом, бросая свои лучи¹⁹⁷, а второе, прикасаясь и присоединяясь к шару, движется по самому его очертанию, постигая округлость по частям.

27. И самого человека одним образом рассматривает чувство, другим воображение, иным рассудок, иным разумение. 28. Чувство оценивает очертание, помещенное в подчиненной материи, а воображение — чистое очертание без материи; 29. рассудок же идет дальше этого и в рассмотрении всеобщего исследует самый вид, присущий отдельным вещам. 30. Око разумения еще выше: ибо, превзойдя окружность всеобщего, оно чистым взором ума узревает самое форму в ее простоте. 31. Здесь особенно заслуживает примечания вот что: высшая способность познания охватывает низшую, низшая же отнюдь не возвышается до высшей. 32. Ибо и чувства ни на что не способны вне материи, и воображение не может созерцать общие виды вещей, ни рассудок не постигает простую форму; но разумение, как бы сверху взирая, постигнув форму,

¹⁹⁷Ср. Aul. Gell. Noc. Att. v.16.2: «Стоики утверждают, что причина зрения — испускание из глаз лучей на то, что можно увидеть, и в то же время напряжение воздуха» (пер. А. Б. Егорова).

оценивает также все, что под нею, однако таким способом, каким она постигает самое форму, которая никому другому ведома быть не может. 33. Ведь оно познает и всеобщее, доступное рассудку, и очертание, познаваемое воображением, и материальное, постижимое чувствами, не пользуясь ни рассудком, ни воображением, ни чувствами, но одним движеньем ума узревая все, так сказать, сообразно форме. 34. Рассудок также, рассматривая всеобщее, не пользуется ни воображением, ни чувствами, однако постигает доступное воображению и чувствам. 35. Ведь именно рассудок дает общему содержанию своего познания такое определение: человек есть животное двуногое разумное. 36. Хотя это общее понятие, всякому известно, что эта вещь доступна воображению и чувству, но рассудок рассматривает ее посредством не воображения или чувства, но разумного постижения. 37. Воображение также, хотя в видении и очерчивании форм берет начало от чувств, однако без их помощи обозревает все чувственное, пользуясь не чувственным, а своим собственным способом исследования. 38. Итак, видишь ли, как в познании все опирается больше на свою способность, чем на свойства познаваемых вещей? 39. И справедливо: ибо когда всякое суждение есть действие судящего, необходимо, чтобы всякий совершал свое дело не чужой способностью, но своей собственной.

IV

Древле вышли из Портика¹⁹⁸
 Мужи старые, темные¹⁹⁹,
 Кои мыслят, что образы
 По влиянию внешних тел
 5 Оставляют печать в уме,
 Как старинный обычай был
 Быстрым стилем черты вести
 По равнине страницы той,
 Где доселе не зрелся знак.
 10 Но своим коль движением
 Ничего не свершает ум,
 Но лежит, терпеливый, лишь
 Знаки взяв телесные,
 И, как в зеркале, лик вещей

¹⁹⁸Размер: гликоной.

¹⁹⁹В стихотворении отвергается учение стоиков о познании. *Темные* относится к невразумительности их сочинений; ср. Cic. Div. п.133.

- 15 Отражается в нем пустой —
В душах это отколь живет
Постижение всезрящее?
Что за сила все порознь зрит,
Что делит наблюденное?
- 20 Что собирает раздельное
И, стези чередуя две,
То главу воздевает ввысь,
То к удольным сойдет вещам
И, к себе возвращаяся,
- 25 Посрамляет ложь истиной?
Вот причина, что действительней,
Что премного властительней,
Нежель та, что вбирает лишь
Вещества впечатления.
- 30 Но предыдет, способности
Возбуждая духовные,
Претерпенье в телах живых,
Когда очи разит нам свет
Или голос в ушах звучит.
- 35 Пробудясь, сила разума
К сходным нудит движениям
Ею формы хранимые,
С внешним знаком сличает их
И с внутри сбереженною
- 40 Формой образ сливает сей.

V

1. А если в телесных ощущениях, хотя воздействуют на органы чувств качества, извне представившиеся, и бодрости действующей души предшествует телесное претерпевание, которое привлекает к себе деятельность ума и пробуждает образы, до этого покоившиеся внутри, — если, повторяю, в телесных ощущениях душа не получает отпечатка от претерпевания, но своей собственной силой оценивает претерпевание, подчиненное телу, сколь более те вещи, что свободны от всяких воздействий тела, в своем видении не следуют за внешними предметами, но дают волю деятельности своего ума! 2. На этом основании разные способы познания достались различным и несхожим сущностям. 3. Чувство, отрешенное от всех прочих способов познания, досталось неподвижным животным, каковы морские раковины и прочие, что питаются, прилепившись к камням; воображение — движущимся животным, которым,

как представляется, уже присуще некоторое стремление избегать одного и стремиться к другому; 4. рассудок же свойствен только человеческому роду, как разумение — лишь Божеству: посему этот вид познания выше прочих, ибо по своей природе постигает не только собственный предмет, но и предметы, свойственные прочим видам.

5. Что, если бы чувство и воображение воспротивились рассудку, говоря, что не существует то общее, которое рассудок, по его мнению, постигает? 6. Ведь чувствуемое и воображаемое не может быть всеобщим; следственно, либо истинно суждение рассудка и тогда нет ничего, постигаемого чувством, либо, поскольку известно, что предметы чувства и воображения многочисленны, бессодержательно то, что постигается рассудком, ибо он рассматривает вещи чувственные и особенные как нечто всеобщее. 7. Если бы рассудок возражал на это, что он рассматривает под видом всеобщности как предмет чувства, так и предмет воображения, между тем как упомянутые способности не могут притязать на познание всеобщего, поскольку знание, им доступное, не может выйти за пределы телесных обличий, но в познании вещей надлежит скорее доверять более прочному и совершенному суждению: в такого рода тяжбе мы, наделенные способностью как рассуждения, так воображения и, наконец, чувственного восприятия, разве не одобрили бы скорее доводы рассудка? 8. Подобно этому и человеческий рассудок думает, что божественное разумение не может созерцать будущие вещи иначе, нежели он сам их познает. 9. Ты ведь рассуждаешь так: если какие-то вещи, по-видимому, лишены определенного и необходимого осуществления, нельзя определенно предузнать, что они произойдут. 10. Следственно, в отношении этих вещей нет предзнания; если допустить, что оно в них есть, не будет ничего, что не происходило бы по необходимости. 11. Итак, если бы мы сверх рассудка, которому причастны, могли бы располагать суждением божественного ума, то сочли бы справедливейшим делом подчинить человеческий рассудок божественному уму, как ныне утверждаем, что воображение и чувство должны уступать рассудку. 12. Итак, поднимаемся же, если то в наших силах, к вершине высшего разумения: ибо там рассудок увидит то, чего в себе самом узреть не может, а именно, каким образом предведение несомненно и определенно зрит даже вещи, не имеющие несомненного осуществления, и что оно не есть мнение, но скорее простота высшего знания, никакими пределами не замкнутая.

V

- Сколь многовидных обличий животные наполняют землю!²⁰⁰
 Ибо иные, с телами предлинными, пыль метут собою
 И борозду чертят непрерывную, грудью налегая;
 Хлещут иные по ветру скитальческой легкостию крыльев,
 5 Тихим в пространстве эфира обширного плавают полетом;
 Тем отрадно свои впечатывать стопы в землю, бегом
 Пересекать поля зеленые и входить в дубровы.
 Хоть многовидным они, как видишь ты, обликом несхожи,
 Долу лицо их склоненное вялые отягчает чувства;
 10 Лишь человеческий род возвышенную голову подъемлет,
 С телом стоит прямым и взирает он свысока на землю.
 Коли земному ты чужд неразумию, сей внушает облик:
 Ты, что, с челом открытым поднявшись, взором неба ищешь,
 Должен и душу стремить ты к превыспренним, чтобы ниже тела,
 15 Ввьсь обращенного, не опускался бы разум отягченный²⁰¹.

VI

1. Итак, поскольку, как недавно показано, все познаваемое познается сообразно не своей природе, но природе постигающих, посмотрим теперь, насколько возможно, каково положение божественной сущности, дабы мы могли узнать, каково ее знание. 2. Что Бог вечен, таково общее суждение всех, кто живет по разуму. 3. Рассмотрим же, что такое вечность: ведь она открывает нам равно и природу, и знание Божества. 4. Итак, вечность есть целокупное, одновременное и совершенное обладание бесконечной жизнью²⁰², что яснее видно из сравнения с временными вещами. 5. Все, что живет во времени, продвигается, будучи настоящим, от прошлого в будущее, и нет ничего, помещенного во времени, что могло бы разом объять все пространство своей жизни: завтрашнего дня оно еще не схватило, а вчерашний уже потеряло; и в нынешнем дне ваша жизнь не более, чем подвижное и преходящее мгновение. 6. То, что подчинено условию времени, даже если оно, как думает о мире Аристотель²⁰³, никогда не начиналось и не прекращает своего бытия и его жизнь простирается вместе с бесконечностью времени, все же еще

²⁰⁰Размер: алкманов стих в соединении с итифаллическим.

²⁰¹Топос, широко распространенный в моралистической литературе: человек один из всех животных стоит прямо, обращая лицо к небу. См. Sall. Cat. 1.1; Ov. Metam. 1.84 слл. и пр.

²⁰²Определение восходит к Плотину, Plot. Enn. III.7.3.

²⁰³См. напр. Arist. Cael. 283b 26 слл.

не таково, чтобы по праву считаться вечным. 7. Ведь оно не охватывает и не объемлет разом всего пространства жизни, пусть и бесконечной, еще не обладая будущим и уже — прошедшим. 8. Итак, то, что охватывает и обладает единовременно всей полнотой нескончаемой жизни, для чего не отсутствует ничто будущее и не миновало ничто прошлое, по праву почитается вечным и по необходимости, само собой владеющее, вечно в себе наличествует и обладает присутствующей вечностью текущего времени.

9. Поэтому неверно мнение тех, кто, слыша, что Платону представлялось, что этот мир не имел начала времени и не будет иметь конца, полагает, что созданный мир таким образом сделался совечен создателю²⁰⁴. 10. Ибо одно дело вести нескончаемую жизнь, что Платон приписывает миру, и другое — охватывать целокупность нескончаемой жизни одновременно в настоящем, что, очевидно, есть свойство божественного ума²⁰⁵. 11. И Бога должно рассматривать как более древнего, чем сотворенные вещи, не по количеству времени, но скорее по свойству Его простой природы. 12. Ведь этому состоянию настоящего, свойственному неподвижной жизни, подражает бесконечное движение временных вещей²⁰⁶, и, не будучи в силах его воспроизвести и с ним сравняться, падает от неподвижности в движение, от простоты настоящего бытия умалется до бесконечного количества будущего и прошедшего, и коль скоро оно не может обладать целокупной полнотой своей жизни одновременно, вследствие того, что некоторым образом никогда не перестает существовать, в некотором отношении, очевидно, соревнует тому, чего не может осуществить и воспроизвести, привязываясь к настоящему бытию, каково бы оно ни было, этого крошечного и летучего мгновения. И это настоящее, поскольку несет на себе некий образ ононого пребывающего настоящего, дарует всем вещам, коим оно выпадает, видимость бытия. 13. Поскольку, однако, такое настоящее не может пребывать незыблемо, оно пускается бесконечным путем времени, и таким образом получается, что оно в продвижении продолжает жизнь, полноту которой не смогло охватить в пребывании. 14. Итак, если мы хотим давать вещам подобающие имена, то, следуя за Платоном, назовем Бога вечным, а мир непрестанным.

²⁰⁴Концепция, происходящая из толкований Plat. Tim. 28b.

²⁰⁵Ср. Procl. Elem. 55.

²⁰⁶См. Plat. Tim. 37d–38a; Calc. In Tim. 105.

15. А поскольку всякое суждение охватывает вещи, которые ему подчинены по его природе, Бог же обладает состоянием присно вечным и настоящим, то и Его знание, превосходящее всякое движение времени, пребывает в простоте своего настоящего и, объемля бесконечное пространство прошедшего и будущего, рассматривает в простоте своего познания все вещи, как если бы они совершались в настоящем. 16. Итак, если хочешь исследовать предведение, коим Он все вещи распознает, справедливей рассудишь, что это не предзнание как бы будущего, но знание никогда не кончающегося настоящего. 17. Посему его предпочтительней называть не предвидением, но провидением, поскольку, вдали от низших вещей помещенное, оно прозревает все как бы с возвышенной вершины мира. 18. Почему же ты требуешь, чтобы вещи, окинутые божественным взором, делались необходимыми, если и люди не делают необходимым того, что видят? 19. Разве вещам, которые ты видишь в настоящем, твой взгляд придает какую-то необходимость? Нимало. 20. Но если пристало сравнивать божественное настоящее с человеческим, то как вы видите что-либо в вашем временном настоящем, так Он все зрит в своем вечном. 21. Следственно, это божественное предведение не переменяет природы и свойства вещей, но наблюдает у себя настоящее таким, каким ему предстоит некогда произойти во времени. 22. И Бог не смешивает суждений о вещах, но одним взором Своего ума различает вещи, имеющие произойти необходимо и не необходимо, как вы, видя одновременно человека, идущего по земле, и солнце, на небе всходящее, хотя обе эти вещи представляются вам разом, все же их различаете, считая одну произвольной, а другую необходимой. 23. Так все узревающий божественный взгляд никоим образом не приводит в беспорядок качества вещей, кои у него настоящие, а по условию времени — будущие. 24. Посему это не мнение, но скорее познание, на истине основанное, когда Бог знает, что некая вещь произойдет, хотя Ему ведомо, что необходимости существовать у нее нет.

25. Если здесь ты скажешь, что не может не произойти то, что Бог видит как имеющее произойти, а то, что не может не произойти, происходит по необходимости, и привяжешь меня к этому слову, «необходимость», ну что ж, я соглашусь, что это положение, обладающее прочнейшей истиной, но такое, к которому едва ли кто подступится, не будучи созерцателем Божества. 26. Ибо я отвечу, что одно и то же будущее событие необходимо, поскольку относится к божественному знанию, и представляется совершенно свободным и несвязанным, будучи рассматриваемо в своей природе. 27. Ведь необходимостей существует две:

одна простая — например, необходимо, что все люди смертны; другая условная — например, если ты знаешь, что кто-то ходит, необходимо, что он ходит. 28. Ведь то, что кто-либо знает, не может быть иным, нежели как познано, но эта условная необходимость никоим образом не влечет за собой простую. 29. Ведь ее производит не собственная природа вещи, но приложенное условие; никакая необходимость не принуждает идти идущего по своей воле, хотя когда он идет, то идет с необходимостью. 30. Таким же образом, если провидение видит нечто как настоящее, оно необходимо существует, даже если не имеет никакой природной необходимости.

31. Но Бог на те будущие вещи, что происходят по свободному выбору, взирает как на настоящие; таким образом, они в отношении к божественному взгляду делаются необходимыми по условию божественного знания, будучи же рассмотрены сами по себе, не теряют совершенной свободы своей природы. 32. Несомненно, совершатся все вещи, которые Бог предзнает как будущие, но некоторые из них проистекают из свободного выбора, и хотя они происходят, однако в своем осуществлении не утрачивают собственной природы, в согласии с которой они до того, как произошли, могли и не произойти. 33. Но что за важность, что они не необходимы, коль скоро под условием божественного знания они осуществляются во всех отношениях подобно необходимости? 34. Здесь то различие, примеры которого я представила раньше: всходящее солнце и идущий человек; эти действия, пока совершаются, не совершаться не могут, однако одно из них до того, как совершилось, должно было совершиться с необходимостью, а другое — никоим образом. 35. Так и то, чем Бог обладает как настоящим, несомненно осуществится, но одно проистекает из необходимости вещей, а другое — из власти совершающих. 36. Итак, не ошиблись мы, сказав, что эти вещи, если отнесены к божественному знанию, необходимы, если же рассматриваются сами по себе, отрешены от уз необходимости, как все, что открыто чувствам, если относишь его к разуму, всеобщее, если же рассматриваешь в себе самом, частное.

37. Но, скажешь ты, если в моей власти изменить намерение, я уничтожу провидение, коль скоро смогу изменить то, что им предузнано. 38. На это я отвечу, что намерение твое, конечно, ты можешь переменить, но поскольку истина провидения в своем настоящем зрит, что ты можешь сделать, и делаешь ли, и изменяешь ли в какую-нибудь сторону, ты не можешь избегнуть божественного предзнания, как не можешь ускользнуть от взора присутствующего ока, хотя и можешь

благодаря свободной воле обращаться к различным действиям. 39. Что же, скажешь ты, божественное знание будет меняться вместе с моим расположением, так что если я захочу то одного, то другого, оно тоже, как кажется, будет чередовать виды познания? никоим образом. 40. Ведь божественный взгляд опережает все будущие вещи, обращая и призывая их назад, к настоящему собственному познанию, и не чередует, как ты думаешь, то один, то другой образ предведения, но одним ударом, оставаясь недвижимым, упреждает и объемлет твои изменения. 41. Это настоящее постижения и видения всех вещей Бог стяжал не в осуществлении будущих вещей, но в собственной простоте. 42. Из этого разрешается и то затруднение, которое ты немного раньше выдвинул, а именно, что недостойно говорить, будто наши будущие дела суть причина Божьего знания. 43. Ведь сила этого знания, настоящим ведением объемлющая все, сама установила меру всем вещам и не должна ничего тому, что произойдет позже. 44. Коль скоро это так, остается невредимой у смертных свобода выбора, и так как их воля не связана никакой необходимостью, законы не несправедливы в определении наград и кар. 45. Остается, кроме того, незабываемым Бог, созерцающий с высоты и предзнающий все вещи, и вечность Его взора, присно настоящая, согласуется с будущим качеством наших дел, распределяя добрым награды, а дурным наказания. 46. И не тщетно на Бога возложены надежды и молитвы, которые, ежели праведны, без исполнения остаться не могут. 47. Итак, отвратитесь от пороков, усовершенствуйте добродетели, возвысьте душу к праведным надеждам, внесите в горняя смиренные мольбы. 48. Великая — если не хотите притворяться — предписана вам необходимость быть честными, ибо вы живете пред очами всевидящего судии.

СОКРАЩЕНИЯ

ФРГФ	Фрагменты ранних греческих философов : от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Т. I / пер. и сост. А. В. Лебедева. — М. : Наука, 1989.
Apul. De dog. Plat.	<i>Apuleius. De dogmate Platonis</i> // <i>Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt</i> / hrsg. von C. Moreschini. — Stuttgart, Leipzig : Teubner, 1991.
Apul. Met.	<i>Apuleius. Metamorphoses</i> // <i>Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt</i> . Bd. 1 / hrsg. von R. Helm. — Leipzig : De Gruyter, 1995.

- Ar. Plut. *Aristophanes*. Plutus // Aristophanes : Lysistrata. Thesmophoriazusae. Ecclesiazusae / trans. from the Ancient Greek by B. B. Rogers. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1986. — (Loeb Classical Library ; 180).
- Arist. Cael. *Aristoteles*. De caelo / ed. by D. J. Allan. — Oxford : Clarendon Press, 1961.
- Arist. Metaph. *Aristoteles*. Metaphysica : Neubearbeitung der Übersetzung / übers. von H. Bonitz. — Hamburg : Philosophische Bibliothek, 1980.
- Arist. Phys. *Aristoteles*. Physica / ed. by W. D. Ross. — Oxford : Clarendon Press, 1950.
- Arist. Protrept. *Aristoteles*. Protrepticus // Aristotelis opera : Librorum deperditorum fragmenta. Bd. 3 / hrsg. von O. Gigon. — Berlin : De Gruyter, 1987.
- Aug. C. acad. *Augustinus*. Contra academicos // Augustinus : Contra academicos. De beata vita. De ordine / hrsg. von T. Fuhrer, S. Adam. — Berlin : De Gruyter, 2017.
- Aul. Gell. Noc. Att. *Aulus Gellius*. Noctes Atticae: Libri I–X / Ed. C. Hosius. — Leipzig : Teubner, 1981.
- Boet. Cons. *Boethius*. De consolatione Philosophiae // De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica / Ed. C. Moreschini. — Leipzig, 2005. — P. 3–162.
- Calc. In Tim. *Calcidius*. In Timaeum commentarius // On Plato's Timaeus : trans. from the Ancient Greek by / ed. by J. Magee. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2016.
- Cass. Var. *Cassiodorus*. Variae / ed. by T. Mommsen. — Berolini : Weidmann, 1894. — (Monumenta Germaniae historica ; 1).
- Cat. Carm. *Catullus*. Carmina // Pervigilium Veneris / Catullus, Tibullus ; ed. by G. P. Goold. — Cambridge : Harvard University Press, 1988. — (Loeb Classical Library ; 6).
- Cic. Div. *Cicero*. De divinatione // De divinatione. De fato. Timaeus / M. T. Cicero ; ed. by O. Plasberg, W. Ax. — Leipzig : De Gruyter, 2011.
- Cic. Fin. *Cicero*. De finibus bonorum et malorum / ed. by C. Moreschini. — Munich, Leipzig : De Gruyter, 2005.
- Cic. Nat. d. *Cicero*. De natura deorum / Ed. W. Ax. — Leip., 1933.
- Cic. Off. *Cicero*. De officiis ad Marcum filium libri tres / komm. von O. Heine. — Berlin, 1878.
- Cic. Resp. *Cicero*. De re publica // Cicero in Twenty-Eight Volumes. Vol. 16. De re publica, De legibus / ed. by C. W. Keyes. — London, Cambridge (MA) : W. Heinemann, Harvard University Press, 1928a. — (Loeb Classical Library ; 213).

- Cic. Somn. *Cicero. Somnium Scipionis // Cicero in Twenty-Eight Volumes. Vol. 16. De re publica, De legibus / ed. by C. W. Keyes. — London, Cambridge (MA) : W. Heinemann, Harvard University Press, 1928b. — (Loeb Classical Library ; 213).*
- Cic. Tusc. *Cicero. Tusculanae Disputationes / Ed. M. Pohlenz. — Leipzig : Teubner, 1918.*
- Cic. Sen. *Cicero. Cato Maior de senectute / éd. établie et trad. par P. Wuilleumier. — Paris, 1961.*
- Claud. Poll. *Claudianus. De bello Pollentino sive Gothico // Carmina / Ed. T. Birt. — Berolini, 1892a.*
- Claud. Prob. *Claudianus. Panegyricus Probrini et Olybrii // Carmina / Ed. T. Birt. — Berolini, 1892b.*
- Enn. Ep. *Ennodius. Epistolae // Magni Felicis Ennodi Opera / ed. by F. Vogel. — Berolini : Weidmannos, 1885.*
- Epict. Diss. *Epictetus. Dissertationes // Tutte le opere : Diatribe — Frammenti—Manuale—Gnomologio / a cura di G. Reale, C. Cassanmagnago. — Milano : Bompiani, 2009.*
- Eur. Andr. *Euripides. Andromache // Euripidis Fabulae. In 2 vols. Vol. 1. Cyclops, Alcestis, Medea, Heraclidae, Hippolytus, Andromacha, Hecuba / ed. by J. Diggle. — Oxford : Clarendon Press, 1984.*
- Hom. Il. *Homerus. Ilias / ed. by H. van Thiel. — Hildesheim, Zurich, New York : Georg Olms, 1996.*
- Hom. Od. *Homerus. Odyssea / ed. by H. van Thiel. — Hildesheim, Zurich, New York : Georg Olms, 1991.*
- Hor. Carm. *Horatius. Carmina // Q. Horatii Flacci opera / hrsg. von F. Klingner. — Leipzig : Teubner, 1959a.*
- Hor. Ep. *Horatius. Epistulae // Q. Horatii Flacci opera / hrsg. von F. Klingner. — Leipzig : Teubner, 1950. — S. 240–293.*
- Hor. Sat. *Horatius. Satirae // Q. Horatii Flacci opera / hrsg. von F. Klingner. — Leipzig : Teubner, 1959b.*
- Hyg. Fab. *Hyginus. Fabulae / ed. by P. Marshall. — München : K. G. Saur, 2002.*
- Inf. *Dante Alighieri. La Commedia secondo l'antica vulgata. In 4 voll. Vol. 2. Inferno / a cura di Mondadori. — Milano, 1966.*
- Isid. Etym. *Isidorus Hispalensis. Etymologiae / Ed. W.M. Lindsay. — Oxford : Clarendon Press, 1911.*
- Iuv. Sat. *Iuvenalis. Satirae // Juvenal and Persius / ed. and trans. by S. M. Braund. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2004. — (Loeb Classical Library ; 91).*

- Lact. De ira. *Lactantius. De ira Dei liber* / hrsg. von H. Kraft, A. Wlosok. — Darmstadt : WBG, 1971.
- Luc. Phars. *Lucanus. Pharsalia // The Civil War* / trans. by J. D. Duff. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1928. — (Loeb Classical Library ; 220).
- Macr. Sat. *Macrobius. Saturnalia. Libri I–III* / Ed. R. Kaster. — Cambridge (MA), 2011.
- Macr. Somn. *Macrobius. In somnium Scipionis* / Ed. M. Neri. — Milano, 2014.
- Mart. De nupt. *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / ed. by I. Ramelli. — Milano : Bompiani, 2004.
- Ov. Ars am. *Ovidius. Ars amandi // Ovid : The Art of Love and Other Poems* / trans. from the Latin by J. H. Mozley. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1929. — (Loeb Classical Library ; 232).
- Ov. Metam. *Ovidius. Metamorphoses* / ed. by R. J. Tarrant. — Oxford : Oxford University Press, 2004.
- Par. *Dante Alighieri. La Commedia secondo l'antica vulgata. In 4 voll. Vol. 4. Paradiso* / a cura di Mondadori. — Milano, 1967.
- Plat. Gorg. *Plato. Gorgias // Lysis. Symposium. Gorgias* / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — Cambridge (MA) : Heinemann, 1925a.
- Plat. Lys. *Plato. Lysis // Lysis. Symposium. Gorgias* / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — Cambridge (MA) : Heinemann, 1925b.
- Plat. Phd. *Plato. Phaedo // Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus* / ed. by H. N. Fowler. — Cambridge (MA), 1904a.
- Plat. Phdr. *Plato. Phaedrus // Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus* / ed. by H. N. Fowler. — Cambridge (MA), 1904b.
- Plat. Phileb. *Plato. Philebus // Statesman. Philebus. Ion.* / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — London : Heinemann, 1925c.
- Plat. Resp. *Plato. Respublica* : in 2 vols. / ed. and trans. from the Ancient Greek by C. Emlyn-Jones, W. Preddy. — Cambridge, MA, 2013.
- Plat. Theaet. *Plato. Theaetetus // Theaetetus. Sophist.* / trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1921.

- Plat. Tim. *Plato*. Timaeus // Timaeus. Critias. Cleitophon. Menexenus. Epistles. / trans. from the Ancient Greek by R. G. Bury. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1929.
- Plot. Enn. *Plotin*. Ennéades : en 7 t. / sous la dir. de P. Bréhier. — Paris : Les Belles Lettres, 1924–1938.
- PLRE II *Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. In 3 vols. Vol. II. 395–527. — Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Plut. Aem. *Plutarchus*. Aemilius Paulus // Lives. In 11 vols. Vol. 6. Dion and Brutus. Timoleon and Aemilius Paulus / Plutarch; ed. and trans. by B. Perrin. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1918a. — (Loeb Classical Library ; 98).
- Plut. De garrul. *Plutarchus*. De garrulitate // Moralia. In 15 vols. Vol. 6. Can Virtue Be Taught? On Moral Virtue. On the Control of Anger. On Tranquility of Mind. On Brotherly Love. On Affection for Offspring. Whether Vice Be Sufficient to Cause Unhappiness. Whether the Affections of the Soul are Worse Than Those of the Body / Plutarch; ed. and trans. by W. C. Helmsbold. — Cambridge (MA) : Harvard Univ. Press, 1939a. — (Loeb Classical Library ; 337).
- Plut. De vit. pud. *Plutarchus*. De vitioso pudore // Moralia. In 15 vols. Vol. 7. On Love of Wealth. On Compliancy. On Envy and Hate. On Praising Oneself Inoffensively. On the Delays of the Divine Vengeance. On Fate. On the Sign of Socrates. On Exile. Consolation to His Wife / Plutarch; ed. by W. C. Helmsbold; trans. from the Ancient Greek by B. Einarson, P. de Lacy. — Cambridge (MA) : Harvard Univ. Press, 1939b. — (Loeb Classical Library ; 4–5).
- Plut. Pyrrh. *Plutarchus*. Pyrrhus // Lives. In 11 vols. Vol. 9. Demetrius and Antony. Pyrrhus and Gaius Marius / Plutarch; ed. and trans. by B. Perrin. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1918b. — (Loeb Classical Library ; 101).
- Procl. Elem. *Proclus*. The Elements of Theology : A Revised Text with Translation, Introduction, and Commentary / ed. and trans. from the Ancient Greek by E. R. Dodds. — Oxford : Clarendon Press, 1963.
- Procl. Tim. *Proclus*. In Platonis Timaeum : in 3 vols. / Ed. H. Diels. — Leipzig : Teubner, 1903–1906.

- Ps. Plat. Defin. *Pseudo-Plato. Definitones // Platonis opera. In 5 vols. Vol. 5 / Plato; ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1907.*
- Ptol. Alm. *Ptolemaeus. Almagest // Claudii Ptolemaei opera quae exstant omnia. В 2 т. Т. 1 / под ред. J. L. Heiberg. — Leipzig : Teubner, 1898.*
- Sall. Cat. *Sallustius. Bellum Catilinae // Sallust / ed. and trans. from the Latin by J. C. Rolfe. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1931.*
- Sen. Ad Marc. *Seneca. De consolatione ad Marciam // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 2. De Consolatione ad Marciam. De Vita Beata. De Otio. De Tranquillitate Animi. De Brevitate Vitae. De Consolatione ad Polybium. De Consolatione ad Helviam / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1932a. — (Loeb Classical Library ; 254).*
- Sen. Benef. *Seneca. De beneficiis // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 3. De Beneficiis / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1935a. — (Loeb Classical Library ; 310).*
- Sen. Constant. *Seneca. De constantia // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 3. De Beneficiis / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1935b. — (Loeb Classical Library ; 310).*
- Sen. Herc. fur. *Seneca. Hercules furens // Tragedies. In 3 vols. Vol. 2. Oedipus. Agamemnon. Thyestes. Hercules on Oeta. Octavia / ed. and trans. by J. Fitch. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2018a. — (Loeb Classical Library ; 78).*
- Sen. Oed. *Seneca. Oedipus // Tragedies. In 3 vols. Vol. 2. Oedipus. Agamemnon. Thyestes. Hercules on Oeta. Octavia / ed. and trans. by J. Fitch. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2018b. — (Loeb Classical Library ; 78).*
- Sen. Prov. *Seneca. De providentia // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 3. De Beneficiis / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1928. — (Loeb Classical Library ; 310).*
- Sen. QNat. *Seneca. Naturales quaestiones : в 2 т. / под ред. T. Corcoran. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1971–1972. — (Loeb Classical Library ; 450).*
- Sen. Tranq. *Seneca. De tranquillitate animi // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 2. De Consolatione ad Marciam. De Vita Beata. De Otio. De Tranquillitate Animi. De Brevitate Vitae. De*

- Consolatione ad Polybium. De Consolatione ad Helviam / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1932b. — (Loeb Classical Library ; 254).
- Sen. Vit. beat. *Seneca*. De vita beata // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 2. De Consolatione ad Marciam. De Vita Beata. De Otio. De Tranquillitate Animi. De Brevitate Vitae. De Consolatione ad Polybium. De Consolatione ad Helviam / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1932c. — (Loeb Classical Library ; 254).
- Sil. Pun. *Silius Italicus*. Punica : в 2 т. / под ред. J. D. Duff. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1934. — (Loeb Classical Library ; 227/228).
- Soph. Ant. *Sophocles*. Antigone // Antigone. The Women of Trachis. Philoctetes. Oedipus at Colonus. In 4 vols. Vol. 2 / ed. and trans. by H. Lloyd-Jones. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1994. — (Loeb Classical Library ; 21).
- Suet. Aug. *Suetonius*. Divus Augustus // The Lives of the Caesars. In 4 vols. Vol. 1. Julius. Augustus. Tiberius. Gaius. Caligula / ed. and trans. by J. Rolfe. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1914a. — (Loeb Classical Library ; 31).
- Suet. Nero. *Suetonius*. Nero // The Lives of the Caesars. In 4 vols. Vol. 1. Claudius. Nero. Galba, Otho, and Vitellius. Vespasian. Titus, Domitian. Lives of Illustrious Men: Grammarians and Rhetoricians. Poets (Terence. Virgil. Horace. Tibullus. Persius. Lucan). Lives of Pliny the Elder and Passienus Crispus / ed. and trans. by J. Rolfe. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1914b. — (Loeb Classical Library ; 38).
- Тас. Ann. *Tacitus*. Annalium ab Excessu Divi Augusti Libri : пер. с лат. / под ред. C. D. Fisher. — Oxford : Oxford University Press, 1906.
- Verg. Aen. *Vergilius*. Aeneis / Ed. G. B. Conte. — Leipzig : Teubner, 2005.
- Verg. Georg. *Vergilius*. Georgica // Bucolica et Georgica / hrsg. von S. Ottaviano, G. B. Conte. — Berlin : De Gruyter, 2013.

ИСТОЧНИКИ

Бозтий А. М. С. Утешение философское / пер. с лат. Феофилакта [Ф. Г. Русанова]. — СПб. : [s. n.], 1794.

- Boethius A. M. C.* Собрание переводов, в разные времена изданных Преподобным Феофилактом Епископом Калужским, что ныне Синодальный Член и Архиепископ Рязанский. В 4 т. Т. 1. Утешение философское / пер. с лат. Феофилакта [Русанова, Ф. Г.] — СПб. : Императорская Академия наук, 1809.
- Боэций.* Утешение философией / пер. с лат. В. И. Уколовой, М. Н. Цейтлина // Утешение философией и другие трактаты / пер. с лат. В. И. Уколовой, М. Н. Цейтлиной. — М. : Наука, 1990. — С. 190–290.
- Boethius.* *Trost der Philosophie* / hrsg. von E. Gegenschatz, O. Gigon. — Zürich : Artemis & Winkler, 2002.
- Boethius.* *The Theological Tractates : The Consolation of Philosophy* / aus dem Lateinischen übers. von H. F. Stewart, E. K. Rand, S. J. Tester. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2003. — (Loeb Classical Library ; 74).
- Boezio.* *La consolazione della Filosofia* : trad. dal latino da / a cura di C. Moreschini. — Torino : UTET, 2014.

ЛИТЕРАТУРА

- Gruber J.* Kommentar zu Boethius : „De consolatione philosophiae“. — Berlin : W. de Gruyter, 1978.
- Kelly H.* *Ideas and Forms of Tragedy from Aristotle to the Middle Ages*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — (Cambridge Studies in Medieval Literature ; 18).

Boetsiy [Boethius]. 2019. “Utesheniye Filosofiyey [De consolatione Philosophiae]” [in Russian], trans. from the Latin and annot., with an introd., by R. L. Shmarakov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] III (4), 133–247.

БОЭТИУС

DE CONSOLATIONE PHILOSOPHIAE

Translation of: Boethius. 2005. *De consolatione Philosophiae* [in Latin]. In *De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica*, by Ed. C. Moreschini, 3–162. Leipzig.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-4-133-247.

REFERENCES

- Adelard Bat-skiy [Adelard of Bath]. 2018. “O tozhdestvennom i razlichnom [On the Same and the Different]” [in Russian], comm. by R. L. Shmarakov. Trans. from the Latin, with a forew., by R. L. Shmarakov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* 2 (3): 215–246.
- Apuleius. 1955. “Metamorphoses” [in Latin]. In *Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt*, ed. by R. Helm, vol. 1. Leipzig: De Gruyter.

- . 1991. “De dogmate Platonis” [in Latin]. In *Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt*, ed. by C. Moreschini. Stuttgart and Leipzig: Teubner.
- Aristophanes. 1986. “Plutus” [in English and Ancient Greek]. In *Aristophanes : Lysistrata. Thesmophoriazusa. Ecclesiazusa*, trans. from the Ancient Greek by B. B. Rogers. Loeb Classical Library 180. Cambridge: Loeb Classical Library.
- Aristoteles. 1950. *Physica* [in Latin and Ancient Greek]. Ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press.
- . 1961. *De caelo* [in Latin and Ancient Greek]. Ed. by D. J. Allan. Oxford: Clarendon Press.
- . 1980. *Metaphysica: Neubearbeitung der Übersetzung* [in German and Ancient Greek]. Trans. by H. Bonitz. Hamburg: Philosophische Bibliothek.
- . 1987. “Protrepticus” [in Latin]. In *Aristotelis opera : Librorum deperditorum fragmenta*, ed. by O. Gigon, vol. 3. Berlin: De Gruyter.
- Augustinus. 2017. “Contra academicos” [in Latin]. In *Augustinus : Contra academicos. De beata vita. De ordine*, ed. by T. Fuhrer and S. Adam. Berlin: De Gruyter.
- Aulus Gellius. 1981. *Noctes Atticae: Libri I–X* [in Latin]. Ed. by C. Hosius. Leipzig: Teubner.
- Boethius. 1794. *Consolation of Philosophy* [in Russian]. Trans. from the Latin by Feofilakt [Rusanov, F. G.] Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: [s. n.]
- . 1809. *Consolation of Philosophy* [in Russian]. Vol. 1 of *Sobraniye perevodov, v raznyya vremena izdannykh Preosvyashchennym Feofilaktom Yepiskopom Kaluzhskim, chto nyne Sinodal’nyy Chlen i Arkhiyepiskop Ryazanskiy* [A Collection of Translations, at Different Times Published by the Right Reverend Theophilact Bishop of Kaluga, That is Now a Synodal Member and Archbishop of Ryazan], trans. from the Latin by Feofilakt [Rusanov, F. G.] 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Imperatorskaya Akademiya nauk.
- . 1990. “Utsheniye filosofiyey” [in Russian]. In *Utsheniye filosofiyey i drugiyey traktaty* [Consolation of Philosophy and Other Works], trans. from the Latin by V. I. Ukolova and M. N. Tseytlin, 190–290. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2002. *Trost der Philosophie* [in German and Latin]. Ed. by E. Gegenschatz and O. Gigon. Zürich: Artemis & Winkler.
- . 2003. *The Theological Tractates: The Consolation of Philosophy* [in English and Latin]. Trans. from the Latin by H. F. Stewart, E. K. Rand, and S. J. Tester. Loeb Classical Library 74. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 2005. *De consolatione Philosophiae* [in Latin]. In *De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica*, by Ed. C. Moreschini, 3–162. Leipzig.
- Boezio. 2014. *La consolazione della Filosofia* [in Italian and Latin]. Ed. by C. Moreschini. Torino: UTET.
- Calcidius. 2016. “In Timaeum commentarius” [in Latin]. In *On Plato’s Timaeus [In Timaeum commentarius]*, ed. by J. Magee. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Cassiodorus. 1894. *Variae* [in Latin]. Ed. by Th. Mommsen. Monumenta Germaniae historica 1. Berolini: Weidmann.
- Catullus. 1988. “Carmina” [in Latin]. In *Pervigilium Veneris*, by Catullus and Tibullus, ed. by G. P. Goold. Loeb Classical Library 6. Cambridge: Harvard University Press.
- Cicero. 1878. *De officiis ad Marcum filium libri tres* [in Latin]. Ed. by O. Heine. Verlin.
- . 1918. *Tusculanae Disputationes* [in Latin]. Ed. by M. Pohlenz. Leipzig: Teubner.
- . 1928a. *De re publica* [in English and Latin]. In *De re publica, De legibus*, vol. 16 of *Cicero in Twenty-Eight Volumes*, ed. by C. W. Keyes. Loeb Classical Library 213. London and Cambridge (MA): W. Heinemann / Harvard University Press.

- . 1928b. *Somnium Scipionis* [in English and Latin]. In *De re publica, De legibus*, vol. 16 of *Cicero in Twenty-Eight Volumes*, ed. by C. W. Keyes. Loeb Classical Library 213. London and Cambridge (MA): W. Heinemann / Harvard University Press.
- . 1933. *De natura deorum* [in Latin]. Ed. by W. Ax. Leipzig.
- . 1961. *Cato Maior de senectute* [in Latin]. Ed. and trans. by P. Wuilleumier. Paris.
- . 2005. *De finibus bonorum et malorum* [in Latin]. Ed. by C. Moreschini. Munich and Leipzig: De Gruyter.
- . 2011. *De divinatione* [in Latin]. In *De divinatione. De fato. Timaeus*, by M. Tullius Cicero, ed. by O. Plasberg and W. Ax. Leipzig: De Gruyter.
- Claudianus. 1892a. *De bello Pollentino sive Gothico* [in Latin]. In *Carmina*, ed. by Th. Birt. Berolini.
- . 1892b. *Panegyricus Probrini et Olybrii* [in Latin]. In *Carmina*, ed. by Th. Birt. Berolini.
- Dante Alighieri. 1966. *Inferno* [in Italian]. Vol. 2 of *La Commedia secondo l'antica vulgata*, ed. by Mondadori. 4 vols. Milano.
- . 1967. *Paradiso* [in Italian]. Vol. 4 of *La Commedia secondo l'antica vulgata*, ed. by Mondadori. 4 vols. Milano.
- Ennodius. 1885. "Epistolae" [in Latin]. In *Magni Felicis Ennodi Opera*, ed. by F. Vogel. Berolini: Weidmannos.
- Epictetus. 2009. "Dissertationes" [in Latin]. In *Tutte le opere : Diatribe — Frammenti — Manuale — Gnomologio*, ed. by G. Reale and C. Cassanmagnago. Milano: Bompiani.
- Euripides. 1984. *Andromache* [in Latin and Ancient Greek]. In *Cyclops, Alcestis, Medea, Heracidae, Hippolytus, Andromacha, Hecuba*, vol. 1 of *Euripidis Fabulae*, ed. by J. Diggle. 2 vols. Oxford: Clarendon Press.
- Gil'om Konshskiy [William of Conches] et al. 2018. *Shart'skaya shkola [School of Chartres]* [in Russian]. Ed. by O. S. Voskobonikov. Trans. from the Latin by O. S. Voskobonikov and Shmarakov R. L. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Gruber, J. 1978. *Kommentar zu Boethius: "De consolazione philosophiae"* [in German and Latin]. Berlin: W. de Gruyter.
- Homerus. 1991. *Odyssea* [in Ancient Greek and German]. Ed. by H. van Thiel. Hildesheim, Zurich, and New York: Georg Olms.
- . 1996. *Ilias* [in Ancient Greek and German]. Ed. by H. van Thiel. Hildesheim, Zurich, and New York: Georg Olms.
- Horatius. 1950. *Epistolae* [in Latin]. In *Q. Horatii Flacci opera*, ed. by F. Klingner, 240–293. Leipzig: Teubner.
- . 1959a. "Carmina" [in Latin]. In *Q. Horatii Flacci opera*, ed. by F. Klingner. Leipzig: Teubner.
- . 1959b. "Satirae" [in Latin]. In *Q. Horatii Flacci opera*, ed. by F. Klingner. Leipzig: Teubner.
- Hyginus. 2002. *Fabulae* [in Latin]. Ed. by P. Marshall. München: K. G. Saur.
- Isidorus Hispalensis. 1911. *Etymologiae* [in Latin]. Ed. by W. M. Lindsay. Oxford: Clarendon Press.
- Iuvenalis. 2004. "Satirae" [in Latin]. In *Juvenal and Persius*, ed. and trans. from the Latin by S. M. Braund. Loeb Classical Library 91. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Kelly, H. 1993. *Ideas and Forms of Tragedy from Aristotle to the Middle Ages*. Cambridge Studies in Medieval Literature 18. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lactantius. 1971. *De ira Dei liber* [in Latin]. Ed. by H. Kraft and A. Wlosok. Darmstadt: WBG.

- Lebedev, A. V., comp. 1989. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov [The Fragments of the Early Greek Philosophers]: ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [From the Epic Theocosmogonies to the Birth of the Atomistics]* [in Russian]. Trans. by A. V. Lebedev. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lucanus. 1928. "Pharsalia" [in Latin and English]. In *The Civil War*, trans. by J. D. Duff. Loeb Classical Library 220. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Macrobius. 2011. *Saturnalia. Libri I–III* [in Latin]. Ed. by R. Kaster. Cambridge (MA).
 ———. 2014. *In somnium Scipionis* [in Latin]. Ed. by M. Neri. Milano.
- Martianus Capella. 2004. *De nuptiis Philologiae et Mercurii* [in Latin]. Ed. by I. Ramelli. Milano: Bompiani.
- Martindale, J. R. 1980. 395–527. Vol. II of *The Prosopography of the Later Roman Empire*. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ovidius. 1929. "Ars amandi" [in Latin]. In *Ovid : The Art of Love and Other Poems*, trans. from the Latin by J. H. Mozley. Loeb Classical Library 232. Cambridge (MA): Harvard University Press.
 ———. 2004. *Metamorphoses* [in Latin]. Ed. by R. J. Tarrant. Oxford: Oxford University Press.
- Plato. 1904a. *Phaedo* [in Ancient Greek]. In *Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus*, ed. by H. N. Fowler. Cambridge (MA).
 ———. 1904b. *Phaedrus* [in Ancient Greek]. In *Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus*, ed. by H. N. Fowler. Cambridge (MA).
 ———. 1921. "Theaetetus" [in Ancient Greek and English]. In *Theaetetus. Sophist.*, trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. Cambridge, MA: Harvard University Press.
 ———. 1925a. "Gorgias" [in Ancient Greek and English]. In *Lysis. Symposium. Gorgias*, trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. Cambridge (MA): Heinemann.
 ———. 1925b. "Lysis" [in Ancient Greek and English]. In *Lysis. Symposium. Gorgias*, trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. Cambridge (MA): Heinemann.
 ———. 1925c. *Philebus* [in Ancient Greek and English]. In *Statesman. Philebus. Ion.*, trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. London: Heinemann.
 ———. 1929. "Timaeus" [in Ancient Greek and English]. In *Timaeus. Critias. Cleitophon. Menexenus. Epistles.*, trans. from the Ancient Greek by R. G. Bury. Cambridge (MA): Harvard University Press.
 ———. 2013. *Respublica* [in Ancient Greek and English]. Ed. and trans. from the Ancient Greek by C. Emlyn-Jones and W. Preddy. 2 vols. Cambridge, MA.
- Plotin. 1924–1938. *Ennéades* [in Ancient Greek]. Ed. by P. Bréhier. 7 vols. Paris: Les Belles Lettres.
- Plutarchus. 1918a. *Aemilius Paulus* [in Ancient Greek and English]. In *Dion and Brutus. Timoleon and Aemilius Paulus*, vol. 6 of *Lives*, by Plutarch, ed. and trans. from the Ancient Greek by B. Perrin. 11 vols. Loeb Classical Library 98. Cambridge (MA): Harvard University Press.
 ———. 1918b. *Pyrrhus* [in Ancient Greek and English]. In *Demetrius and Antony. Pyrrhus and Gaius Marius*, vol. 9 of *Lives*, by Plutarch, ed. and trans. from the Ancient Greek by B. Perrin. 11 vols. Loeb Classical Library 101. Cambridge (MA): Harvard University Press.
 ———. 1939a. *De garrulitate* [in Ancient Greek and English]. In *Can Virtue Be Taught? On Moral Virtue. On the Control of Anger. On Tranquility of Mind. On Brotherly Love. On Affection for Offspring. Whether Vice Be Sufficient to Cause Unhappiness. Whether the Affections of the Soul are Worse Than Those of the Body*, vol. 6 of *Moralia*, by Plutarch, ed. and trans. from the Ancient Greek by W. C. Helmsbold. 15 vols. Loeb Classical Library 337. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.

- . 1939b. *De vitioso pudore* [in Ancient Greek and English]. In *On Love of Wealth. On Compliancy. On Envy and Hate. On Praising Oneself Inoffensively. On the Delays of the Divine Vengeance. On Fate. On the Sign of Socrates. On Exile. Consolation to His Wife*, vol. 7 of *Moralia*, by Plutarch, ed. by W. C. Helmsbold, trans. from the Ancient Greek by B. Einarson and P. de Lacy. 15 vols. Loeb Classical Library, 4–5. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Proclus. 1903–1906. *In Platonis Timaeum* [in Ancient Greek and Latin]. Ed. by H. Diels. 3 vols. Leipzig: Teubner.
- . 1963. *The Elements of Theology: A Revised Text with Translation, Introduction, and Commentary* [in Ancient Greek and English]. Ed. and trans. from the Ancient Greek by E. R. Dodds. Oxford: Clarendon Press.
- Pseudo-Plato. 1907. *Definitones* [in Ancient Greek and English]. In vol. 5 of *Platonis opera*, by Plato, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- Ptolemaeus. 1898. *Almagest* [in Latin]. In vol. 1 of *Claudii Ptolemaei opera quae exstant omnia*, ed. by J. L. Heiberg. 2 vols. Leipzig: Teubner.
- Sallustius. 1931. “Bellum Catilinae” [in Latin and English]. In *Sallust*, ed. and trans. from the Latin by J. C. Rolfe. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Seneca. 1928. *De providentia* [in Latin and English]. In *De Beneficiis*, vol. 3 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 310. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1932a. *De consolatione ad Marciam* [in Latin and English]. In *De Consolatione ad Marciam. De Vita Beata. De Otio. De Tranquillitate Animi. De Brevitate Vitae. De Consolatione ad Polybium. De Consolatione ad Helviam*, vol. 2 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 254. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1932b. *De tranquillitate animi* [in Latin and English]. In *De Consolatione ad Marciam. De Vita Beata. De Otio. De Tranquillitate Animi. De Brevitate Vitae. De Consolatione ad Polybium. De Consolatione ad Helviam*, vol. 2 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 254. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1932c. *De vita beata* [in Latin and English]. In *De Consolatione ad Marciam. De Vita Beata. De Otio. De Tranquillitate Animi. De Brevitate Vitae. De Consolatione ad Polybium. De Consolatione ad Helviam*, vol. 2 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 254. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1935a. *De beneficiis* [in Latin and English]. In *De Beneficiis*, vol. 3 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 310. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1935b. *De constantia* [in Latin and English]. In *De Beneficiis*, vol. 3 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 310. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1971–. 1972. *Naturales quaestiones* [in Latin and English]. Ed. by T. Corcoran. 2 vols. Loeb Classical Library 450. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 2018a. *Hercules furens* [in Latin and English]. In *Oedipus. Agamemnon. Thyestes. Hercules on Oeta. Octavia*, vol. 2 of *Tragedies*, ed. and trans. from the Latin by J. Fitch. 3 vols. Loeb Classical Library 78. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 2018b. *Oedipus* [in Latin and English]. In *Oedipus. Agamemnon. Thyestes. Hercules on Oeta. Octavia*, vol. 2 of *Tragedies*, ed. and trans. from the Latin by J. Fitch. 3 vols. Loeb Classical Library 78. Cambridge (MA): Harvard University Press.

- Silius Italicus. 1934. *Punica* [in Latin and English]. Ed. by J. D. Duff. 2 vols. Loeb Classical Library, 227/228. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Sophocles. 1994. *Antigone* [in Ancient Greek and English]. In vol. 2 of *Antigone. The Women of Trachis. Philoctetes. Oedipus at Colonus*, ed. and trans. from the Ancient Greek by H. Lloyd-Jones. 4 vols. Loeb Classical Library 21. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Suetonius. 1914a. *Divus Augustus* [in Latin and English]. In *Julius. Augustus. Tiberius. Gaius. Caligula*, vol. 1 of *The Lives of the Caesars*, ed. and trans. from the Latin by J. Rolfe. 4 vols. Loeb Classical Library 31. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1914b. *Nero* [in Latin and English]. In *Claudius. Nero. Galba, Otho, and Vitellius. Vespasian. Titus, Domitian. Lives of Illustrious Men: Grammarians and Rhetoricians. Poets (Terence. Virgil. Horace. Tibullus. Persius. Lucan). Lives of Pliny the Elder and Passienus Crispus*, vol. 1 of *The Lives of the Caesars*, ed. and trans. from the Latin by J. Rolfe. 4 vols. Loeb Classical Library 38. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Tacitus. 1906. *Annalium ab Excessu Divi Augusti Libri* [in Latin]. Ed. by C. D. Fisher. Oxford: Oxford University Press.
- Vergilius. 2005. *Aeneis* [in Latin]. Ed. by G. B. Conte. Leipzig: Teubner.
- . 2013. “Georgica” [in Latin and German]. In *Bucolica et Georgica*, ed. by S. Ottaviano and G. B. Conte. Berlin: De Gruyter.